НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ ВОЖДЕЙ

СЕРГО БЕРИЯ

МОЙ ОТЕЦ ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

СЫН ЗА ОТЦА ОТВЕЧАЕТ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сенсационная книга, в которой рассказывается о легендарном Лаврентии Павловиче Берии — ближайшем соратнике Сталина. Его титаническая деятельность на самых разных должностях — от всесильного наркома госбезопасности до руководителя советского атомного проекта — была на первом краю сталинской политики.

В наше время имя Л.П. Берии обросло многочисленными мифами и легендами. Оно постоянно подвергается нападкам недоброжелателей, за которыми намеренно скрывается историческая правда. Как получить достоверную информацию об этом незаурядном деятеле Советского Союза? Его сын С.Л. Берия готов ответить за отца и рассказать немало интересного.

В книге представлены как не публиковавшиеся в России материалы биографов Берии, так и воспоминания его сына.

- Серго Берия
  - Рауль Чилачава. Сын Лаврентия Берия рассказывает…
    - Предисловие
    - Диалоги с сыном Лаврентия Берия
    - В Верховном Суде СССР
    - Приговор приведен в исполнение
    - Послесловие
  - Серго Берия. Мой отец — Лаврентий Берия
    - Начало пути
    - Сталин и Берия
    - Лубянка: карающий меч партии?
    - В лабиринтах разведки

Серго Берия
Сын за отца отвечает:
Мой отец Лаврентий Берия

Рауль Чилачава. Сын Лаврентия Берия рассказывает…

Даже когда мы многое узнали после суда над Берия, мы дали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берия. Он казался нам удобной фигурой, и мы сделали все, чтобы выгородить Сталина…

Н. С. Хрущев. «Огонек», № 9, 1990, с. 16

Предисловие

Сегодня святая Троица… Светлый христианский Праздник. За окном шумит ливень, беспощадно сбивая отцветшие лепестки каштанов. В распахнутые двери балкона врывается свежий летний ветер, наполняя квартиру озоном. Мою беседу с одиноким хозяином сопровождают раскаты грома, словно гул канонады из ушедшей эпохи, где осталось столько тревоги, страха, страданий. Недавно он похоронил мать, которая была для него не только родным человеком, но и близким другом. С ней вместе ему пришлось испытать полынный привкус ссылки, долгие годы изоляции от общества. Мать умерла в восьмидесятисемилетнем возрасте, сохранив прежнее душевное обаяние, доброту и веру в людей…

Говорят, в молодости она была неописуемой красавицей и будущий муж, дрогнув перед ее очарованием, похитил избранницу. Тяжелое бремя ответственности легло на хрупкие плечи Нино Гегечкори после замужества. Шутка ли — мужем был Лаврентий Берия!.. Их первенец — единственный сын, с которым мне предстоят нелегкие беседы, ныне уже немолодой, но, вспоминая маму, с трудом сдерживает слезы. Согласно завещанию, он ее похоронил в Тбилиси. А могилы отца нет. От отца вообще не осталось ничего: ни вещей, ни книг, ни документов, ни фамилии и отчества. Хотя передо мной и сидит кровный сын Лаврентия Павловича Берия, по паспорту он — Сергей Алексеевич Гегечкори: так его нарекли гэбэшные власти, выпуская на волю после десятилетней ссылки. Мол, оградим тебя от народного гнева!.. Серго упорствовал, не хотел принимать другую, хоть и материнскую, фамилию и иное, хоть и прадедовское, отчество. Он хотел остаться тем, как крестили при рождении — Сергеем Лаврентьевичем Берия. Однако его убеждали: куда бы ты ни поехал, где бы ты ни работал, тебе все равно вручат именно этот паспорт! Привыкай! И ему пришлось делать вид, что привыкает… Оказывается, не смог привыкнуть, ибо ему чужд комплекс Павлика Морозова, донесшего на родного отца.

Я давно знал, что мы живем в одном городе. Несколько раз даже пытался отыскать его, но в последний момент останавливали сомнения: захочет ли сын заклейменного «агента международного империализма» встретиться с земляком-писателем, вынашивающим мысль написать книгу о его семье. На имя Берия тогда вообще было наложено табу, его нигде не упоминали, обходили молчанием, как бы следуя совету древних

латинян: De mortius aut bene, aut nihil». («О покойниках или хорошо, или ничего!»). Плохого и отвратительного было наговорено хоть отбавляй, а отзываться хорошо в нашем государстве не было принято даже о святых покойниках, — тут же многогрешный партийный босс и всемогущий шеф тайной полиции. Но история — «сволочнейшая штуковина» и ей свойственно время от времени возбуждать интерес к себе и людям, игравшим заметную роль в жизни общества. Более того, она сама выбирает главных действующих лиц для своих грандиозных постановок, безошибочно разгадывая амплуа того или иного исполнителя.

Во многосерийной большевистской эпопее, полной драматизма и человеческих трагедий, Лаврентию Берия была уготовлена роль покорителя Олимпа и низвергнутого, идола, на которого впоследствии спишут все мыслимые и немыслимые преступления коммунистического режима. Сегодня очевидно, что после тридцатилетней диктатуры Сталина, грузина по национальности, Берия, тоже грузин, будь даже агнцем божьим, не был бы помилован волчьей стаей из Политбюро, где каждый дрожал за собственную шкуру. А дрожать было за что, ибо все они, почти без исключения, продвигались к высшей власти по трупам своих друзей и соратников. Их траверсы были обагрены кровью: у кого — большей, у кого — меньшей. Но разве это имело значение? У всех рыльце было в пушку… Лучше Лаврентия Берия знать об этом не мог никто. Работа у него была такая: владеть тайнами не только Кремля, но и всей страны. Стая понимала: смерть Сталина — это рубеж, который может оказаться для нее роковым, если она не уберет опаснейшего соперника, такого же туземца, как и покойный хозяин. Никита Хрущев, прекрасный исполнитель гопака на сталинских застольях, решился стать главным ликвидатором и, опираясь на «коллективный разум» единомышленников, сумел добиться цели…

С тех пор прошло без малого сорок лет. Неузнаваемо изменилась наша жизнь. Приказали долго жить СССР, КПСС, КГБ. История, сначала распределившая роли, ныне вершит суд над их исполнителями. Предлагаемая книга содержит как бы дополнительные показания для этого суда.

Я понимаю, что объективную историю репрессий в СССР не смогут написать дети как репрессированных, так и репрессировавших. И те, и другие полны желания показать своих родителей в лучшем свете, тогда как истина лежит где-то посредине. К этой средине нам и необходимо стремиться.

Я отдаю себе отчет в том, насколько дерзновенна даже робкая попытка посмотреть на Лаврентия Берия как бы с новой,

отличающейся от официальной точки зрения. Совсем недавно это было бы немыслимо. Но сегодня, в период тотальной переоценки ценностей, мы вправе не принимать на веру многие утверждения советских идеологов и историографов, успевших возвести Эвересты лжи. Тысячи страниц новейшей истории до недавно нашей общей страны ничуть не искренне и не объективнее страниц ставшего притчей во языцех «Краткого курса ВКП(б)». Его хоть за краткость можно уважать…

— Злостные намерения обелить предателя! — воскликнет ортодоксальный читатель.

— Отнюдь! — отвечу я ему. — Речь пойдет лишь о том, в чем видели грехопадение Л. Берия члены Политбюро и Центрального Комитета и как в свете нынешней общественно-политической обстановки в бывшем СССР выглядят их доводы.

Сегодня мало кто остался в живых из участников заговора против Берия. Большинство из них, дожив до глубокой старости, ушли в мир иной спокойно, напоминая о себе потомкам то невзрачными плитами на кремлевской стене, то черно-белыми надгробными памятниками на Новодевичьем кладбище. Но как они ни старались скрыть свое истинное лицо, все равно не смогли. Еще долго нас будут преследовать их мрачные зловещие тени, и хотя уже нет страны, которую они якобы строили, и нет строя, который хотели навязать всему миру, мы, ныне сущие, навряд ли сумеем полностью уйти от них, Да и вытаскивание на свет божий новых и новых свидетельств о прошлом не облегчит нам участь несчастных граждан обнищавших и обездоленных стран. Дай бог, чтобы будущее у всех нас было свое, но прошлое, в котором худо-бедно, но жили вместе, принадлежит всем нам. И мы с моим собеседником отправляемся туда, в прошлое, которое, к сожалению, не стало нашим светлым будущим.

Диалоги с сыном Лаврентия Берия

— Батоно Серго, я знаю, что ваш отец родился 30 марта 1899 года в бедной крестьянской семье. Однако хочется поставить вопрос шире: кто ваши предки?

— Дед мой по отцу — Павле Берия — свою молодость провел в Мингрелии, но из-за. конфликтов с властями был вынужден, оставив свой малый достаток, переехать в глухую абхазскую деревню Мерхеули. Родом он из села близ Мартвили, где жили, да и ныне проживают наши однофамильцы. Среди них — и мои двоюродные и троюродные братья и сестры. С некоторыми из них, кто не побоялся поддерживать со мной контакты, встречаюсь и теперь. Бабушка моя по отцу — из знатного рода Джакели. Звали ее Марта. До переезда нашей семьи в Москву она жила с нами и принимала активное участие в моем воспитании. Умерла она в 1955 году, после того, как мы с матерью вышли из тюрьмы. Пришлось нам целый год искать моих бабушек (и по отцу, и по матери), которых после гибели отца, выселив из тбилисских квартир, определили в дом престарелых под Гори. Никому из родственников, в том числе и детям, не разрешили взять их к себе.

— У Лаврентия Павловича были братья и сестры?

— Да, была родная сестра Анета. Она тоже жила с нами, но, не сумев привыкнуть к Москве, возвратилась через год вместе с бабушкой Мартой в Тбилиси. Эта образованная женщина после тяжелой болезни стала глухонемой. Отбыв с мужем и ребенком ссылку в Абакане, тетя умерла, а ее дочь — моя двоюродная сестра — живет в Тбилиси.

Был у отца и сводный брат Капитон Кцарацхелия, который еще до революции со своим дядей, бабушкиным братом, уехал в Маньчжурию на заработки, а вернулся в Советский Союз в 1935 или 1936 году. Одно время он жил у нас, но позже переехал в Сухуми, где заведовал нефтебазой.

— Я слышал, что бабушка Марта была очень набожной женщиной…

— Да. Она ходила в церковь и вела христианский образ жизни.

— А как сын на это реагировал?

— Я вам одну историю расскажу. Был у нас в школе октябрятский кружок безбожников. Первой моей акцией как члена этого кружка стало то, что я испортил старинную икону, которую бабушка хранила в шкафу. Отец, вернувшись с работы домой, заметил, что она расстроена и спросил, в чем дело.

Бабушка промолчала, а я с чувством удовлетворения и гордости рассказал, как разделался с предметом ее религиозного преклонения. Отец велел принести остатки иконы, потом попросил маму позировать. Рисовал он часа два. Вставив свою работу в рамку, он отдал ее бабушке со словами: «Что на него обижаться? Он воспитан нашим временем». Мне же сказал: «Ты поступил неправильно. Надо уважать чужие убеждения». Позже я все приставал к бабушке: «Как ты молишься на эту икону? Ведь ты знаешь, что на ней не Богородица нарисована, а моя мама?!» Бабушка отвечала: «Когда вырастешь, поймешь, что этот рисунок для меня священен!»

— Я впервые слышу, что Лаврентий Павлович рисовал… — Он рисовал очень хорошо, посвящая этому увлечению все выходные. Работал маслом, акварелью, углем. Любил писать мои портреты. К своим работам относился снисходительно, но дружил с художниками, не скрывая своей любви к живописи. Более того, он страстно хотел, чтобы я стал художником. Но я выбрал технику. Кстати, также с его благословения.

— Сам Лаврентий Павлович какое получил образование? — Когда отцу было семь лет, дедушка, продав свое ничтожное имущество, отправил его на учебу в Сухумское высшее начальное училище. Вместе с ним поехала и бабушка Марта, все годы учебы жившая вместе с сыном в одной комнате, которую снимала. Грузинских школ тогда почти не было, родной язык преследовался, преподавание велось на русском. Я видел аттестат отца: в нем одни пятерки. Окончив училище с отличием, он задумался над дальнейшим образованием. Отец сильно увлекался архитектурой и строительным делом. Чтобы овладеть этими профессиями, надо было ехать в Петербург или Баку, где имелись соответствующие факультеты. Выбор пал на Баку — это и ближе, и дешевле. Дедушка продал оставшееся добро, добыл кое-какие деньги и благословил сына в путь Пятнадцатилетним юношей отец поступил Бакинское механико-строительное среднее техническое училище. Летом 1917 года он отправился на румынский фронт в качестве техника-практиканта, а после расформирования воинской части в которой служил, вернулся в Баку. В 1919 году он с отличием окончил училище и получил специальность техника архитектора-строителя.

— Известно, что Лаврентий Павлович вплоть до ноября 1922 года был связан с Азербайджаном, где он стал заместителем начальника секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК. Что вы знаете о бакинском периоде деятельности отца?

— Еще в студенческие годы через грузинское землячество он

был вовлечен в работу бюро ячейки РСДРП (большевиков). Отца и нескольких молодых людей из подполья заслали к муссаватистам со спецзаданием: выяснить местонахождение их типографии и явок. Это подтверждается документами, которые до сих пор скрывают. А. И. Микоян отвечал за этот участок нелегальной работы и об участии отца в ней сам рассказывал мне. Когда произошли события, приведшие к трагедии с двадцатью шестью комиссарами, то отца в составе XI армии направили в Грузию для борьбы с меньшевиками. Там за подрывную деятельность против правительства его арестовали и поместили в кутаисскую тюрьму, но вскоре освободили по настоянию С. М. Кирова. Сейчас ходят разные слухи и домыслы: мол, Берия сорвал голодовку в тюрьме, хотя, наоборот, он ее организовал. Мне известно иное: отец отказался от побега, застрельщиком которого был Шалико Церетели, боевой офицер, кавалер Георгиевского креста. С. Киров уже вел переговоры об освобождении отца, а побег мог подтвердить его виновность и привести к дальнейшему преследованию. Церетели отец не забыл и после советизации привлек к работе в ЧК. К сожалению, в 1953 году Церетели расстреляли как сообщника Берия.

— Теперь много говорят и пишут о том, что Берия причастен к контрреволюционному восстанию 1924 года в Грузии…

— По долгу службы (в то время он занимал должность начальника оперативной части и зампредседателя ЧК Грузии) отец был осведомлен о меньшевистских приготовлениях. ЧК настолько подробно знала о готовящейся акции, что она заранее была обречена на провал.

— Так неумело действовали меньшевики или так умело работала ЧК?

— Я сказал бы, что неумело действовали меньшевики. Среди них, конечно, достаточно было профессионалов, но ошибка их заключалась в том, что в конспиративную работу вовлекли такое большое количество людей, что контролировать их поступки было невозможно. Короче, несколько поторопились, нарушив правила игры. Чтобы избежать кровопролития, отец, с разрешения Орджоникидзе, сыгравшего весьма неблаговидную роль в дальнейших событиях, организовал умышленную утечку информации, намекнув, что ЧК знает все: и дату выступления, и местонахождение арсеналов оружия, и маршруты его ввоза и т. д. Однако большинство меньшевистских руководителей не поверило и направило в Грузию Валико Джугели, командующего национальной гвардией, умного человека и настоящего рыцаря. О его появлении отец узнал сразу и через надежного сотрудника еще раз предупредил о бессмысленности восстания. Он требовал,

чтобы Джугели немедленно покинул страну и убедил сообщников в неизбежности поражения. Джугели пренебрег предупреждением. Наоборот, он решил прогуляться в центре Тбилиси, по Плехановскому проспекту. Его тут же узнала какая-то женщина и сообщила в ЧК. Открыто заступиться за него отец не мог. Уже из заключения Джугели послал предупреждение, но его восприняли как фальшивку. Восстание провалилось, а над Грузией прокатилась волна жестоких репрессий. Увы, тогда правил Грузией не Лаврентий Берия…

— Генерал Дмитрий Волкогонов в своей книге «Триумф и трагедия» излагает свою версию знакомства Берия со Сталиным. Как будто бы они познакомились в 1929–1930 годах в Цхалтубо. А. Антонов-Овсиенко считает, что знакомство произошло в 1924 году, когда Генсек принимал ответственных работников грузинского ЦК и ГПУ после победы, так сказать, над путчистами. Первая встреча с вождем — это веха, определившая всю дальнейшую жизнь Лаврентия Павловича. Он наверняка рассказывал вам об этом…

— Из семейных преданий я знаю, что отца как перспективного работника Сталину представил Орджоникидзе в 1921 году, сразу после установления Советской власти в Грузии. Тогда, как известно, Иосиф Виссарионович приезжал в Тбилиси.

— В ноябре 1931 года Лаврентий Берия становится вторым секретарем Закавказского краевого комитета ВКП(б) и первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, а год спустя — первым секретарем ЗКК ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии. Так начинается его партийная карьера. Как вы полагаете, чем объясняется такой служебный взлет вашего отца?

— Вы будете удивлены, когда я скажу вам, что отец все время хотел уйти и из ЧК, и из ЦК. Он мечтал завершить учебу, стать инженером и добиться успехов в этой области. После училища он экстерном сдал экзамены и закончил три курса строительного факультета Бакинского политехнического института. Мать вспоминала, что и после ликвидации Закавказской федерации, будучи секретарем ЦК, отец просился на учебу. Но к тому времени он уже считался опытным кадровым работником и, естественно, его не отпустили. Следует отметить, что отец был человеком увлекающимся и старался основательно вникнуть в суть того, что делал. Например, когда в Грузии взялись осушать колхидские болота и культивировать там субтропические растения, он специально изучил все, связанное с их взращиванием. В его неудержимом стремлении к самообразованию я сам убедился, когда увидел, какими знаниями он овладел в сфере ракетостроения, производства атомной и

водородной бомбы, как он профессионально спорил с крупными учеными, выясняя технические подробности того или иного вопроса. Отец самостоятельно выучил английский, французский и немецкий языки. На этих языках он мог читать любую литературу. По-русски отец говорил с грузинским акцентом, но писал абсолютно грамотно. Часа два-три с утра он всегда работал, читал различные материалы; но не за письменным столом, а обычным, хотя имел прекрасный кабинет. В общей сложности, за день набегало 300–400 страниц, включая сводки ТАСС, донесения разведки. Читал он, как правило, с карандашом и блокнотом в руках, делая какие-то выписки, заметки. Этим я хочу подчеркнуть, что Лаврентий Берия не был таким невеждой, как его представляют. И при его назначении, по всей вероятности, учитывались его деловые качества.

— Говорят, что выдвиженке Л. Берия на высшую партийную должность определенная часть населения и интеллигенции Грузии встретили в штыки. Более того, утверждают, что цековские работники, протестуя, не вышли на свои рабочие места, и Мамин Орахелашвили пришлось их уговаривать: мол, одумайтесь! Берия — выдвиженец Сталина! Это правда или выдумка недругов?

— Боюсь, что уже нет в живых тех свидетелей, кто мог бы подтвердить или опровергнуть эти слухи. У меня есть сведения, что сколько-нибудь значительного неприятия не было. Лишь некоторые люди, старшие по возрасту и имеющие действительно больший вес в партии, высказывали свою обиду по поводу того, что секретаря назначили, не спросив их мнения. Буду Мдивани, например, не скрывал, что старые большевики рассматривали Берия как способного человека, но не как лидера республики и края. Причина была, конечно, не только в возрасте. Партийные чиновники не считали работу в политической полиции равнозначной работе в партаппарате. Однако они упускали то обстоятельство, что, если ЧК сама по себе малопривлекательна, то люди, работающие там, более информированные и более осведомленные о реальных настроениях масс и способные прогнозировать события.

— Судьбоносным для Лаврентия Берия стал его доклад на собрании тбилисского партактива «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», сделанный им 21–22 июля 1935 года. Восхождение Л. Берия на Олимп власти связывается именно с этим докладом, ибо в нем восхвалялось революционное прошлое И. В. Сталина. Однако поговаривают и о том, что доклад, ставший потом книгой, партийным бестселлером, писал не Лаврентий Берия и что настоящие авторы вскоре были уничтожены…

— Если говорить об Олимпе, то отец тогда уже находился на нем…

— Я имею в виду его перевод в Москву на более высокие посты, приближение к вождю, вхождение в Политбюро…

— Должен вас разочаровать: то, что книгу писало несколько человек, никто никогда не скрывал.

— Почему же тогда ее авторов уничтожили?

— Был репрессирован, к сожалению, Эрик Бедия, директор Тифлисского филиала ИМЭЛ, очень симпатичный и талантливый человек. Я помню его открытое и веселое лицо, он часто бывал в нашем доме, беседовал с отцом. Приходили и другие помощники, ведь доклад был коллективным трудом, его писали вместе, сверяя материалы, обсуждая. Доклад делался от имени ЦК, но у нас до сих принято считать автором докладчика, не усматривая в этом ничего зазорного. Так было и тогда.

— Существует предположение, что доклад появился по заказу Сталина…

— Прямой заказ вряд ли был, хотя не являлось секретом недовольство Сталина поведением его грузинских соратников Буду Мдивани и Филиппа Махарадзе, пытавшихся приукрасить свои дореволюционные заслуги и затмить молодого Джугашвили, не имевшего до Октября того авторитета в партии, который впоследствии он приобрел. В этом плане доклад действительно подчеркивал роль Иосифа Виссарионовича в создании Закавказской большевистской организации. Однако я знаю, например, что братья Стуруа, революционеры с не меньшими заслугами, чем тот же Мдивани, очень высоко оценивали деятельность Сталина того периода.

— Как могло случиться, что Эрика Бедия, о котором вы так тепло отзываетесь, расстреляли? Неужели Лаврентий Павлович не мог его уберечь?

— В начале репрессий распоряжения шли исключительно из Центра. Все было сильно централизовано. Все решали руководящие органы ВКП(б), а не Ягода, Ежов, НКВД вообще.

— Неужели они знали, кто чем занимается?

— Они имели собственные каналы информации и посылали в республики свои директивы. Отец, когда речь шла о близких людях, обращался непосредственно к Сталину. Скорее всего, он писал ему, ибо позвонить вождю было не так просто. Отец несколько раз ездил к нему, чтобы доказать незаконность ареста некоторых товарищей. Тогда был еще жив Орджоникидзе, способствовавший переходу отца на партийную работу. Орджоникидзе и сказал отцу: «Сиди тихо и не высовывайся; на тебя есть документы похуже, и если начнешь бороться за

справедливость, в первую очередь загремишь сам». Об этом мне рассказывала мама, присутствовавшая при этом разговоре. Серго был эмоциональным человеком и очень страдал, наблюдая происходящее. Мне обидно, что сегодня его называют врагом грузинского народа.

Почему-то наивно рассуждают: если бы не Орджоникидзе, XI армия не вошла бы в Грузию. Еще как бы вошла! С Ивановым, Петровым, Сидоровым… но все равно вошла бы! Другое дело, что он допустил ряд других стратегических ошибок…

— Извините, а орден за взятие Тбилиси — тоже ошибка? Ведь страшно грузину получить такую награду!

— Полностью с вами согласен. Но мне все-таки кажется, что Серго старался сыграть положительную роль, сглаживая острые процессы, происходящие в стране. Это мое мнение…

— Мне не совсем понятно, как при сердечной дружбе с Орджоникидзе Лаврентий Павлович мог содержать в тюрьме его брата Папулию, которого, кажется, позже расстреляли.

— Я хорошо знал Папулию Орджоникидзе, ибо мы жили в одном доме. Он всегда занимал видные посты, но был больше известен как кутила, охотник и вообще прожигатель жизни. Серго он иначе, как, извините, дерьмо, не называл. Социализм он ругал на чем свет стоит…

Серго хорошо был осведомлен о буйствах Папулии. Он обижался на него и, приезжая в Тбилиси, демонстративно останавливался у нас. Возможно, с сегодняшней точки зрения, Папулию сочли бы демократом, но в те времена поношение существующего строя не прощалось даже брату того, кто этот строй возводил и возглавлял.

— Я все же хочу вернуться к предыдущему вопросу: кто знал в Москве, что в Тбилиси, к примеру, есть какой-то Эрик Бедия, которого непременно надо расстрелять?

— Особая агентура могла доложить в столицу о неофициальных, идущих вразрез с политикой партии высказываниях Бедия. Такой «улики» тогда вполне хватало для приговора. Должен заметить: беда нашей интеллигенции состояла — и состоит! — в том, что она много рассуждает и мало действует.

— 1937 год стал годом трагическим для грузинской культуры: были репрессированы такие корифеи, как М. Джавахишвили, Т. Табидзе, С. Ахметели, Е. Микеладзе, застрелился П. Яшвили… Как бы вы сами определили степень вины или ответственности за их судьбу тогдашнего первого секретаря ЦК республики?

— Понимаете, я был тогда в таком возрасте…

— Кстати, какого вы года рождения?

— 1924-го.

— Ну а с высоты сегодняшних ваших знаний и представлений, что вы можете сказать об этом?

— Мог ли отец приостановить процессы, направляемые Москвой, мне трудно сказать. Знаю, что многих ученых, получивших образование в Германии и попавших под подозрение, он пытался спасти. Мать вспоминала, что отец советовал им: «Займите какие-то скромные должности, вас нужно сохранить для Грузии». Именно благодаря отцу остались в живых некоторые писатели и философы; например, Константина Гамсахурдиа, Шалва Нуцубидзе…

— Нуцубидзе ведь сидел в тюрьме?

— Он «сидел» в своей московской квартире и переводил на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» по рекомендации моего отца… Отец убеждал Шалву: «Переведи поэму, ты же блестящий поэт… Мы покажем твою работу Иосифу Виссарионовичу — душа грузина не сможет на нее не отреагировать…». И в самом деле, — вы об этом наверняка знаете, — Сталин живо заинтересовался переводом Нуцубидзе и стал его фактическим редактором… Позже Шалва Нуцубидзе, человек смекалистый и остроумный, постоянно подчеркивал, что Сталин даже помог ему перевести одну строфу. Однако никогда не указывал, какую именно… Критики, опасаясь случайно задеть сталинскую правку, восхваляли весь перевод! Правда, он заслуживал похвалы и без этой маленькой хитрости переводчика.

— Я вижу в вашей библиотеке книги Константина Гамсахурдиа. Вы рассказывали, что он часто бывал в вашей семье, дружил с вашим отцом. Чего там скрывать — кое-кто склонен объяснять тайное покровительство Гамсахурдиа «мингрельским патриотизмом» Берия…

— То, что отец неравнодушно относился к Мингрелии, как говорится, к своей малой родине, однозначно. Он разговаривал с мамой до конца дней своих по-мингрельски. Это было их естественной потребностью. То, что отец интересовался историей колхов, лазов, мингрелов, — тоже факт.

Возможно, он ценил Гамсахурдиа прежде всего как превосходного знатока и неистового певца этой истории. Вместе с тем отец не раз советовал писателю, скажем так, порвать со своим буржуазно-декадентским прошлым. Были у него и более резкие выступления в адрес Гамсахурдиа. Вообще же отец был против мингрельского сепаратизма. Я хорошо помню седобородого Исака Жвания, человека, одержимого идеей мингрельской автономии.

— Он даже газету издавал на мингрельском!

— Вот-вот! Однажды мы всей семьей заехали в Зугдидский краеведческий музей — отец ездил по Западной Грузии в связи с осушением колхидских болот, — и там впервые увидел Жвания. Он упрямо спорил с отцом, доказывал свою правоту, не внимая никаким доводам о вреде мингрельской автономии. Как я сейчас понимаю, «мингрельское дело», состряпанное в 50-е, началось с провоцирования таких наивных, по-своему честных и порядочных людей, как Исак Жвания. В грузинской ЧК, по-видимому, существовали силы, связанные с Ягодой, а потом и с Ежовым, которые были заинтересованы в устранении отца. Собрав веские компроматы, они выступили бы против Берия. Этим «делом» активно занимался, как потом выяснилось, наркомвнудел Грузии Киладзе.

— Вернемся все-таки к прежнему вопросу: о роли Берия в судьбе грузинской интеллигенции…

— Мне очень трудно на него ответить. В 1937 году отец был руководителем республики и в любом случае он несет ответственность за события, произошедшие там, хотя я доподлинно знаю, что далеко не во всем он виноват. Обратимся, например, к трагедии Сандро Ахметели. Отец относился с большим уважением к нему как очень талантливому художнику. Но в театре имени Шота Руставели, где Ахметели работал художественным руководителем и главным режиссером, были, как и в любом театре, склоки. Такие крупные актеры, как А. Хорава и А. Васадзе, активно выступали против него, однако эти выступления носили скорее не личностный, а политический характер. Если поднять документы тех лет, которые послужили поводом для репрессий против С. Ахметели, то, боюсь, что главным виновником окажется не Берия…

— Допустим, Ахметели «заложили» собственные коллеги, но как быть с тем же М. Джавахишвили? *Я* читал мемуары его дочери, где она замечает, что «дело» отца — это полстранички, где нет ничего, кроме прямого обвинения писателя в шпионаже в пользу немецкой разведки.

— Из рассказов матери мне известно, что здесь не обошлось без личного участия Иосифа Виссарионовича, пристально следившего за грузинской литературой и имевшего собственную точку зрения о ее деятелях. О Джавахишвили он высказывался как грузинским, так и союзным руководителям.

— Вы хотите сказать, что к казни Михаила Джавахишвили причастен сам Сталин?

— Непосредственно. Его судьба была предрешена в Москве, а не в Тбилиси. Я затрудняюсь объяснить, почему у Сталина возникло такое решение, но ручаюсь, что этот случай не был

единичным. Возможно, и другие деятели стали жертвами его подозрительности. Говоря об этом, я одновременно не стремлюсь оправдать моего отца: в конце концов, если он не был согласен, мог бы отказаться от должности, подав в отставку. Он этого не сделал.

— В своем отчетном докладе на X съезде КП(б) республики 15 мая 1937 года Лаврентий Берия говорил: «В группу «Голубые роги» входили: П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе и другие. Эта группа организовалась еще в 1916 году. Название «Голубые роги» в переносном смысле должно было означать творческое опьянение, но в жизненном быту этот девиз нередко осуществлялся в пьяных кутежах. *(Смех в зале.)*

…К. Гамсахурдиа, мировоззрение которого определялось воинствующим национализмом с ясно выраженной фашистской окраской, в последнем своем произведении «Похищении луны» попытался отойти от этих своих старых идейных позиций и дать большое художественное полотно о нашей социалистической действительности. Но это ему удалось пока что очень слабо.

Если К. Гамсахурдиа хочет стать советским писателем, он должен освободиться от своих буржуазно-дворянских националистических идей и настроений, ближе стать к нашей социалистической действительности и свои крупные творческие возможности поставить на службу грузинскому трудовому народу.

В группу «Арифиони» входили писатели М. Джавахишвили, Ш. Дадиани, О. Шаншиашвили, Л. Киачели, Г. Кикодзе, И. Мосашвили и другие. Она возникла в 1928 году. «Арифи» по определению одного из участников группы — Г. Кикодзе, — это сотрапезник, а арифиони — союз подвыпивших людей. *(Смех в зале.)*

Есть в среде грузинских писателей и работников искусства отдельные лица, которым следует пересмотреть свои связи с врагами грузинского народа… Например, Павле Яшвили, которому уже за 40 лет, пора взяться за ум.

Серьезно подумать над своим поведением не мешало бы также Гамсахурдиа, Джавахишвили, Мицишвили, Шеварднадзе и еще кое-кому.

…Перечисленные мною писатели должны знать, что от их дальнейшего поведения, от того, как быстро они перестроятся и осудят свои прошлые дела и связи, зависит отношение к ним нашей партии и советской власти».

Еще одна цитата из отчетного доклада Л. П. Берия на XI съезде КПб) Грузии 16 июня 1938 года: «Советские писатели

Грузии очистили свои ряды от гнусных предателей и шпионов — всех этих Джавахишвили, Мицишвили, Яшвили, Т. Табидзе и других, которые, являясь агентами международного фашизма и умело маскируя свое подлинное вражеское лицо, предавали Советскую Грузию и грузинский народ. В литературных организациях исчезли остатки буржуазно-националистических группировок».

Больно и обидно читать подобное в адрес крупных мастеров и искренних патриотов родной земли!..

— Поверьте, и мне тоже больно. Эти доклады действительно читал мой отец, но отчет-то принадлежал не только ему, а всему ЦК. Мы уже отмечали, что такой отчет являлся коллективным трудом. Вместе с тем, я могу назвать целую подборку разгромных статей о вышеупомянутых авторах, опубликованных в те годы. И написали их известные и влиятельные критики. Ответственность за гибель многих замечательных деятелей культуры лежит на их совести тоже.

— Мне приходилось слышать, что и самого Лаврентия. Павловича собирались арестовать, но он сумел добраться до Москвы и убедить Сталина в своей невиновности…

— Собирались, и не один раз… Первый раз попытался это осуществить Станислав Реденс, начальник ЗакЧК, деверь Сталина, муж сестры Надежды Аллилуевой. Но тогда вмешался Орджоникидзе, и все обошлось благополучно.

— Поговаривают, что Лаврентий Павлович ловко отомстил Реденсу, подстроив ему какую-то ловушку с женщиной.

— Подстраивать Реденсу ловушки, да еще с женщиной? Он был по своей натуре пьяницей и бабником. Дамы легкого поведения так и льнули к нему. Он сам оскандалился после очередной попойки, без чьей-либо помощи… Посрамленного победителя женских сердец вскоре перевели на работу в Белоруссию.

— Какие еще происки против Лаврентия Павловича известны вам?

— Второй раз отца попытался заложить сам Ежов. Был такой Кудрявцев, второй секретарь ЦК КП(б) Грузии, так как во все времена в союзных республиках вторыми секретарями назначали русских, наверное, для надзора над первыми. Однако Кудрявцев находился под сильным влиянием отца. Вдруг этого русского товарища переводят на Украину, а через некоторое время берут под стражу. Его избивают и калечат с единственной целью: получить показания на Берия. Но Кудрявцев оказался порядочным человеком: против Лаврентия Павловича он не произнес ни слова. Ежов арестовывал и других людей, способных, по его мнению,

оговорить Берия…

— Чем вы объясняете такие действия Ежова? Что это — личная неприязнь к Лаврентию Павловичу или. профессиональное предчувствие реального соперника?

— Ежов был далеко не глупый человек. Он многие; годы провел в ЦК, хорошо разбирался в партийных хитросплетениях и понимал, кем его мог заменить Сталин в случае немилости.

— В Тбилиси всем знаком фешенебельный особняк на улице Мачабели, где располагался до недавнего времени штаб грузинского комсомола. Однако он известен и как бывший дом Лаврентия Берия…

— Мы жили в обычном доме на Каргановской, что по Верийскому спуску, и занимали в нем обычную квартиру из четырех комнат. Но вот к нам пожаловал Иосиф Виссарионович…

— Когда это было?

— Когда он свою мать навещал, в 1936 году.

— И вы тогда впервые увидели живого Сталина?

— Да.

— А что запомнилось из первых впечатлений?

— Родители еще отдыхали на Черном море, а я вернулся в город, потому что начался учебный год. Неожиданно они тоже возвращаются, и мама устраивает дома невообразимую суматоху. А на второй день к нам приходит Сталин. Увидев маму, он удивленно спросил: «Нино, почему ты здесь, а не в Гагре? Как узнала, что я приеду?» Он был очень недоволен, что отец отозвал маму в связи с его приездом. Когда Иосиф Виссарионович вошел, меня куда-то затолкали, но я не выдержал и вскоре вышел: мне минуло лишь двенадцать, и я не очень разбирался в этикете. Сталин подозвал к себе.

— На грузинском языке?

— Да. Он прекрасно говорил по-грузински. У меня к нему как человеку непростое отношение. Но об этом позже. Ну, я его рассматривал как божество, а он обнял меня и сказал: «Ты такой же большой, как моя Светланка. Я пришлю ее, чтобы вы познакомились». На этом наш разговор закончился.

— А какое отношение имел приезд Сталина к дому на улице Мачабели?

— Прямое. Тогда, оказывается, Иосиф Виссарионович сказал отцу: «Живешь скромно. Молодец! Но руководитель республики должен иметь хорошую квартиру». И Сталин отдал указание построить тот дом. Нашими соседями были секретарь ЦК Грузии Кекелия и Гриша Лрютюнов, работавший тогда то ли в ЦК, то ли в горкоме партии.

— Кто был вашим соседом на старой квартире?

— Рапава.

— Которого расстреляли?

— Да. Но с ним собирались расправиться еще в 1937 году.

Он был женат на племяннице Ноя Жордания — президента меньшевистской Грузии. Однако тогда ему удалось спастись.

— Правда, что из особняка Берия ходил в ЦК по специальному туннелю?

— Это выдумка. Ничего подобного не было. Пешком он ходил, в сопровождении охранника. Но и на машине, бывало, ездил в ЦК.

— Как складывались взаимоотношения между отцом и матерью? Каким был Лаврентий Павлович дома?

— Возможно, на фоне существующих стереотипов это прозвучит неправдоподобно, но отец был очень мягким человеком. На работе суровый и настойчивый, дома он проявлял ласковый и уступчивый характер. Не помню, чтобы отец повысил на меня голос или наказал. Он уделял огромное внимание моему воспитанию — интеллектуальному и физическому. Подбирал мне книги, журналы, советовал, что прочитать, что посмотреть. К маме он относился очень нежно, хотя, правда, бывали случаи, когда я становился свидетелем их споров, связанных с внешними событиями, с работой отца, с политикой. Мама не понимала, как отец может оставаться на своей должности, когда вокруг происходят такие ужасы. Однажды она в моем присутствии заявила, что их дальнейшая совместная жизнь невозможна, что она уйдет и заберет меня: мама не могла примириться с царящей в стране атмосферой, поэтому ссоры возникали часто. Она категорически отказывалась ехать в Москву. Отец вынужден был подчиниться решению Политбюро, а мы с мамой остались: мы были против переезда.

— Вы не сразу переехали?

— Я продолжал учиться в первой тбилисской школе.

Мама твердила, что я должен стать образованным и полезным для родины человеком. Шалва Нуцубидзе как бы взял надо мной шефство. Он приходил к нам почти через день, обучая меня азам мифологии, философии, словесности. Шутя, он говорил маме: «Мы из него националиста сделаем!»

Но когда Иосиф Виссарионович узнал, что мы с мамой отказываемся переезжать, он рассердился и прислал в Тбилиси начальника своей охраны генерала Власика. Не успев переступить порог, тот сразу объявил, что через 24 часа мы отправляемся в Москву. Так и произошло…

— В детские и юношеские годы людям свойственна чрезмерная гордость, даже хвастовство. Нередко от молодых

ребят слышишь: мой папа может… мой папа сделает… У вас, сына в самом деле всемогущего отца, не было внутреннего ощущения собственного превосходства над своими ровесниками, не появлялся соблазн бросить им: «Мой папа…».

— Такое поведение противоречило бы моей человеческой натуре. Мне и в голову не приходило ставить себя выше кого-либо! Работу отца я считал обычным делом, которым он занимался по долгу службы. Так считал, кстати, не я один, а миллионы советских людей.

— Случались ли ссоры из-за супружеской неверности? Ведь не секрет, что ходят самые фантастические слухи о Лаврентии Берия как половом гиганте, сексуальном маньяке, жертвами которого сначала становились грузинские красавицы, а потом и чуть ли не всего Советского Союза!..

— Мне кажется, что слухи об этом сильно преувеличены. Отец был абсолютно нормальный мужчина и поддерживал с матерью искренние отношения. Правда, как мне известно, в Тбилиси он влюбился в одну красавицу из знатной семьи, и закончилась эта интрижка приличным скандалом, устроенным матерью.

— А как же быть тогда с утверждениями, что у начальника личной охраны Лаврентия Павловича полковника Рафаэля Саркисова обнаружили список с двадцатью тремя любовницами шефа? Как же объяснить наличие множества предметов женского туалета в его рабочем кабинете? Я где-то вычитал, что число амурных страстей Берия равняется 214…

— Пусть эта арифметика останется на совести тех, кто, подобно евнухам, занимался столь ревностным подсчетом чужих любовниц. Я не намерен обсуждать этот вопрос, но раз он прозвучал, отвечу: сфабриковать списки или подбросить «вещдоки» в кабинет нейтрализованного хозяина, как вы понимаете, не составляло никакой сложности для сотрудников госбезопасности. И не забывайте, что многие женщины-агенты из отцовского ведомства предпочли признать себя любовницами, чем осведомителями тайной полиции.

— И все же образ Берия-ловеласа тиражируется широко. Например, я видел американский многосерийный видеофильм «Красный монарх», в котором демонстрируются любовные похождения Лаврентия Павловича.

— В кино можно показать все, что угодно. В действительности многое иначе. Я всегда жил вместе с отцом и не помню, чтобы он ночевал вне дома, кроме командировок, конечно. Домой он, естественно, никого не приводил. Другое дело, если подобным можно заниматься в рабочее время.

— А разве нельзя, если очень захотеть?!

— Если очень захотеть, то да, но ведь и ограничения были большие… Отец с исключительной ответственностью относился к возложенным на него обязанностям, пристально следил за выполнением каждого решения. Времени для утех почти не оставалось.

— А внебрачных детей у Лаврентия Павловича не было? — Однажды отец познакомил меня с маленькой симпатичной девочкой и сказал: «Ты — взрослый парень и должен знать: это твоя сестра!». В ответ я ему предложил: «Давай удочерю!» Он рассмеялся: «Не фантазируй… У нее есть мать!»

— Лаврентий Павлович заботился о них?

— Безусловно. Но мама ничего об этом не знала.

— До самого конца?

— Да, до конца дней своих… Я никогда не обмолвился ни одним словом… И следил за судьбой девочки: сестра все-таки! Но поскольку они жили в гораздо лучших условиях, чем я мог предложить, то я не навязывался…

— Мать вашей сводной сестры жива?

— Да. Она оказалась совестливой женщиной: всем визитерам, предлагавшим ей написать разоблачительную книгу о Берия, указывала на дверь.

— Вы поддерживаете с сестрой связь?

— Нет, я решил так: если она захочет, то всегда сможет меня найти. Материально она вполне обеспечена, и грузины ее постоянно поддерживают.

— Она намного моложе вас?

— Она ровесница моей старшей дочери. Считает себя грузинкой, хотя и носит русскую фамилию.

— Замужем?

— Развелась.

— Батоно Серго, мы говорим о грузинском периоде вашей жизни. Давайте завершим эту часть беседы…

— Кажется, я не упомянул о том, что закончил семь классов немецкой средней школы, организованной тбилисскими немцами. Все предметы преподавались на немецком языке, однако грузинский язык и литературу изучали в полном объеме.

— Немецким языком овладели хорошо?

— Я овладел им еще в дошкольном возрасте.

— Вас обучали целенаправленно?

— Да. Родители очень хотели, чтобы я знал иностранные языки, поэтому с четырех лет изучал немецкий, с пяти — английский. Этими двумя языками владею в совершенстве.

— В этой школе учились дети простых смертных или… —

Школа была самая обыкновенная, никакой элитарности. «Элитарность» сводилась к тому, что в 1937 году большинство учеников осталось без родителей.

— Сохранились какие-то отношения с бывшими одноклассниками?

— Тесных контактов нет, но все же кто-то напишет, кто-то навестит… Время и события разъединили нас, да и возраст берет свое.

— Когда генерал Власик привез вас с матерью в Москву, отец уже был обустроен, в бытовом смысле, разумеется?

— Имел обыкновенную квартиру. Дом, в котором мы должны были жить, ремонтировался. Несколько месяцев провели в так называемом доме правительства на Набережной. Предлагали квартиру в Кремле, но отец отказался.

— Значит, вам в Кремле не довелось жить?

— Нет, но у меня был пропуск в Кремль, и я мог там бывать, когда хотел.

— Где вы учились в Москве?

— В обыкновенной русской школе.

— Отец принимал участие в выборе вашей будущей профессии?

— Я говорил вам, что сначала он мечтал увидеть меня художником, потом начал ориентировать на технику. Как-то он велел пойти в гараж и из старых частей собрать автомобиль. Отец хотел, чтобы я не только умел баранку крутить, но и знал, из чего состоит машина. Я два года с помощью механика собирал старый «форд». Отец подсказал мне заняться радиоделом, и я посещал дом техники. По окончании школы у меня уже была зарегистрирована радиостанция. Знание радиодела и языков сыграло потом определенную роль в моей судьбе.

— Вы в каком году окончили школу?

— В самом начале войны. Семнадцать мне исполнилось в ноябре 1941 года…

— «Сороковые, роковые…» — это и о вас?

— К сожалению. Я сразу пошел в райком комсомола, чтобы записаться в добровольцы. Заполнил анкету, в которой указал, что являюсь радиолюбителем. Тогда как раз подбирали людей в школу десантников. Вдруг кто-то обратил внимание на мою фамилию и спросил, какое отношение я имею к Лаврентию Павловичу. Ответил, что никакого. Мне возразили: мол, даже отчество совпадает… Но все же зачислили. Дома, за обедом отец одобрил мое решение.

— Доложили?

— Разумеется. И мама не возражала: «Война — такое дело,

что стыдно прятаться за юбку».

— Как складывалась ваша военная карьера?

— Окончив школу десантников, я получил звание лейтенанта и приступил к службе по линии радиосвязи. Находился в армейском подчинении у полковника С. М. Штеменко.

— В свое время считалось, что Лаврентий Берия сыграл значительную роль в организации обороны Кавказа.

Сегодня эту роль сводят к инспекторским поездкам, якобы вносящим нервозность в действия командования: шума много, а дел мало!

Генерал Д. Волкогонов в книге «Триумф и трагедия» пишет: «Боевые действия Берия в Великой Отечественной войне фактически ограничиваются двумя его поездками в качестве члена ГКО на Кавказ в августе 1942 — в марте следующего года. Архивы свидетельствуют: здесь он от имени Сталина нагонял страх на военных работников, на ему неугодных людей, расстреливал. Сопровождали его и тех поездках Кобулов, Мамулов, Мильштейн, Цанава, Рухадзе, Влодзимирский, Каранадзе и его собственный сын. Досталось Тюленеву, Серпу, Петрову, другим военачальникам». Прокомментируйте, пожалуйста, этот отрывок.

— Отца сопровождали не Кобулов, Мамулов и другие перечисленные лица, а чисто военные чины. В августе 1942-го члена ГКО Лаврентия Берия сопровождали генерал Бодин, полковник Штеменко, другие оперативные работники Генштаба Красной Армии. Кроме того, были срочно отозваны военные кадры грузинской национальности, в основном, в звании полковников и генералов.

Читаю воспоминания С. М. Штеменко, и перед глазами встает тот далекий день нашей отправки в Грузию:

«Утром в назначенное время поехали на машине Бодина на Центральный аэродром. Там нас уже ждал самолет Си-47. Бодину отрекомендовался командир корабля полковник В. Г. Грачев.

Летели в Тбилиси через Среднюю Азию. Прямой путь туда был уже перекрыт немцами. В Красноводске приземлились вечером, а когда совсем стемнело, двинули через Каспийское море на Баку, Тбилиси.

В Тбилиси сели почти в полночь и с аэродрома отправились в штаб фронта. Город еще не спал…»

По известным причинам Штеменко «упустил», что мы летели на личном самолете отца, а полковник Грачев был его шеф-пилотом.

— Среди сопровождавших Берия упоминаются Цанава, Рухадзе, Какучья…

— Нет, эти люди к военному делу не имели никакого отношения. Они служили в НКВД, в особых армейских отделах, действовавших в тылу, обезвреживая диверсантов.

— А как насчет военачальников, которым «досталось»? — Генерал Тюленев в одно время командовал ЗаКВО и дружил с моим отцом. Этот высокообразованный и интеллигентный человек, начавший свой боевой путь кавалерийским офицером и командиром Красной Армии вместе с М. Буденным, окончил две академии, учился во Франции. Тюленев поддерживал решения отца и никаких разногласий не возникало. Не подвергались репрессиям и другие командиры. Правда, с согласия ГКО отец снял с должности Буденного, который буквально дезертировал с поля боя, бросив управление армией. Буденный пытался прорвать пограничные заслоны, публично заявляя, что немцев не остановить и нечего спасать мандариновые рощи Кавказа. Из-за своей некомпетентности в современном бою он не способен был командовать не то что армией, а даже маленьким подразделением. Тогда же по представлению отца, в ГКО отозвали члена военного совета Л. Кагановича.

За весь период нашего пребывания на Кавказском фронте, никто не был репрессирован. Вспоминается один случай, когда без приказа сверху командир расстрелял перед своей частью молодого офицера, испугавшегося наступления немецких танков и сдавшего позицию. О Петрове и других: в моем присутствии неоднократно собирались командиры частей, ведущих бои на перевалах и на подступах к ним, в том числе очень известные в дальнейшем полководцы Гречко, Леселидзе и др., и отец спокойно разбирал с ними вопросы, как военного, так и организационного характера.

— Говорят, что Берия, находясь на Кавказском фронте, ввел для радиопереговоров мингрельский язык. Это правда?

— Такие случаи носили эпизодический характер — не могли же радистами быть только мингрелы!

— Каковы заслуги Лаврентия Берия, на ваш взгляд, и том, что в те трудные дни Кавказ выстоял и враг был изгнан оттуда?

— Отец приехал на фронт в критический момент, когда командование пребывало в полнейшей растерянности. Немцы довольно глубоко проникли в тыл, захватили Клухорский, Марухский, Мамисонский перевалы. Мне было тогда восемнадцать лет, и я занимал незаметную должность, но видел и слышал многое, что происходило вокруг. Позже мне рассказывали о тех же событиях Подин и Штеменко. Поэтому кое-какие выводы, пусть не всеобъемлющие, я способен, наверное, сделать.

Первое: вместе с товарищами из Генштаба, при огромной

поддержке местного населения отцу удалось нормализировать обстановку.

Второе: отец смог получить от Сталина необходимые резервы. Так, на Кавказский фронт были переброшены войска из Ирана, введенные туда в ответ на действия англичан, а также пограничные части из Дальнего Востока. Их участие в боях решительным образом повлияло на ход операций, завершившихся нашей победой.

Третье: по предложению отца, были сформированы небольшие группы, вооруженные бесшумными снайперскими винтовками. В то время только появлялись специальные звукогасители, к которым позже прибавились инфракрасные прицелы. Эти группы устраивали засады офицерской разведке противника.

— Вы как-то упомянули, что до поездки на Кавказ принимали участие в двух операциях…

— Став десантником, я вошел в боевую тройку, где со мной были два радиоконструктора, немцы по происхождению. Нас должны были забросить в северо-восточную Германию, в район Пенемюнде, где находился научно-конструкторский центр баллистических ракет, возглавляемый фон Брауном. О существовании этого центра я слышал и раньше: отец, не называя источников информации, рассказывал о технических новшествах, обнаруженных нашей разведкой у немцев, англичан и американцев. Как-то я услышал и о разработке немцами новых ракет на Пенемюнде. Когда нам вручили карты этой местности, я понял, о чем идет речь. Подготовку проводили очень тщательно, и по ней было видно, что там мы имеем немало агентов.

— Это было в 1941 году?

— В начале зимы 41-го. К тому времени наступление немцев под Москвой окончательно захлебнулось. Мы вылетели к намеченной цели на петляковской машине. Внизу простиралось окутанное туманом Балтийское море: даже на бреющем полете ничего нельзя было рассмотреть, поэтому выброситься нам не разрешили. Через три-четыре дня мы предприняли вторую попытку. Целый час кружили над заданным районом, но вновь последовал приказ о возвращении назад: оказывается, произошел провал явки. В конце концов, заслали нас туда довольно сложным путем — через иранский Курдистан, где уже были налажены контакты. Из Ирана нам предстояло попасть в Турцию, а оттуда, с помощью курдов, переправиться в Германию. По ходу операции не все получилось, как было задумано, и лишь одному из нас удалось добраться до цели.

— В чем заключалась его задача?

— Внедриться в упомянутый центр. После войны стало известно, что мой немецкий товарищ вместе с группой фон Брауна уехал в США.

— Он открылся ему?

— Нет. Он был очень крупным специалистом и, по нашему заданию, примкнул к группе Брауна.

— Фамилию того немца помните?

— Помню, конечно, но… Он был антифашистом и боролся в подполье, а попал к нам, по всей вероятности, через разведку.

— Его завербовали?

— Знаете, к тому времени этот термин не очень применим: люди действовали и жертвовали собой по идейным соображениям.

— Сколько длилась ваша «одиссея»?

— Около трех месяцев. После ухода нашего товарища мы остались вдвоем, но вскоре к нам присоединилась группа курдов и персов из десяти человек.

— Вы были радистом?

— Исключительно. Место, откуда я передавал шифровки, дважды бомбили самолеты без опознавательных знаков. Было предположение, что англичане вышибали нас из этого района как конкурентов.

— Каков был характер передаваемой вами информации? — Наша группа установила почти всю сеть немецкой агентуры в Иране. Непосредственно разведкой я не занимался, но добытые товарищами данные шли в центр через меня: я одновременно и шифровал, и передавал. Мы с ребятами переживали, что в боевых операциях не участвуем, так как не понимали сути выполняемой работы. Все разъяснилось во время Тегеранской конференции, когда наши специалисты во всем Иране чувствовал себя, как дома.

— Вас посылали на задание с ведома отца? Он не боялся, что вы можете погибнуть или попасть в плен, как это случилось с Яковом Джугашвили. Ведь сын шефа такого ведомства был бы важным козырем в руках фашистов. Что стоило отцу оставить вас в Москве?

— Да проститься мне высокопарность, но других слов я не нахожу: мы, молодые, рвались на фронт сражаться за Родину, за Сталина! Этот лозунг не был спущен сверху. Он действительно выражал истинные настроения миллионов. Не только отец, но и мать с первого дня войны благословили меня, единственного сына, на многотрудный путь защитника Отчизны.

— Вы вскользь заметили, что у вас двоякое отношение к Сталину…

— Это на самом деле так. Поскольку я вырос в атмосфере обожествления Иосифа Виссарионовича как во всей стране, так и в нашей семье, я не мог не почитать его. Как мне тогда казалось, в Союзе царила всеобщая любовь к нему: ведь Сталин, при всех ужасах, раскрытых нам сегодня, был личностью выдающейся. Недаром перед ним снимали шапку и Черчилль, и Рузвельт. Решения, в правильности которых сам не сомневался, он проводил в жизнь с величайшим организаторским талантом. Встречаясь с ним многократно, в том числе и по служебным делам, я каждый раз убеждался в его умении схватить суть вопроса, сформулировать его предельно четко и точно. Сейчас с иронией отзываются о сочинениях Сталина, с содержанием которых можно соглашаться или не соглашаться, но их лаконичность и доступность читателю очевидна. Я искренне преклонялся перед ним, но, по мере того, как узнавал о его невероятных поступках и действиях, все более и более приходил в недоумение. Наконец наступил момент непонимания, а потом и неприятия тех действий, ибо вывод напрашивался один: Сталин — великий человек, но беспощадный. Он способен очаровать тебя, но, если станешь ему поперек дороги, уберет, не задумываясь, кем ты ему приходишься — братом, сыном, сватом… Так и живет во мне образ Сталина как бы раздвоенный и несовместимый: с одной стороны, мудрый державный муж с железной волей, а с другой, коварный, вероломный и мстительный человек с низменными страстями.

Однако я категорически не разделяю логику некоторых отечественных «патриотов», для которых Кутузов, сдавший Наполеону Москву, — национальный герой, а Сталин, остановивший Гитлера под Москвой, не позволивший его солдатам ступить на землю столицы, — никто! Нечестно так рассуждать!

Сталин отлично понимал, что он стоит во главе огромной империи, которую можно сохранить только силой. Когда посол США в СССР Аверелл Гарриман намекнул Иосифу Виссарионовичу на жестокость советского режима, тот ответил: «Не забывайте, что я руковожу народом, совершившим за жизнь одного поколения три революции!» Сталин не мог допустить четвертую, направленную явно против него революцию… Ему это удалось, но какой ценой!

— Между Сталиным и вашим отцом случались конфликты, разногласия, расхождения? Лаврентий Павлович мог сказать Иосифу Виссарионовичу: «Я с вами не согласен!»

— Во-первых, отец не был со Сталиным на короткой ноге. Все эти местечковые слухи о том, что он переговаривался с ним по-

грузински на заседаниях Политбюро и других совещаниях, держа в напряжении окружающих, лишены всяких оснований. Сталин уважал отца как молодого и способного руководителя, но он никому, даже Молотову, самому близкому соратнику, не позволял панибратского отношения к себе. Однако разногласия между отцом и Сталиным были. Например, сегодня много пишут и говорят о трагедии в Катынском лесу под Смоленском, но мало кто знает, что Берия на заседании Политбюро, где решалась судьба польских офицеров, заявил, что их расстрел рассматривает как грубую ошибку. Он исходил из того, что война с Гитлером неизбежна, поэтому пленных нужно не уничтожать, а превращать в сателлитов, дабы подготовить на их базе костяк новой польской армии. Против выступили Ворошилов и Жданов. Должен отметить, что роль Жданова, как и Ворошилова, в репрессиях весьма значительна: именно он был серым кардиналом при Сталине, но правда о нем как идеологе партии замалчивается до сих пор…

— Чем мотивировалась необходимость уничтожения польских офицеров?

— Ворошилов никак не мог забыть и примириться со своим поражением в сражении с белополяками. На Политбюро он ссылался на свое знание психологии поляков, заверяя, что они все равно останутся врагами советской власти, ибо горбатого могила исправит… Жданов настаивал: раз Берия не подчиняется решению Политбюро и упрямо гнет свою линию, нужно снять его с занимаемой должности, вывести из кандидатов в члены Политбюро и поставить вопрос о его партийности. Микоян, как всегда, занял ренегатскую позицию, выжидая, что скажет Иосиф Виссарионович. Молотов отца не ругал, наоборот, похвалил за открытость собственной инициативы, но сам примкнул к большинству. Короче, как мне потом рассказывал отец, в протоколе оказались фамилии лишь тех двух, которые поддержали его: Андреева и еще кого-то… Но К. Ворошилов, который в ту пору уже не был министром обороны, предложил: поскольку Берия выказал совершенно противоположное мнение, поручить выполнение решения Политбюро, то есть расправу над поляками, армейским частям. Если вы обратили внимание, катынское дело очень долго скрывалось, а был бы причастен к нему Берия, наша пропаганда давно бы раструбила об этом всему миру. Документы всячески прячут и, хотя часть их передали Валенсе, все же неясно: кто расстреливал? Я знаю, что отец после того заседания дал своим подчиненным негласное указание вывести пленных в безопасное место. Таким образом, рискуя собственной жизнью, он спас около 600 польских офицеров и

генералов, которые впоследствии все же составили основу польской армии. Полководец Андерс, который вместе с другими находился в тюрьме НКВД, в своих воспоминаниях написал, что он с группой пленных почему-то был спасен. Почему, я вам уже объяснил.

— Вы полагаете, что катынская трагедия дело рук военных?

— Я в этом убежден, хотя не исключаю и участия внутренних войск.

— Как тогда Лаврентию Павловичу удалось избежать ждановского приговора?

— Приговор без резолюции Сталина не был действителен. Он же заявил: будем выполнять решение большинства, а снять Берия мы всегда успеем. Не забывайте, что это 1939 год и Сталин одержим идеей физического уничтожения своего главного оппонента Троцкого. Подготовка к покушению входила в завершающую фазу и трогать главного дирижера, мягко говоря, было бы неразумно.

— Отец тоже считал необходимым устранение Троцкого? — Он говорил, что троцкизм как течение очень сильно увлекает молодежь и становится все более опасным для советского строя. Когда его перевели в Москву, громкие процессы над троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и прочими были завершены. Но оставался живым символ оппозиции — Лев Давидович, который, находясь вдали от России, наносил своим язвительным пером моральный ущерб Сталину — «гениальной посредственности», как он его называл.

— Лаврентий Павлович был лично знаком с Троцким?

— Да. Когда в 20-е годы он приезжал в Грузию отдыхать, отец, по долгу службы, должен был его встречать и охранять.

— Сначала охранять, а потом убирать!..

— Что поделаешь, судьба так распорядилась. Но имейте в виду: убирали его не руками наемников, а людей, которые шли на этот крайний поступок по собственному убеждению. Возьмите, хотя бы такого художника с мировым именем, как Давид Альфаро Сикейрос, трижды организовавший нападение на Троцкого.

— Я читал об этом в его книге «Меня называли лихим генералом…»

— И тот, кто расправился с Троцким, действовал как и Сикейрос, не ради денег и наград, а ради идеи. Другой вопрос: есть ли такая идея, которая стоит хотя бы одной человеческой жизни!

К слову, должен вам сказать, что правотроцкистская организация, существование которой так отрицают советские историки и публицисты последних лет, в самом деле действовала.

Это подтвердила переписка Троцкого с его сыном Седовым. В американской прессе появились исследования, из которых явствует, что Сталин знал не только о деятельности организации, но и о содержании тайной переписки отца с сыном. Затрудняюсь однозначно утверждать, что это работа Лаврентия Берия.

— Вам известно что-нибудь о том, что ваш отец принимал личное участие в допросах высокопоставленных узников? Что эти допросы чаще всего заканчивались побоями, физическими увечьями и, в конце концов, расстрелом?

— Вряд ли можно уменьшить его вину тем, что он не принимал участия в допросах.

— Не принимал?

— Абсолютно точно. Об этом говорили мне уцелевшие узники: Туполев, Минц, Королев.

— Но ведь пишут, что в подвалах Лубянки, Лефортова, Бутырки находились рабочие кабинеты Лаврентия Павловича.

— Это все клевета! Физическое воздействие на подследственных было узаконено официально, но отец, разумеется, сам этим не занимался; наоборот, в 1939 году он вошел с ходатайством в ЦК о запрещении подобного метода допроса.

— В фильме «Война», снятом по роману И. Стаднюка, есть эпизоды, где генерала Павлова допрашивает лично Лаврентий Берия. Там показаны ужасные пытки…

— Генерала Павлова судили маршал Тимошенко и военно-полевой суд. Отец с Павловым вообще не встречался, его не привозили в Москву. Тут полнейшая фальсификация исторического факта.

— Я видел фильм и об академике Н. И. Вавилове. И там жуткие зверства энкаведистов. Ваша мама, работавшая тогда у Вавилова, не смогла повлиять на его судьбу через мужа?

— Она повлияла! Знаменитый академик Дмитрий Николаевич Прянишников, основатель научной школы агрохимии, очень высоко ценил учения Николая Ивановича о биологических основах селекции и центрах происхождения культурных растений. Прянишников считал Вавилова выдающимся организатором науки. Этот старый академик — тогда ему уже было под восемьдесят — вместе со своими сотрудниками пришел к маме и попросил ее передать письмо отцу, содержащее просьбу принять группу ученых. Отец их принял, беседовал с ними, но не так пренебрежительно, как в фильме. Отец им сказал: «Вавилова приговорила к смерти не тройка, не особое совещание, а Верховный Суд страны, и я не в силах приговор изменить». Тем не менее, отец добился

пересмотра этого дела и расстрел был заменен длительным сроком заключения. Потом Вавилова перевели в закрытый институт, подчиненный НКВД, где он мог заниматься наукой. К сожалению, ученый вскоре заболел дизентерией и скончался… Печальная история, но, увы, ее творил не только мой отец.

Если говорить о репрессиях в целом, проводимых в 30 — 40-е годы в СССР, то они явились практическим воплощением политического курса партии и государства, направленного на искоренение элементов, мешавших построению светлого будущего. Тогда никто не интересовался, почему это «светлое будущее» имеет так много ярых противников и зачем навязывать людям то, что им не по душе!..

— Говорят: сталинско-бериевские застенки… бериевщина… Как, на ваш взгляд, не слишком ли эти термины персонифицируют темные силы коммунистической империи, у руля которой, как известно, стояли не только эти двое?

— Сталин и Берия — руководители разных масштабов, и объединить их можно лишь по национальному признаку. Изобретатели термина намекают именно на это. Я не собираюсь выгораживать своего отца, который — охотно или неохотно — выполнял волю Сталина и Политбюро, но справедливости ради замечу: закон о так называемом особом совещании был принят в 1934 году, то есть за четыре года до перевода Берия в Москву; а молниеносно расплодившиеся тройки за это время успели искалечить судьбы миллионам людей. Что же касается видных военачальников, то ни один из них не был передан в руки карательных органов без личного согласия наркома обороны К. Е. Ворошилова.

Списки обреченных визировались в отделе административных органов ЦК ВКП(б), который курировал Г. М. Маленков, а рядом с резолюцией Сталина всегда стояла и подпись В. М. Молотова. Эта традиция утвердилась задолго до появления Берия. Когда он занял кресло опального Ежова, девятый вал репрессий уже спал и стрелка политического барометра клонилась к штилю. Нужно помнить, что появление моего отца в Москве ознаменовалось не усилением арестов, а наоборот, расследованием преступных методов ведения следствия, повлекших за собой неоправданные жертвы. Вспоминается дело Краснознаменного Балтийского флота, работники которого незаконно вели следствие и производили необоснованные массовые аресты. Согласно приказу отца от 5 февраля 1939 года, все виновники были сурово наказаны. Но в том же году из советских тюрем были освобождены триста тысяч человек.

— Странная арифметика санкций вновь назначенного народного комиссара внутренних дел: одной рукой он подписывает приказ об освобождении тысяч безымянных узников, а другой — приказ о расстреле сотен партийных, комсомольских и энкаведистских чинов. Например, по личному распоряжению Лаврентия Берия были расстреляны заместитель Ежова Фриновский, братья Берманы: один — начальник ГУЛАГа, а второй — наркомвнудел Белоруссии…

— Эти люди, как и многие другие, попавшие в зловещий список, обрекли себя на гибель независимо от воли моего отца. На протяжении многих лет они выполняли преступные распоряжения разных инстанций, становясь тем самым активными соучастниками тех злодеяний. Сталин, Политбюро, кремлевская знать осознали к концу 1938 года жуткие масштабы репрессий по всей стране. Требовалось изменение политики, создание видимости демократизации общества, торжества справедливости. Под этим лозунгом вчерашние «верные бойцы» партии за одно мгновение превращались во вредителей, изменников, антипартийные элементы. С точки зрения права и морали они, как слуги беззакония, не заслуживали пощады, однако надо было начинать с других. С кого именно? Не с Политбюро ли? Это было выше сил, возможностей и полномочий Лаврентия Берия. На мой взгляд, он попытался воздать по заслугам хотя бы тем, кому мог.

— Сегодня это трактуется, как способ поднять собственный авторитет…

— Почему же таким образом не поднимали себе авторитет Ягода или Ежов?! И еще: учтите, что во главе НКВД отец стоял недолго, ибо в годы войны на него были возложены функции заместителя председателя Совета Министров СССР и члена ГКО, а из НКВД впоследствии были созданы два органа — МВД и МГБ.

— Чем занимался Берия в годы войны как первый заместитель Сталина?

— Выпуском танков, артиллерии, боеприпасов, транспорта, а также руководством стратегической разведкой.

— О советской разведке написаны тома панегириков, сняты десятки фильмов, но о самом шефе — молчание. В лучшем случае говорится традиционное — «не ту информацию давал…»

— Не верьте, когда говорят, что Берия давал Сталину не те сведения, что он дезинформировал его… Еще в начале 1941 года план «Барбаросса» полностью находился в руках советской разведки и с ним ознакомили Сталина. Единственная поправка, которую внесли в него фашисты — это перенос даты наступления на один месяц.

Сталин не игнорировал ни одну информацию и не хуже других знал, что война вот-вот грянет, но не хотел провоцировать немцев. Он был осведомлен и о двойной игре англичан, которые все время пытались столкнуть лбами Германию и СССР. На Советский Союз работали очень высокопоставленные немцы, в том числе двое из ближайшего окружения Гитлера, сообщавшие о всех его намерениях, Они делали это из-за несогласия с фюрером, полагая, что таким образом смогут отстранить его от власти. Нам, конечно, известна фамилия Филби, но, кроме него, в различных странах мира действовала еще целая плеяда блестящих разведчиков.

— Ким Филби был человеком Берия?

— Да. Его завербовал француз грузинского происхождения.

— Может, правда и то, что перед войной НКВД и гестапо обменялись тайными делегациями?

— Вряд ли такое могло случиться. Но то, что 22 сентября 1939 года в Бресте состоялся совместный военный парад вермахта и Красной Армии, — факт. Парад принимали генерал Гудериан и комбриг Кривошеин. Перед этим Германия и СССР обменялись военными делегациями, но это не представляло никакой тайны. Это была игра, ибо Гитлер стремился доказать, что он жаждет мира, а Сталин делал вид, что он ему искренне верит.

— По рассказам очевидцев, немцы были не такими уж варварами. И чтобы вызвать у населения гнев против них, группы переодетых энкаведистов врывались в населенные пункты и совершали зверства. Вы верите в это?

— В начальный период войны гитлеровцы действительно старались создать себе, как ныне принято говорить, положительный имидж. Но когда советское население, не без помощи того же НКВД, организовало ополчение, партизанское движение, диверсионные группы, то есть начало оказывать сопротивление, тогда заработали и карательные экспедиции фашистов. Не было никакой необходимости вызывать дополнительный гнев у тех, кому пришлось пережить кошмары оккупации.

— Мы говорили о репрессированных, о множестве, но все же отдельных людях, однако ведь были репрессированы и целые народы: немцы Поволжья и Украины крымские татары, греки, болгары, чеченцы, ингуши и другие народы Северного Кавказа… И все это сотворил НКВД! Притом с большим воодушевлением. Трудно, мне кажется, переубедить эти народы в непричастности Берия к их трагической судьбе…

— Вы знаете, как-то даже Хрущев обмолвился, что Берия — очень удобная фигура, на которую можно свалить все промахи и

бесчинства, совершаемые партией. О злосчастном НКВД я сказал бы то же самое. Ведь что это такое? Нас учили, что это карающий меч революции, то есть — партии. Решения принимала партия, а осуществлял их НКВД. Это вовсе не снимает с него ответственности за содеянное, но при выяснении истины, согласно Козьме Пруткову, надо зреть в корень… Депортация народов — акция крайне несправедливая. Я своими глазами видел отряды ингушей и чеченцев, которые насмерть сражались с завоевателями, добровольно уходя в ополчение…

— Кому же было выгодно срывать с родных мест целые этносы и переселять бог весть куда? Кроме морального ущерба, это и огромные расходы…

— Возможно, я ошибаюсь, но у меня складывается впечатление что русско-кавказская или крымская война не окончилась с установлением Советской власти. В других формах, но она продолжалась. Националистически настроенные руководители и впредь всячески добивались жизненного пространства для русских.

Среди руководителей, оказывавших влияние на Сталина, я могу назвать такого опасного кремлевского волка, как А. А. Жданов.

— Как утверждают, его загрыз до смерти не менее опасный волк Лаврентий Берия!..

— Мне кажется, что Жданов умер своей смертью… Злоупотребление алкоголем привело к остановке сердца. Печально знаменитый доктор Л. Тимашук все свалила на неправильное лечение, что и спровоцировало «дело врачей». Жданов открыто соперничал с самим Сталиным. Всем хорошо известно его самодурство в области культуры, хотя вся его культура сводилась к умению играть на рояле двумя пальцами… Жданов и его национал-шовинистическое окружение умело попользовали такую негативную черту характера Сталина, как подозрительность. Допустим, какой-то аул подарил Гитлеру белого скакуна и белую бурку. Было и такое. Но репрессиям подвергался целый народ.

— Генерал Власов сдал врагу армию. Не выселять же из-за этого весь русский народ! Кстати, есть ли заслуга Берия в том, что Власов был доставлен в Москву?

— Его захватила разведка.

— Вернемся к вопросу о репрессированных. Украинское правительство, например, возвращает на места традиционного проживания около 400 тысяч депортированных немцев, восстанавливая таким образом историческую справедливость.

— С немцами я общался с малых лет и отношусь к ним с

уважением. У нас в доме жила немка Элла Эммануиловна Альмендингер, которая не так давно умерла. Прекрасная женщина, она была как бы членом нашей семьи, Так вот, когда началась война, Эллу Эммануиловну словно подменили. С одной стороны, она переживала за нас, понимая всю опасность фашизма, а с другой, ей была далеко не безразлична судьба Германии. И это естественно. Думаю, что большинство советских немцев примкнуло бы к своим единокровным братьям, несмотря на то, что Гитлер им был ненавистен. Война их поставила в такое жуткое положение, и я даже затрудняюсь сказать, что более аморально: отдать этих людей угрызениям совести и поставить перед мучительным выбором: Советский Союз или Германия? Или же увести от греха подальше таким жестким способом, как переселение? Что гуманнее? Кто ответит?

— Какой, на ваш взгляд, выход из сложившейся ситуации с турками-месхетинцами, создавшими теперь общество «Батан» («Родина») и требующими возвращения в Грузию, которую и считают своей родиной?

— Если рассматривать вопрос в историческом аспекте, — а в таких случаях, думаю, нужно поступать именно так, — то, естественно, не существует никаких турок-месхетинцев, равно как нет армян-месхетинцев, также проживающих на этой исконно грузинской земле — Месхетии. Я знаю месхетинца Шота Руставели, но он, как известно, не называл себя турком. Турция — наш великий сосед, развивающийся ныне демократически, однако не следует забывать, что существовала и могучая Оттоманская империя — «Блестящая Порта», отнюдь не брезговавшая чужими территориями. Шавшет-Эрушети, Тао-Кларджети, Лазистан… Где сегодня эти наши прославленные земли? Где находятся наши выдающиеся архитектурные памятники и христианские святыни Ошки, Шатберди, Бана? Эти вопросы, я понимаю, риторические, но все же… Каждый отдельный человек может называть родиной то место, где он родился, но родина целой нации не может находиться на территории другого народа. Кстати, вы знаете, что Ленин хотел отдать Ататюрку Грузию? Эта маленькая страна всю свою историю воевала за выживание, а вождь революции одним росчерком пера собирался подарить ее Турции взамен на социалистическую ориентацию последней. И подарил бы, но помешал Сталин, позже во многом провинившийся перед своей родиной…

— У вас нет такого ощущения, что и Сталин, и Берия, и другие грузинские деятели большевистского типа зря истратили свои способности, зря пожертвовали собой, отстаивая ложные

идеалы, не послужив отечеству так, как следовало?

— «Как жаль, что ты не стал священником», — сказала мать Сталину, навестившему ее в 1936 году. «Как жаль, что ты не стал строителем!» — могла бы сказать отцу и моя бабушка. Впрочем, в основе разногласий между моей матерью и отцом, помимо житейских мелочей, конечно же, лежало именно тонкое понимание ею патриотического предназначения человека, гражданина. Мама всю жизнь твердила, что человек должен жить на своей земле и творить для своей родины. Она, бедняга, умерла, так и не дождавшись моего возвращения в Грузию. И отцу она постоянно напоминала: лучше иметь маленькую должность, но быть удовлетворенным от того, что приносишь пользу собственному народу. Отец всегда старался помочь Грузии с точки зрения развития ее производительных сил, возможности ее самостоятельного существования.

— Когда идет речь о злодеяниях Лаврентия Берия, часто упоминаются А. Н. Рапава, С. А. Гоглидзе, Н. М. Рухадзе, Л. Ф. Цанава. Что это за люди? Вы знали кого-нибудь из них?

— Знал, но близкого знакомства с ними не водил. Рухадзе, например, был неприятным человеком, противником моего отца, и мне не очень понятно, как он оказался среди его друзей. Рапава и Гоглидзе действительно дружили с отцом, а Цанава (кстати его фамилия Джганджгава, он упростил ее, чтобы негрузинам было легко выговаривать) другом отца я бы не назвал.

— Почему же этих, довольно разных людей, скопом записали в число приспешников Берия?

— Чтобы придать национальную окраску происходящему…

— А вот имя такого человека, как Титэ Илларионович Лордкипанидзе вам говорит что-нибудь?

— Лордкипанидзе был наркомвнудел Закавказья и жил с нами в одном доме, на одном этаже. Наша семья относилась к нему с большим уважением. У Титэ был зять, замечательный человек, специалист по русской литературе, профессор; в детстве он давал мне прочитать интересные книги. Когда мама училась, а я оставался с бабушкой, то с удовольствием ходил к нему в гости. Я очень сожалел, что Титэ перевели из Тбилиси в Крым! Там его и арестовали.

— Существует версия, что Лордкипанидзе «стучал» на Берия, поэтому тот изгнал его из Грузии…

— Что вы! Лордкипанидзе был человеком, способным убить, но не «стучать». До революции он возглавлял группы «эксов» — террористических экспроприаторских групп, а потом работал в ЦК. Возможно, он в чем-то не соглашался с отцом, но чтобы доносить!..

— Открою секрет: эта версия тоже из книги Волкогонова. — А я и не знал, что уважаемый генерал — такой крупный знаток новейшей истории Грузии!

— Прототипом главного героя из нашумевшего фильма «Покаяние» Варлама Аравидзе многие считают Лаврентия Берия, хотя сходство подчеркивается лишь внешне.

— Как я понял, в самом деле талантливый фильм Генгиза Абуладзе является обобщающей гротескной картиной о тиране и тирании вообще. Я не уверен, что Аравидзе — это мой отец, ибо он может сойти и за латиноамериканского или еще какого-либо заморского диктатора.

— Как вы объясняете связи Лаврентия Павловича с грузинской эмиграцией в Париже. Они ведь были идейными врагами. Между ними могли существовать какие-то взаимные симпатии?

— Понимайте как угодно, но меньшевистские эмиссары, конспиративно засланные к нам и арестованные органами, были безнаказанно отпущены.

— После, разумеется, соответствующей обработки?

— Нет, никто этих молодых людей не обрабатывал. Их отпустили, поскольку они не совершили ни террористических актов, ни других преступлений… Пожалели просто…

— Но ведь по нашим законам они все равно должны были понести наказание?

— По законам — да. Но законы существуют для того, чтобы иногда их обходить. В случае В. Джугели отец был бессилен, ибо факт его пребывания в Тбилиси получил огласку. В дальнейшем работа проводилась более тонко. Иосиф Виссарионович к меньшевикам был беспощаден. Он требовал от отца заманить их любыми средствами и уничтожить. Отец поступил наоборот. Я знаю об этом от матери. После войны, когда в Грузию вернулись первые эмигранты, дрогнуло сердце и Евгения Гегечкори: его тоже потянуло на родину. Отец через специального связного предупредил Гегечкори и его сообщников, что нельзя возвращаться ни в коем случае. Они послушались и остались живы.

— Известно, что перед войной Лаврентий Берия организовал при НКВД СССР особое техническое бюро. Что это за организация и чем она занималась?

— К концу 40-х годов в советских тюрьмах и лагерях находился цвет не только творческой, но и технической интеллигенции. Это были высокообразованные, чрезвычайно талантливые люди, способные принести огромную пользу стране. Чтобы дать им хоть какую-то возможность для реализации своих

способностей, отец предложил создать это бюро.

Предвижу вопрос: не проще ли было их освободить? Разумеется. Но попробуй выпустить на волю человека, признавшего себя виновным в тягчайших преступлениях! Хотя эти признания делались под жесточайшим давлением, нарком не имел права пересмотреть решение суда. Андрей Туполев рассказывал мне, как отец несколько раз вызывал его и уговаривал отказаться от прежних показаний. Убедившись в неэффективности подобного приема, отец и решил объединить всех зэков-ученых в специализированные конструкторские бюро по самолетостроению, моторостроению и т. п. Выполнив задание, группа конструкторов освобождалась. Таким образом, были выпущены Петляков, Мясищев, тот же Туполев. Они, как и многие другие, стали узниками еще во время Ягоды — Ежова, и заявления некоторых исследователей о том, что Берия сажал крупных специалистов с единственной целью — пополнить внутритюремные предприятия квалифицированными рабочими, далеки от истины.

— Вы мне рассказывали, что Лаврентий Павлович прекрасно рисовал, любил искусство. Может быть, этим и было продиктовано создание им центрального ансамбля народного комиссариата Внудела. Этот ансамбль, как утверждают, мог соперничать с любым прославленным коллективом. Ваш отец пригласил туда целое созвездие: Сергей Юткевич, Рубен Симонов, Александр Иванов-Крамской, Дмитрий Шостакович…

— Вы забыли еще Павла Вирского, возглавлявшего танцевальную группу. Об этом я узнал от самого маэстро, когда переехал на Украину. Ансамблю отец уделял мало внимания, ибо в то время ему были поручены более важные вопросы; разведка, оборона, атомная бомба.

— Атомная бомба? Но ведь речь идет о 1939 годе?!

— Все правильно! Именно в конце 1939 года отец и предложил правительству начать работу над созданием атомной бомбы. По разведданным было известно, что немцы, англичане и американцы уже разрабатывают проект. В ту пору в нашем доме жили два молодых американца, которые были готовы при финансовой и технической поддержке реализовать проект атомной бомбы. Эту идею, подкрепленную экспертными оценками наших молодых физиков, отец вынес на рассмотрение Политбюро.

В воздухе уже пахло войной, поэтому страна объективно не могла заниматься долгосрочным проектом. Категорически против самой идеи выступил академик Петр Капица. Он не хотел, чтобы СССР владел таким оружием.

— Почему?

— Капица был противником советского строя и никогда не скрывал этого, поэтому он уехал в Англию и работал там с Эрнестом Резерфордом над расщеплением атома. Капицу насильственно задержало советское правительство, когда он приехал навестить больного тестя, академика А. Н. Крылова, отца второй жены. Тогда Молотов спросил его: «Чего вам тут не хватает?» «Лаборатории Резерфорда!» — был ответ. Привезли ему эту лабораторию со всем оборудованием и велели: «Продолжайте работу, занимайтесь тем, чем занимались в Англии!» Но он не захотел и взялся за решение других проблем, не менее важных и интересных. Петр Леонидович был умнейшим человеком, мужественным и справедливым. Я вспоминаю его с огромной теплотой и благодарностью за активное участие в решении моей судьбы. Он один из тех, кто заявил правительству: «Несправедливо держать в тюрьме сына Берия!»

— Капица заблокировал проект?

— Заблокировать он не мог, но сомнения посеял. В тот период наша электронная промышленность сильно отставала, и мы в самом деле не располагали нужной научно-технической базой для создания сверхсовременного оружия в предельно сжатые сроки, поэтому эту затею сочли преждевременной. Но отец отличался упрямством и от замысла не отказался, продолжая устанавливать и развивать тесные контакты с людьми, которые могли его информировать об успехах европейских и американских атомщиков. В 1942 году, когда накопились достаточные сведения, он вновь обратился в Политбюро с прежним предложением: рассмотреть вопрос о создании атомной бомбы. И надо отдать должное Иосифу Виссарионовичу: он признал необходимость таких разработок. Однако время было упущено. Специалисты, предлагавшие нам свои услуги, уже возглавляли группы по разработке американского проекта и заполучить их обратно не представлялось возможным. Принимая решение о создании советской атомной бомбы, руководство страны учитывало то обстоятельство, что американцы, сильно продвинувшись вперед в своих разработках, смогут получить оружие массового поражения если не до конца, то после войны. Мы же останемся без защиты. Чтобы не начинать все с нуля, соответствующие службы похитили нескольких специалистов и перевезли их из Англии к нам на подводной лодке. К тому моменту отец подобрал группу молодых специалистов, среди которых был и И. В. Курчатов — талантливый, настойчивый и симпатичный человек, которого и назначили руководителем проекта. К работе привлекли выдающихся деятелей науки

академиков Ю. Б. Харитона, Н. Л. Духова, Н. Н. Семенова и др., в распоряжение которых поступали все специфические сведения, добытые разведкой. Работу сильно активизировало прибытие Бруно Понтекорво.

— Понтекорво тоже похитили?

— Нет, он был коммунистом и хотел нам помочь; а доставили его также на подводной лодке…

— Извините, что отвлекаю от темы, но я слышал, что Понтекорво был женат на грузинке…

— Да, была какая-то дама, выполнявшая при нем определенные функции, потом, по-видимому, они сошлись характерами и у них получилась семья.

— Продолжайте, пожалуйста!

— Одним словом, в разгар войны, в 1943 году, когда до Берлина простирались тысячи огненных километров, в Советском Союзе не только серьезно задумывались, но и заботились о сохранении послевоенного мира, который должен был наступить во что бы то ни стало… Сталин и бровью не повел, когда на Потсдамской конференции Трумэн намекнул ему о наличии у американцев сверхсекретного оружия, но, выйдя в соседнюю комнату, учинил моему отцу скандал: почему до сих пор бомбы нет? Бомба в 1946 году была изготовлена, но ее решили не взрывать.

— Меня заинтересовали те два американца, которые жили у вас перед войной. Как они могли появиться в доме Лаврентия Берия?

— Это, наверное, были люди, связанные с отцом по линии разведки. Хорошо помню, что одного из них звали Роберт. Позже, сопоставляя некоторые приметы, я пришел к выводу, что это был Оппенгеймер.

— Оппенгеймер?

— Да, он. Почему я так считаю? Попробую объяснить. После того, как Политбюро сочло преждевременным рассмотрение вопроса о создании атомной бомбы, интерес отца к ней возрос. Не исключено, что эти два иностранца являлись источниками информации. Конечно, для идентификации личности мало одного имени, но, вспоминая внешность, возраст, глубину знаний нашего гостя Роберта, я все-таки прихожу к выводу: это был Оппенгеймер.

— Распространено мнение, что советские ученые работали над созданием атомной бомбы принудительно, чуть ли не под арестом.

— Никакого насилия и принуждения не было! То, что существовали секретные лаборатории и доступ туда

ограничивался, естественно.

— Вы имеете в виду Обнинск?

— Нет, лаборатория Курчатова находилась под Москвой, в Серебряном бору. В Обнинске был второй центр. Вообще, для атомной промышленности в срочном порядке строились целые города на Урале, под Челябинском, в Сибири. Дай бог, нам с вами быть такими обеспеченными сегодня, как жители тех городов с прекрасными больницами, кинотеатрами, магазинами! Да, они строго охранялись, работали в напряженном ритме, были отрезаны от внешнего мира, но учтите, что и Лос-Аламос тоже не находился на Бродвее. Наши ученые, в сравнении с американцами, жили намного комфортнее.

— Вам приходилось бывать в тех лабораториях?

— Да, несколько раз вместе с отцом. Отец наведывался туда очень часто: ни один объект не закладывался и не открывался без его участия. Он не находился в ситуации, подобной генералу Гровсу, обеспечивающему выполнение требований Оппенгеймера. У нас система была несколько иной. Так как основной поток информации поступал извне, то вся организационная работа по проектированию и строительству, допустим, диффузионных заводов или по получению обогащенного урана, плутония и других веществ, производились через отца, то есть не он выполнял требования ученых, а сами ученые действовали с учетом его данных. После бомбежки Хиросимы и Нагасаки, 20 августа 1945 года постановлением Государственного Комитета Обороны был образован специальный комитет в составе: Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, В. А. Махнеев, М. Г. Первухин. На комитет возлагалось непосредственное руководство научно-исследовательскими проектными и конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб.

— Чтобы координировать действия такого сложнейшего комплекса, нужны огромные знания. Лаврентий Павлович обладал ими?

— Он, конечно, не мог вместо Сахарова произвести расчеты по теоретической физике, но зато совершенно четко понимал, как и куда эти расчеты применить. Я знаю из рассказов ученых: как только отца отстранили, они наткнулись на массу нерешенных проблем.

— Когда его отстранили?

— Отец стоял во главе Комитета до последнего дня своей жизни. Как раз в день его гибели ему должны были доложить о

готовности водородной бомбы к испытанию. Ее подготовили у нас на год раньше, чем в США.

— Вы общались с Андреем Сахаровым?

— Я знал его. Это был молодой скромный человек; очень любящий свою семью и детей. Помню, против него тогда выступали многие крупные ученые, не желающие впускать его в свою среду.

— Чем он вызвал такое неприятие старших коллег?

— Они, наверное, знали о настроениях Сахарова. Я бы уточнил: о его идеологических убеждениях. Поэтому стремились не подпускать к себе, а держать на расстоянии.

— Вы хотите сказать, что Андрей Дмитриевич и тогда был диссидентом?

— По внутреннему складу характера, видимо, да. Внешне он оставался застенчивым, я сказал бы, безынициативным человеком, поглощенным только своими идеями. Если бы рядом с Сахаровым не оказалась такая агрессивно настроенная женщина, как Елена Боннэр, он и остался бы таким тихим: и спокойным ученым мирового масштаба и не ударился бы в политику…

— В начале 50-х годов в США судили супругов Розенбергов — Лилиан и Этель. Их обвинили в выдаче советским спецслужбам секретов американской атомной бомбы. Они стали жертвами инсинуаций или…

— Никита Хрущев, находясь в Америке, подтвердил, что Розенберги были нашими разведчиками. Этим он нарушил неписаный закон дипломатической игры: неэтично подставлять разведчиков, которые сами себя не раскрыли, не разоблачили.

— Они отправились на электрический стул, ничего не признав?

— Да, Сохранились их потрясающие письма друг к другу перед казнью. Их разоблачил, — не знаю, как точнее сказать, — брат Этель, который за это получил огромные деньги и открыл потом собственное предприятие.

— Вы считаете, что Розенберги не причастны к выдаче американских секретов?

— Я вам скажу, что таких, как они, были сотни. Если они и причастны, то это ни в коем случае не умаляет заслуги советских ядерщиков, которые самостоятельно, независимо от американцев уже имели бомбу, кстати говоря, весьма отличавшуюся от их. Так, американцы выстреливали, как снаряды, одну массу в другую, и они, оставаясь вместе какие-то миллионные доли секунды, начинали выделять нейтроны, которые потом вступали в цепную реакцию. Наша бомба была смоделирована иначе — по принципу обжатия. Взрывы происходили внутри сферы и протяженность

времени, когда критическая масса содержалась вместе, была длительнее, поэтому советская бомба превосходила американскую по КПД (коэффициенту полезного действия).

— Вы видели ядерный взрыв?

— Да, я был на первых и последующих испытаниях в 1949 году в Семипалатинске.

— Я читал, что Энрико Ферми, увидев подобное чудовище, не мог управлять своей машиной, а Оппенгеймера успокаивали психологи.

— У них потрясение было сильнее, чем у нас, потому что они впервые увидели в действии тот дьявольский агрегат. Он сработал! Когда знаешь, что эксперимент где-то уже удался, возникает ощущение вторичности. Эффект был очень сильный, но не ошеломляющий. Правда, все мы переживали: а вдруг осечка? Существовала небольшая вероятность, что взрыва может не быть. В связи с этим ходил анекдот: Берия имел список тех, кого следовало наградить, а кого посадить. Список был один.

Если говорить серьезно, то в отраслях, которыми руководил отец или курировал их, не было ни одного ареста или привлечения к следствию. Ни одного! Ситуации возникали, но отец не позволял трогать своих людей. Я поведаю вам одну такую историю. Иосиф Виссарионович получил информацию, что акад. Ю. Б. Харитон, впервые осуществивший вместе с Я. Б. Зельдовичем расчет цепной реакции деления урана и занимавшийся непосредственно механизмом бомбы, — английский шпион. Мой отец написал расписку Иосифу Виссарионовичу, что он, Лаврентий Берия, ручается за преданность акад. Харитона советскому строю и готов нести ответственность, если тот не выполнит возложенные на него обязанности. Эта расписка хранилась у Сталина до конца…

— Батоно Серго, расскажите, каким образом вы оказались среди создателей атомной бомбы?

— Непосредственно среди них я не был. Я работал несколько в иной области — в области создания систем управления ракетами, которые могли быть и были носителями атомных, а в дальнейшем — водородных зарядов. После того, как в 1942 году я побывал на Кавказском фронте, меня направили на учебу в Ленинградскую академию связи, где только начал формироваться факультет радиолокации.

— Это было целевое направление?

— Именно так. Я окончил эту академию в 1947 году, но уже с 1945 года занимался проектом системы управления крылатой ракетой и самой ракеты, предназначенной для поражения больших кораблей. К разработке этого проекта, который стал

моим дипломным трудом, я приступил по собственной инициативе, но государственная комиссия рекомендовала его реализовать. Экспертная группа при Министерстве обороны, рассмотрев рекомендацию госкомиссии, приняла решение создать опытно-конструкторское бюро, где и предстояло оперативное осуществление моего замысла. Поскольку в это время атомная бомба практически уже имелась и ученые работали над водородной, надо было в снарядах, которые разрабатывались нашим коллективом, разместить новое взрывное вещество. Координационная группа связи обеспечивала наши, электронщиков и ракетчиков, контакты с разработчиками атомной бомбы. Мы сотрудничали, в основном, с Курчатовым, Ванниковым, Духовым и другими. Особенно близкие отношения сложились у меня с Игорем Васильевичем Курчатовым, который часто приходил к нам домой еще в тот период, когда я был слушателем академии. Наше деловое сотрудничество заключалось в выработке конструкций ядерных зарядов, ибо в зависимости от назначения менялись диаметры баллистических ракет, скажем, у противовоздушных или противокорабельных они были разные.

— Вы сами руководили практическим воплощением собственного проекта?

— Меня назначили главным конструктором, но поскольку я был молодой и малоопытный, руководство заводом поручили большому профессионалу генералу Ельяну, который в годы войны создал ряд артиллерийских конструкций и обладал исключительными организаторскими способностями.

— Где ваш проект осуществлялся?

— В московском КБ, где в дальнейшем разрабатывались не только противокорабельные, но и противовоздушные ракеты. Первое кольцо зенитной обороны Москвы как раз нами и было разработано. Очень интересна сама ее история. Когда мы успешно испытали противокорабельные ракеты, поступил приказ оснастить ими два авиаполка. На четырехмоторных бомбардировщиках конструкции Туполева Ту-4, которые являлись копиями американских Б-29, подвешивались две ракеты. Каждая из них могла вывести полностью из строя крейсер или корвет, а для поражения авианосца хватало четырех точных попаданий.

В то время американцы готовились к высадке в Корее. Сталин хотел срочно отправить эти два полка для нанесения ударов по соединениям их кораблей. Однако он располагал данными, что в ответ на это Штаты могли обрушить ядерные удары на Москву, Ленинград, Киев. Иосиф Виссарионович собрал военачальников, членов Политбюро и спросил их: «Сможем ли мы защититься от

ядерного нападения американцев, если наши летчики потопят их корабли?» Ответ был однозначно отрицательный. Наши истребители тогда не поднимались выше 15 км. Зенитные пушки достигали 12–14 км, а зенитные ракеты отсутствовали вообще. Американские же самолеты летали на высоте 18 км., неся атомные боеголовки. Тогда Иосиф Виссарионович сказал, что даст один год и ни дня больше! — для создания обороны зенитными ракетами, которые смогут поражать самолеты, имеющиеся на вооружении у американцев.

— Это было…

— Это было в конце 1951 года. Наш коллектив совместно со специалистами из других отраслей в установленный срок создал систему воздушной обороны Москвы.

— Сталин остался доволен?

— Он остался верен любимой поговорке: доверяй, но проверяй! Ему захотелось убедиться в надежности нашего изобретения, и он предложил такой вариант: поднять на Москву 10–12 самолетов, перед линией обороны летчикам катапультироваться, а потом самолеты сбить ракетами. Мы объяснили, что на полигоне такое испытание уже проводилось, а повторять его над Москвой рискованно. Сталин согласился, но свое испытание на полигоне все-таки назначил. Под контролем маршала авиации П. Ф. Жигарева и маршала Советского Союза А. М. Василевского подняли в воздух шесть реактивных самолетов Ил-28 и восемь МиГ-15. Когда летчики катапультировались, все машины были сбиты одной-двумя ракетами. Так нашу систему обороны приняли на вооружение.

— Вы знали многих видных деятелей партии и государства. Интересно ваше понимание их человеческих качеств и недостатков.

— Самое сильное впечатление среди всех руководителей страны как личность производил, конечно, Иосиф Виссарионович. Как я уже говорил, отношение к нему у меня сложное, двойственное — от искренней любви до непонимания и осуждения того, что он нередко делал.

— Каким образом вы могли попасть к Сталину?

— Очень просто. Я учился в одной школе со Светланой, дружил с ней. Мы часто ходили друг к другу в гости. Бывало, Иосиф Виссарионович приходит в свою кремлевскую квартиру на обед и зовет нас, приглашая к столу. Разговаривал он с нами как со взрослыми, рассказывал о прочитанных книгах, советовал, что нам прочесть.

У Сталина была большая библиотека. Но он настолько владел своими стеллажами, что наизусть помнил, где какая книга

находится. Допустим, ему понадобилась цитата для подкрепления какой-то мысли, он подходит к полке и безошибочно достает нужный том, читает соответствующий фрагмент. Но меня, честно говоря, больше всего потрясло в его библиотеке огромное количество грузинской литературы. У него была вся классика, он постоянно получал все новинки из Тбилиси. Иосиф Виссарионович остался очень недоволен, узнав, что я за этими новинками не слежу.

— Он разговаривал с вами по-грузински?

— В присутствии посторонних Сталин говорил по-русски, а отчитал меня на родном языке.

— Разве вашему отцу не присылали новинки?

— Конечно, присылали, но я, увлеченный техникой, их не читал. Мама очень обрадовалась, что Иосиф Виссарионович пожурил меня. Она все время заставляла читать вслух грузинские тексты, чтобы я не забыл язык.

— Друг вашего детства Светлана Джугашвили, как она себя именует, Аллилуева в своих воспоминаниях очень нелестно отзывается о Лаврентия Берия. Какие у нее основания для этого?

— Оснований никаких. Она просто пытается какое-то бремя ответственности за советское прошлое снять с собственного отца и переложить на плечи его ближайшего соратника. Это выглядит правдоподобно, и читатель, привыкший к злодейскому образу Лаврентия Берия, охотно верит словам мемуариста. Мы с мамой читали все книги Светланы и были очень огорчены, что ее судьба сложилась не совсем удачно. Мы понимали: многое она писала под давлением официальных властей; сначала внутри страны, а потом за ее пределами. Ведь только наивный человек может поверить в полное отсутствие идеологического прессинга на Западе, тем более если там издается книга такого выгодного автора, как дочь Иосифа Сталина.

Я мог бы напомнить Светлане о том, как ее любили в нашем доме, но с ней бессмысленно вступать в полемику. Скажу лишь: Светлана Аллилуева прежде всего предала своего отца. Морально, по-человечески. Как дочь. Она звонила к нам, когда приезжала в Советский Союз, хотела навестить меня с мамой, но мы посоветовали ей этого не делать.

Недавно я с горечью узнал, что Светлана, покинутая родными детьми, бывшими мужьями и любовниками, ныне влачит жалкое существование в лондонском приюте, Печальный и логический конец, возмездие судьбы.

Думая о поучительной жизни Светланы, вспоминаю одну историю, связанную с ней.

Как-то пограничники вручили мне несколько трофейных

пистолетов, среди них — маленький «вальтер» с очень красивой инкрустацией. Приехав в Москву, я подарил его Светлане. Она была счастлива. Еще бы, стала владелицей личного оружия!.. Прошло несколько месяцев, и я почти позабыл об этом случае. И вдруг в Ленинградской военной академии, где в то время я продолжал учебу, появляется тот же генерал Власик и говорит: «Собирайся, Хозяин тебя вызывает!»

Сталин завтракал, когда мы к нему приехали. Как всегда он пригласил нас к столу, накормил, а потом начал расспрашивать об учебе, о жизни. Сижу и не могу понять, зачем я ему понадобился. После некоторой паузы последовал вопрос:

«Это ты подарил Светлане пистолет?» Отвечаю: «Да, я». Иосиф Виссарионович бросил на меня пронзительный взгляд и проговорил: «Слушай где у тебя мозги, что ты девушке такую игрушку даришь! Ты же взрослый человек, отвечающий за свои поступки как ты мог это сделать! Ты знаешь, что сотворила ее мать?» Я в самом деле не знал, что мать Светланы — Надежда Аллилуева — застрелилась. Сталин долго не мог поверить, что я впервые слышу об этой ужасной истории. Убедившись после сорокаминутных расспросов, что я понятия не имел о его семейной трагедии, Иосиф Виссарионович сказал: «Светлана уже получила свое. Тебе тоже полагается, но ладно… Езжай обратно, учись и не совершай больше таких необдуманных поступков!»

Меня снова накормили и отправили в Ленинград.

— Вы еще какой-то эпизод вспоминали, связанный с братом Светланы — Василием…

— Я тогда учился на IV курсе академии. Вызывает меня Сталин и говорит: «Мы посылаем тебя в Оксфорд, будешь там учиться и одновременно руководить группой товарищей, отправляющихся вместе с тобой». И он перечислил несколько имен.

Я отвечаю: «Иосиф Виссарионович, как я могу быть руководителем этой группы, когда в ней все — старше меня?» В числе других был назван и его сын Василий чудесной души человек, исключительно одаренный, но разбалованный. Дисциплина, как таковая, для него не существовала. И прежде всего я опасался выходок Василия, за которые пришлось бы отвечать.

Сталин очень рассердился и сказал: «Вся ваша семья — упрямцы, но я вышибу из вас это упрямство. Вы будете делать то, что я велю!»

Он вызвал моего отца и сразу же накинулся на него — «Как ты сына воспитал? Как это он отказывается ехать в Оксфорд, мотивируя свой отказ тем, что не способен руководить группой

товарищей, старших его по возрасту?! Он позволяет себе возражать, ссылаясь на то, что сначала нужно получить образование на родине, а потом продолжать учебу за рубежом».

Отец заметил, что в этом есть своя логика. Тогда Сталин пришел в ярость: «Вы что, сговорились? Я не принимаю никаких рассуждений! Пусть Серго срочно собирается и вылетает!»

Узнав о нашем неприятном разговоре с Иосифом Виссарионовичем, мама очень встревожилась. Она никогда не позволяла себе обращаться к Сталину по собственной инициативе, но тут набралась смелости и впервые в своей жизни позвонила ему. Иосиф Виссарионович молча выслушал ее тираду, состоявшую, по существу, из моих аргументов, а потом рассмеялся: «Ну, черт с вами!»

— И поездка не состоялась?

— Нет. И меня оставили в покое, и группу тоже не отправили.

— Василий был старше вас?

— Да. На четыре года.

— Как Сталин относился к его баловству?

— Он очень переживал и старался заставить его взять себя в руки. Понимаете, Василия баловало окружение. Одни позволяли ему все, искренне любя, другие — руководствуясь расчетом. Сам Вася, способный и умный парень, из-за безволия предавался бесконечным застольям, развлечениям с девочками. Этот развязный образ жизни погубил его. Но спился он окончательно не без помощи тех, кто пришел к власти после Сталина.

— А каким вам запомнился старший сын Сталина — Яков? — О, Яков был полной противоположностью Василию.

Спокойный, уравновешенный, скромный, он сначала сто раз подумает, а потом лишь примет решение. Иосиф Виссарионович иногда посмеивался над ним: «Рачинец!» Рачинцем он его называл потому, что мать Василия — Екатерина Сванидзе — была из Рачи, где обитают наши замечательные горцы, невозмутимые и рассудительные.

Я знаю, что Яков долго не вступал в партию, и ему удавалось оставаться вне ее рядов вплоть до поступления и академию. Имея свое мнение о большевистском режиме, он считал его главным виновником в разгуле репрессий и не скрывал своих взглядов. Твердость характера и воля, унаследованная от отца, помогли ему достойно держаться в фашистском концлагере. Я читал письма бельгийского короля о последних днях Якова, адресованные Сталину, знаком также с досье, которое немцы вели на него. Из этих неоспоримых документов вырисовывается образ мужественного и благородного человека, знающего себе цену. Его не смогли склонить ни против Сталина, ни против Советского

Союза. Якова держали в одиночной камере тюрьмы, где также находились Эрнст Тельман и бельгийский король. Яков и Тельман были расстреляны, а король уцелел и сообщил об увиденном Сталину.

— Как Иосиф Виссарионович воспринял известие о гибели сына? Он, видимо, и не ждал иного исхода? Иначе, как понимать знаменитое высказывание: «Я простого офицера на фельдмаршала не меняю!»

— Безусловно, Сталин знал, что своим заявлением обрекает сына на смерть. Это был величайший поступок отца, равноценный подвигу Георгия Саакадзе.

Светлана мне рассказывала, как страшно тяжело Сталин пережил эту трагедию. Ему, человеку глубоко одинокому, не с кем было отвести душу. Он позвал дочь в свою комнату, уложил в постель и всю ночь разговаривал с ней о сыне… Однако переживания не помешали ему подвергнуть репрессиям семью погибшего Якова.

«Никаких исключений!» — заявил он. — Раз Яков попал в плен, мы должны следовать соответствующему закону, который у нас один для всех». Таким человеком он был…

— Существует предположение, что Лаврентий Павлович постоянно внедрял в обслугу Сталина своих людей, в основном, проверенных земляков, которые держали своего шефа в курсе всех малейших событий в «стане вождя». Одной из таких называют майора ГБ Александру Николаевну Накашидзе, которая к тому же, оказывается, была двоюродной сестрой вашей матери.

— Охрана Иосифа Виссарионовича подчинялась моему отцу, поэтому особой нужды в дополнительных осведомителях не было. Относительно Накашидзе все значительно проще: она в самом деле близкая родственница матери, хотя и не двоюродная сестра; и в дом Сталина она пришла вовсе не как шпионка, а как воспитательница Светланы. Иосиф Виссарионович хотел, чтобы за дочерью присматривала молодая, образованная и приятная в общении грузинка. Среди десяти кандидатур он выбрал именно Александру. Поскольку все из обслуги входили в службу безопасности, ей, чтобы получать приличную зарплату, присвоили звание майора. Когда Светлана выросла и перестала нуждаться в опеке, Александра Накашидзе покинула свою работу и вышла замуж.

— Известный американский политолог, профессор Роберт Такер в своем исследования: «Сталин/Путь к власти» указывает: «Сталина привлекло в Берии не только то, что он мог оказаться полезен как «хороший чекист». Берия чувствовал глубокую потребность Сталина в восхищении и завоевал его

благосклонность с помощью лести, искусством которой он прекрасно владел… Можно с уверенностью утверждать, что Берия подчеркнуто выражал свое почтительное отношение к Сталину с момента их знакомства. В этом обожании Сталина, которое было характерно для него… просматривается его будущая роль одного из создателей культа личности».

— Я читаю всю доступную мне литературу о Сталине, о моем отце, об их эпохе, хотя говорят, что эпохи такой вообще не было, а было лишь безвременье. Бог с ними, возможно, и так… Что же касается книги Такера, я с ней знаком. Не буду распространяться о ее достоинствах, а попрошу лишь обратить внимание на предисловие, где сказано: «В 1946 году я женился на студентке Московского университета полиграфического института Евгении Пестерцевой, которой посвящена эта книга».

Профессор Такер хоть и американец, но, прожив многие годы в России, оказался под сильным влиянием советской пропаганды. Спасибо, что он не отказал моему отцу хоть в искусстве лести. Я понимаю, лесть — не из лучших качеств человека, но давайте спросим откровенно: неужели Лаврентий Берия был исключением среди приближенных Сталина, которые не жалели комплиментов в его адрес? Иосифа Виссарионовича впервые назвали вождем Бухарин и Зиновьев.

Эпитет «гениальный зодчий коммунизма» — придумал Микоян. А дальше пошло, поехало, вплоть до формулы: «Сталин — это Ленин сегодня». Кого только не было среди одописцев Сталина: Анри Барбюс и Лион Фейхтвангер, Го Мо Жо и Георгий Леонидзе, даже Пастернак и Мандельштам пели ему осанну.

Мне как-то показывали роскошно изданный том коллективного поздравления украинских поэтов с 70-летием вождя. Среди авторов: Павло Тычина и Максим Рыльский, Владимир Сосюра и Микола Бажам… А лести в их стихах — море!

Я далек от намерения обвинять названных и неназванных писателей в фальши, скорее, наоборот, склонен думать, что они искренне восхищались Сталиным. Но если говорить о «заслугах» моего отца в создании культа личности, то они явно меркнут перед заслугами мастеров художественного слова.

— Где вы находились, когда умер Сталин, и как в вашей семье восприняли эту весть?

— Тогда я находился в Москве и вместе с родителями был подавлен случившимся. Особенно скорбела мать — Сталин умел располагать к себе людей. Был опечален и отец, хотя в последнее время в их отношениях появилась трещина. Иосиф Виссарионович, очевидно, решил принести в жертву русской шовинистической группировке и Лаврентия Берия.

«Мингрельское дело» никак не могло появиться без согласия вождя.

— Как вы думаете, кто настраивал Сталина против вашего отца?

— Определенный круг приближенных, с которым Сталин вынужден был считаться. Неправда, что он все свои решения принимал единолично, не учитывая мнений и настроений окружающих. Другой вопрос, что в большинстве случаев ему удавалось перехитрить или переубедить это окружение.

— Вам не кажется, что относительно Берия его хорошо консультировали из Тбилиси?

— Консультантов и тайных советников Сталин имел достаточно. В том числе и в Грузии. Они постоянно твердили, что Берия не так ему предан, что он не тот человек, за кого себя выдает.

— В чем конкретно заключалось «мингрельское дело'» Что вменялось в вину мингрелам?

— То, что они возглавили партийную организацию республики и монополизировали власть во всей Грузии. Имя вдохновителя и организатора мингрельских «происков» можно было вслух и не произносить. Только дурак мог не догадаться, против кого направлена эта грязная возня, которой активно занимался министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев. Под его руководством в Грузии были проведены повальные аресты ответственных работников, начиная с секретарей ЦК и кончая парторгами колхозов, и не только выходцев из Мингрелии. Под прикрытием якобы ликвидации «буржуазно-националистического центра» арестовывались, а во многих случаях физически уничтожались люди, с уважением относящиеся к отцу, Было ясно, что «дело» санкционировано лично Иосифом Виссарионовичем.

— Я не случайно спросил Вас о земляках-«наводчиках» Сталина. Когда было состряпано позорное «мингрельское дело», кое-кто из чрезвычайно «бдительных» доставил вождю первые две книги тетралогии К. Гамсахурдиа «Давид Строитель»: мол, смотрите, великий грузинский царь с легкой руки писателя изображен мингрелом! Греха в этом, конечно, никакого: мингрел — такой же грузин, как и сван, и гуриец, и кахетинец… Цель этой наводки заключалась в примитивном расчете инспираторов рецидива: поскольку Берия — мингрел, а Гамсахурдиа — его земляк, значит, они — единомышленники! Это должно и было стать доказательством фальсифицированности, антихудожественности, даже антинародности «Давида Строителя»; а за такое, как известно, расправа над автором неизбежна. Но, как ни странно, вышло наоборот: Сталин,

прочитав роман (он тогда еще не был переведен на русский язык), вызвал тогдашнего первого секретаря ЦК республики, лютого врага писателя, и спросил: «Вы знакомы с этим романом?» И, не дожидаясь ответа, резюмировал: «Оказывается, мы, грузины, имеем такого великого прозаика!..»

Этой фразы было достаточно, чтобы на родине в корне изменилось отношение к Константину Гамсахурдиа…

— А сам романист приступил к написанию нового произведения с красноречивым названием «Вождь»… Случай, рассказанный вами, еще раз подтверждает непредсказуемость поступков Сталина. Помилование Гамсахурдиа вовсе не означает, что Иосиф Виссарионович мог отказаться от уже начатого «дела».

— Не поэтому ли Лаврентий Павлович пошел ва-банк и, как утверждается во многих публикациях, «помог» вождю преждевременно отправиться в мир иной?

— Я читал различные измышления на данную тему, например, «Тайна смерти Сталина» А. Авторханова. Каждый волен высказывать свое мнение, строить собственные версии, догадки. Мне не хочется спорить, поскольку не располагаю стопроцентными опровержениями (кстати, как и те, пишущие, не имеют доказательств!). Я могу лишь восстановить в памяти нашу домашнюю атмосферу в те дни, когда не стало Иосифа Виссарионовича. Мама при мне заявила отцу: «Лаврентий, как бы ты себя не утешал, твое время кончилось. Тебя терпели благодаря Сталину, а теперь — конец. Пока не поздно, подавай заявление об уходе в отставку, ссылайся на болезнь или придумай что угодно!..»

Отец не был самонадеянным человеком и прекрасно понимал всю сложность складывающейся расстановка сил. На уговоры мамы он ответил: «Нино, разве это изменит положение? Напишу ли я заявление, подам ли в отставку; они, если захотят, все равно добьются своего».

Максимум, на что мы рассчитывали — и отец, и мать, и я, — что его снимут, обвинят в разных просчетах, предадут партийной критике. Нам не приходило в голову, что дело может дойти до физической расправы, поэтому мы совершенно не были готовы к дальнейшим событиям.

— Почему Лаврентий Павлович не приложил усилий, чтобы занять место вождя после его смерти? Ведь он мог, в принципе, это совершить?

— Отец хорошо осознавал, что во главе фактически русского государства не может во второй раз стать грузин.

— Неужели Лаврентий Павлович не имел ни единого друга ни в Политбюро, ни в Совете Министров?

Складывается впечатление, что все его презирали и не могли дождаться, когда он предстанет перед судом.

— Друзья у него были. Я не говорю о Хрущеве, который, между прочим, больше всех нахально лез в незаменимые друзья к моему отцу! Вы посмотрите официальные фотографии тех лет — Хрущев почти везде рядом с отцом. Это было не только требованием протокола и соблюдением партийно-государственной иерархии, но и воплощением желания Никиты Сергеевича. Кто мог бы подумать, что этот человек вынашивал коварные планы, рассчитывая после их осуществления стать великим реформатором и отцом русской демократии. Хотя путем шантажа, демагогии и применения грубой военной силы, Хрущеву удалось убрать моего отца с дороги, он все же не стал для страны тем человеком, каким себя мнил. Прав Шота Руставели, когда пишет: «Что содержится в кувшине, то и льется из него!»

Я не говорю о Микояне, безоблачно проведшем долгую политическую жизнь, как тонко подметил народ, «от Ильича до Ильича». После всего, что произошло, Анастас Иванович разыскал меня в Москве у дочери и долго твердил о своей непричастности к гибели отца, просил, чтобы я передал его заверения матери. Я тогда не мог знать содержания его выступления на Пленуме, поэтому принял за истину слова Микояна. Правда, некоторые сомнения в искренности этих клятв заронила мне в душу реплика, как бы случайно оброненная им: «Эх, дорогой Серго, о чем угодно можно говорить, когда человека уже нет в живых!..» Только спустя десятки лет я понял подтекст микояновской реплики.

— Выходит, что и Маленков также притворялся, выдавая себя за друга Берия?

— Знаете ли, в политике понятие «дружба» весьма относительно. Расчет, корысть, выгода — вот что движет здесь человеком. Так было, так есть и, наверное, так будет.

— Значит, ваш отец арестован не был и никакого суда над ним быть не могло?

— Был сговор между Хрущевым, Булганиным и Ворошиловым. Об этом я точно знаю. Факт и то, что судебный процесс над Берия происходил в отсутствии самого Берия.

Мертвого никто судить уже не мог!.. Что же касается Маленкова, то тут все закономерно: Иосиф Виссарионович часто поручал им совместные задания, что и создавало видимость приятельских отношений. Впрочем, приятелями они были и в действительности, но расчет и выгода, о чем я говорил выше, взяли верх и в нем.

Подвергся подобному пороку и Лазарь Моисеевич Каганович. Мы соседствовали на даче, общались семьями и, казалось, испытывали друг к другу симпатии. Увы, человек, давший молчаливое согласие на арест и самоубийство собственного брата, легко оказался на стороне противников отца. Среди них, к моему огорчению, я увидел и Вячеслава Михайловича Молотова, от которого, уж точно не ожидал подобного малодушия. Вот говорят: жена Молотова — Полина Жемчужина — была арестована и три года провела в заключении. Кто это подстроил? Конечно же, Берия. Мало кто утруждает себя выяснением истины: что явилось причиной ареста супруги члена Политбюро и министра иностранных дел? Забывчивым или малосведущим напомню, что Жемчужина обвинялась в «связях с международным сионизмом». Друзья, коллеги, соратники из Политбюро — назовите их, как хотите! — отказали Молотову в доверии, настояв на аресте его жены. Интересная деталь: Жемчужину арестовали по решению Политбюро, а освободили по единоличному распоряжению Берия. Молотов, разумеется, знал об этом и был признателен отцу. Думаю, он понимал, что антисемитизм — не прихоть одного Сталина или тем более Берия. Это отвратительное явление имеет в России глубокие корни. Достаточно сказать, что в нынешнем году исполняется 1000 лет со дня первого еврейского погрома на Руси. Печально известное общество «Память» во многом исходит из этой традиции, достигшей апогея у черносотенцев. Я не исключаю того, что именно черносотенцы, окопавшиеся в стане Сталина, провоцировали антисемитские настроения в стране. Но это так, к слову. А вообще, трактуя свое понимание конкретных поступков упомянутых деятелей, я должен заметить следующее: я не убежден, что они, разве что за исключением Хрущева, повели бы себя так воинственно-предательски, если бы суд над отцом в самом деле состоялся. Почему-то хочется верить: Маленков, Молотов и еще кое-кто предали Лаврентия Берия постфактум. Правда от этого легче не становится, ибо предательство остается предательством как в адрес живого, так и мертвого.

— Однако об аресте Берия рассказывают разные истории. Чего стоит лишь один рассказ Никиты Сергеевича о том, как он лихо, прямо на заседании Политбюро обезвредил опаснейшего преступника! Или возьмем предсмертную исповедь генерала Зуба, который, не дрогнув перед грозным противником, с честью выполнил поручение партии!

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Вначале мы поручили арест Берия товарищу Москаленко с пятью генералами. Он и его товарищи должны были быть

вооружены, и их должен был провезти с оружием в Кремль Булганин. В то время военные, которые приходили в Кремль, обязаны были в комендатуру сдавать оружие. Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и еще несколько человек.

Одним словом, в кабинет вошло не пять, а человек 10 или больше.

Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

— Предлагаю Вам, как Председатель Совета Министров СССР, задержать Берия.

Жуков скомандовал Берия:

— Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берия схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле.

Потом проверили — никакого оружия у него не было ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал рефлективное такое движение.

Берия сейчас же взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров рядом с кабинетом Маленкова.

«Огонек»,№ 6, 1990, с. 31.

Версия полковника, позже генерал-майора И. Г. Зуба:

«В кабинет Сталина вели три двери. Из всех трех, дабы предотвратить даже попытку к бегству, они и должны были войти по звонку Маленкова, председательствующего на заседании.

Достали оружие. Раздался звонок.

Из приемной в кабинет шагнули Батицкий с Зубом, из коридора — Баксов и Юферев, из комнаты отдыха — Жуков и Москаленко.

Во главе стола сидел Маленков, с одной стороны от него, за продольным столом, Хрущев, Булганин, другие члены Президиума.

С другой стороны ряд сидевших начинался с Берии. И одна из дверей находилась как раз у него за спиной.

Вот так дословно описывал тот момент сам Иван Григорьевич:

«Когда мы вошли, некоторые члены Президиума вскочили со своих мест, видимо, деталей осуществления ареста они не знали. Жуков тут же успокоил всех:

— Спокойно, товарищи! Садитесь.

И мы с трех сторон быстро подошли к Берии.

Когда все успокоились, Маленков сказал:

— Товарищи, я предлагаю еще раз рассмотреть вопрос о Берии.

То есть разговор до этого уже был. Все согласились. Тогда Маленков предложил:

— Он такой аферист, так опасен, что может наделать черт знает что. Поэтому я предлагаю арестовать его немедленно.

Все проголосовали «за».

Берия под пистолетом сидел неподвижно. У меня в руке был трофейный вальтер.

Я действительно отлично стрелял, и в этот момент рука моя не дрогнула бы.

После слов Маленкова Жуков скомандовал: — Встать! Следовать за нами».

С. *Быстров. Задание особого свойства. В кн. Поединок. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 320.*

— Я расскажу вам ту историю, свидетелем которой частично был сам, а частично узнал от людей, участвовавших в ней. Итак, 26 июня 1953 года отец находился на даче. Я уехал раньше, где-то около восьми, и через час был, в Кремле у Б. Л. Ванникова. (Кабинет отца располагался в противоположном здании). В четыре часа дня мы должны были доложить отцу о подготовке к проведению ядерного взрыва. Нам предстояло обсудить, будет ли это подвешенная бомба или ракета. Собралось человек десять, в том числе И. В. Курчатов, и В. А. Махнеев, технический помощник отца. Мы сидели, сверяли документы, готовили иллюстративные материалы и т. д. Часов в двенадцать ко мне подходит сотрудник из секретариата Ванникова и приглашает к телефону: звонил дважды Герой Советского Союза Амет-Хан, испытывавший самолеты с моим оборудованием. «Серго, — кричал он в трубку, — я тебе одну страшную весть сообщу, но держись! Ваш дом окружен войсками, а твой отец, по всей вероятности, убит. Я уже выслал машину к кремлевским воротам, садись в нее и поезжай на аэродром. Я готов переправить тебя куда-нибудь, пока еще не поздно!..»

Я начал звонить в секретариат отца. Телефоны молчали. Наверное, их успели отключить. Не брал никто трубку и на даче, и в квартире. Связь отсутствовала всюду…

Тогда я обратился к Ванникову. Выслушав меня, он тоже принялся звонить, но уже по своим каналам. В тот день, по предложению отца, было назначено расширенное заседание президиума ЦК. Ванников установил, что заседание отменено и происходит что-то непонятное. Он мне сказал: «Если уже

случилось непоправимое, мы все бессильны, но за тебя постоим, не позволим им расправиться с тобой!»

У кремлевских ворот меня ждала машина с друзьями, которые уговаривали меня не ехать домой, объясняя, что дорога уже перекрыта, а вокруг слышна стрельба. Я все-таки решил никуда не улетать и не прятаться. Убежать я не мог и потому, что не на кого было оставить маму, двух маленьких детей и беременную жену, которая должна была родить через месяц-полтора. Моим дочерям тогда было два и четыре года.

С полдороги я вернулся к Ванникову. Он одобрил мое решение не скрываться и сразу же позвонил Маленкову. У Маленкова телефон не отвечал. Тогда он позвонил Хрущеву. Трубку сняли. «Никита Сергеевич, — начал Ванников, — рядом со мной находится сын Берия. Я и мои товарищи, — он назвал фамилию Курчатова и других присутствующих тут ученых, — знаем, что произошло. Поэтому просим вас позаботиться о безопасности молодого Берия». Хрущев ему что-то отвечал. (Потом Ванников пересказал мне смысл его ответа: мол, ничего нигде ни с кем не произошло; что вы там выдумываете?) Видно, Хрущев еще не был осведомлен, чем все закончилось. Борис Львович, чтобы меня одного не схватили, поехал вместе со мной на городскую квартиру, расположенную на Садовом кольце. Район в самом деле был оцеплен военными, и нас долго не пропускали во двор, пока Ванников снова не позвонил Хрущеву. Наконец, после его разрешения, нас пропустили, что и подтверждало его причастность к происходящему. Стена со стороны комнаты моего отца была выщерблена пулями крупнокалиберных пулеметов, окна разбиты, двери выбиты.

Пока я все это отчаянно рассматривал, ко мне подбежал один из охранников дома и говорит: «Серго, только что из помещения вынесли кого-то на носилках, накрытых брезентом».

Охранника срочно позвали, и я не успел спросить у него, находился ли отец в доме во время обстрела.

— Дом принадлежал только вашей семье?

— Исключительно. Первый этаж занимали родители, второй — я. Еще там была комендатура. Я хотел жить самостоятельно, но отец уговорил: ты у нас единственный сын, поэтому не надо отделяться; матери так будет легче.

— Как дальше развивались события?

— В сопровождении бронетранспортера меня отправили на дачу к семье. Ванников потребовал у генерала, командовавшего охраной, документы, чтобы записать все данные, и знать, с кем иметь дело на тот случай, если меня по дороге на дачу убьют. Потом обнял меня и сказал: «Держись! Знай, что у тебя друзей

больше, чем ты предполагаешь!» Наша дача была окружена.

— Вас тогда, получается, арестовали?

— Фактически арестовали, хотя говорили, что задержали.

На даче я встретился с мамой. Она была очень собрана, держалась мужественно. На мое предположение, что отца, вероятно, нет в живых, она ответила: «Иначе и не могло быть!..» Говорила спокойно, без слез и причитаний. Я запомнил ее слова: «Не бойся смерти: человек умирает один раз и должен это сделать с достоинством».

Нас разлучили. Мама осталась на месте, меня же с семьей увезли на дачу Сталина в Кунцево. И опять вокруг дачи — бронетранспортеры… Жили в изоляции. Внешнюю охрану осуществляли военные, а внутреннюю — люди в штатском. Относились вежливо, содержали в нормальных условиях. Спустя двадцать дней в три часа ночи меня подняли и официально объявили, что я арестован. С июля по декабрь 1953 года меня содержали в Лефортовской тюрьме, а с января 1954 года перевели в Бутырку, где я находился в течение года. И в Лефортово, и в Бутырке пребывал в одиночном заключении, без суда и следствия. Как потом выяснилось, в Бутырке, также в одиночном заключении, находилась и моя мать.

Лефортовская тюрьма отличалась очень тяжелым режимом. В камере со мной находилась охрана из четырех человек, постоянно менявшаяся. Психологическое давление сводилось к тому, что мне не разрешали спать по десять суток подряд, стремясь выдавить нужные им показания. Когда я объявлял голодовку, кормили насильно. Но не избивали.

— В чем конкретно вас обвиняли?

— В заговоре против социалистического строя с целью восстановления капитализма, в участии в террористической организации и подготовке диверсий против руководителей партии и правительства, в установлении радиосвязи с английской разведкой.

— А доказательства?

— Доказательств никаких. Потому я и заявил: «Пока вы мне не предъявите хоть один протокол допроса моего отца или любой другой документ, подписанный им, показаний давать не буду!» Поэтому я упрямо твердил: «Пока вы не предъявите неопровержимые факты о моей террористической или шпионской деятельности, показаний я также давать не буду!».

Я не отрицал, что хорошо стреляю и имею оружие, но требовал улик, изобличающих мои преступные намерения. Поскольку такие улики отсутствовали, я отвечал только на четкие вопросы типа: «Где вы были в такое-то время? Знаете ли вы

такого?» Как только вопросы превращались в домыслы, надуманные обвинения, я замолкал.

— Фамилии следователей помните?

— Конечно, помню. Это были три заместителя Генерального прокурора СССР. Первый заместитель — военный прокурор генерал-лейтенант Китаев, сволочь невероятная; заместитель Комочкин и заместитель Цареградский, порядочный человек и не сволочь, хотя и прокурор…

— Допрашивали в тюрьме или возили на допросы?

— Все происходило в тюрьме. Кабинет следователя был радиофицирован и наш разговор записывался на пленку в соседнем помещении.

— Следователи представились, назвав свои настоящие фамилии, или вы их знали в лицо?

— Они представились, предъявили документы… Все, как полагается…

— Кроме следователей, никто вами не интересовался за те полтора года?

— Дважды ко мне в Лефортово приезжал Г. М. Маленков. Советовал дать некоторые показания, чтобы облегчить собственную участь. На самом деле он пытался выяснить, знаю ли я, где находится секретный архив отца.

— Боялся компромата?

— Разумеется. Он ведь, как я уже рассказывал, в ЦК вопросами репрессий ведал. Вполне возможно, что у отца хранились документы, огласка которых могла бы нанести непоправимый удар не только по одному Маленкову.

— Сполна испытав жестокий и бесчеловечный режим московских тюрем, думали ли вы о тех людях, которые прошли там Дантовы круги ада с «благословения» вашего отца?

— Находясь в заключении, человек думает о многом, *У* него появляется обостренная необходимость анализировать, сопоставлять, делать выводы. История с отцом, как я уже говорил, явилась для меня полнейшей неожиданностью. В камере мне не давали газеты, не разрешали слушать радио, поэтому я до конца не понимал, что же все-таки произошло, в чем провинился мой отец, в чем лично моя вина… То, что преподносили мне следователи о шпионстве и предательстве отца, я отметал сразу. Не верю этому и сегодня, так как шпионом Лаврентий Берия мог быть только советским, работавшим на благо СССР. В тюрьме у меня и мысли не возникало, что люди попадали туда по прихоти моего отца. В моем понимании отец был высокопоставленным должностным лицом, как и все его коллеги, отвечающим за порученный ему участок дела; а этот участок ограничивался не

только правоохранительной деятельностью.

— Отправляя в Свердловск, обвинение с вас сняли?

— В правительственном решении, согласно которому мне поручалось реализовать проект, указывалось, что я имею допуск к работам, содержащим государственную тайну, к особой папке, к совершенно секретной и секретной документации, но там ничего не говорилось о моем пребывании под арестом и следствием. Как будто те страшные полтора года исчезли из моей жизни!

— Быть может, власти освободили вас потому, что вспомнили знаменитую максиму «сын за отца не отвечает»?

— Не думаю, что эта милость принадлежала исключительно власть имущим. На них сильно влияли лица, поддерживающие меня в науке. Они не только добились моего освобождения, но и возвращения к любимой работе. В Свердловске меня навестил Курчатов, приезжали и другие ученые. Должен заявить со всей откровенностью и благодарностью, что меня спасла русская техническая интеллигенция! (И это я расцениваю, прежде всего, как отношение к моему отцу, а потом ко мне — ни в чем не повинному молодому человеку!)

— Скажите, после освобождения органы не пытались вас склонить к сотрудничеству? По законам «жанра» вы могли бы стать для них весьма подходящим персонажем…

— Не удостоился такой чести! Общение со мной в Лефортово и Бутырке, наверное, убедило их в том, что бесполезно рассчитывать на мое стукачество. Выпустив из тюрьмы, «рыцари плаща и кинжала» держали меня в Свердловске под постоянным наблюдением.

— Свердловск был ссылкой?

— Официально нет, но фактически — да. Без особого разрешения ни я, ни мама не могли ступить ни шагу.

— Правда, что ваша мать ездила в родной Мартвили и хотела получить там земельный участок, но местные власти ей отказали?

— Мать ездила в Мартвили как раз по приглашению местных властей, охотно отозвавшихся на ее просьбу, однако вмешалось КГБ в лице начальника его грузинского подразделения Алексея Инаури, и маму под охраной привезли обратно в Свердловск.

— В годы вашего пребывания в Свердловске мать посещала Грузию и нелегально?

— В 1958 году мы получили от анонимного респондента фотокарточку, на которой был запечатлен мой отец на фоне президентского дворца в Буэнос-Айресе. «Если вас заинтересовало мое послание — писал аноним, — поезжайте в Челябинск, где в таком-то месте в такое-то время встретите человека который и объяснит все подробности». Матери послание показалось

убедительным и вопреки официальному запрету она настояла, чтобы я поехал по указанному адресу. В то время в Челябинске гостила моя няня, упоминаемая ранее Элла Альмендингер, брат которой возглавлял один из местных заводов. Я сообщил ей по телефону, что приеду и, возможно, обращусь с просьбой о помощи. В субботу утром мы с товарищем сели на велосипеды и отправились в путь. Из Свердловска в Челябинск — километров 250 — расстояние не такое уж непреодолимое для молодых и здоровых парней. Я поведал Элле Эммануиловне всю историю и попросил вместо меня пойти на свидание. Она согласилась, но вскоре вернулась с неприятной новостью: инкогнито настаивал на личной встрече с мамой. Вскоре после моего возвращения из Челябинска нам подбросили журнал «Вокруг света» с публикацией того же снимка и очередной запиской: мол, маму ожидают в селе Анаклия Зугдидского района, что на берегу Черного моря. Мы не исключали, что это может быть провокацией, хотя и не очень понимали ее цель. Допустим, хотят заставить нас нарушить паспортный режим, а потом наказать. Но зачем заманивать нас за тридевять земель, когда для наказания можно придумать массу поводов на месте? Тем более, что подобная перспектива нас не страшила: к одиночному заключению нам не привыкать…

Итак, мама решилась ехать в Грузию. На заводе «Уралхиммаш», где она работала, ей оформили больничный лист, а мои друзья организовали конспиративный перелет в Сухуми. Маму там встретили и, чтобы не привлекать особого внимания, рейсовым автобусом доставили в Анаклия. Там она гостила в очень милой семье и на протяжении недели ежедневно ходила в указанное место» но, к сожалению, тщетно. На встречу никто не явился. До сих пор не понял, в чем заключалась суть этой жестокой игры. Мама до конца жизни верила, что отец жив, и в редкие минуты, когда мы возвращались в прошлое, говорила: «А может быть…»

— Лаврентий Павлович был, конечно, человеком прозорливым, опытным. Неужели он не предугадал надвигающейся опасности?

— Отец допускал, что его требование всем членам ЦК отчитаться перед чрезвычайным съездом партии, на созыве которого он настаивал, и объяснить свое участие в репрессиях, может вызвать резкую реакцию, даже протест. Он предполагал политическую борьбу, но не террор. В этом — его главная ошибка.

— Хоть кто-нибудь остался верен дружбе с вашим отцом после того, как его не стало?

— Верных ему людей убрали вместе с ним. Многие, кого соратниками назвать нельзя, — они выполняли его служебные поручения, — оказались в местах не столь отдаленных. Чем упорнее человек защищался, опровергая свою причастность к преступлениям Берия, тем больший срок наказания получал.

— Вы верите в сопричастность к аресту или убийству Лаврентия Павловича таких деятелей, как Жуков, Конев, Батицкий?

— То, что против отца использовали военных, несомненно. Его убийство было, по существу, военным переворотом. О роли конкретных военачальников в этом перевороте затрудняюсь что-либо сказать. Знаю лишь одно: Георгий Константинович Жуков дружил с моим отцом. Они сотрудничали как до войны, так и весь военный период. Отец всячески поддерживал Жукова, когда тот попадал в очередную опалу. Именно Георгий Константинович составил для отца списки уцелевших от ежовских репрессий военных, впоследствии реабилитированных и возвращенных в армию; среди таких — Рокоссовский, Мерецков и др.

После выхода мемуаров маршала Жукова я получил возможность побеседовать с ним, кстати, по его же инициативе. Он мне сказал тогда: «Все разговоры о моем участии в аресте Берия — чистейшей воды выдумка!» Я ему поверил, ибо какой смысл Георгию Константиновичу оправдываться передо мной: он все-таки не походил на Микояна! Я поверил и Швернику, который, будучи членом суда, не видел на судебном процессе моего отца. Не было его там!

— Кого же тогда судили?

— Сидел на скамье подсудимых слегка похожий на отца какой-то человек и за все время разбирательству не произнес ни слова.

«Это не был твой отец!» — сказал мне Шверник. Михайлов утверждал то же самое.

Да и вы сами поверите в то, что Лаврентий Берия упускает последний шанс защитить себя?!

Я сопоставил их рассказы с увиденным в тот злосчастный день и пришел к выводу, что отца уже не было в живых, когда меня позвали к телефону. Трудно сказать, кого выносили на носилках из нашего дома, когда я подъехал туда. Но я не исключаю, что это было тело отца: слишком много подозрительных совпадений!..

— Членом Специального Судебного Присутствия был и Митрофан Кучава, председатель грузинских профсоюзов.

Кто-кто, а он уж точно мог определить, кто находился на скамье подсудимых — Берия или подставное лицо!..

— Я с ним не встречался, но где-то пришлось прочитать его воспоминания. В отличие от других свидетелей, он как раз утверждал, что видел на суде именно Берия. Я не верю ему, ибо более авторитетные люди, чем он, доказывали обратное.

— Однако в прессе официально было сообщено решение Верховного Суда СССР о расстреле Л. Берия и его сообщников.

— Да, было. Люди старшего поколения, несомненно, помнят его. Однако я не против, чтобы и современный читатель знал это «сочинение» власть предержащих. Оно будто списано из протоколов июльского Пленума ЦК КПСС. Я не удивлюсь, если обнаружится, что и обвинительное заключение родилось на Старой площади.

В Верховном Суде СССР

18 — 23 декабря 1953 года Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в составе:

Председательствующего — Председателя Специального судебного Присутствия Маршала Советского Союза Конева И. С. и членов Присутствия: Председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Шверника Н. М., первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Зейдина Е. Л., генерала армии Москаленко К. С., Секретаря Московского областного Комитета КПСС Михайлова Н. А., Председателя Совета Профессиональных Союзов Грузии Кучава М. И., Председателя Московского городского суда Громова Л. А., первого заместителя Министра внутренних дел СССР Лунева К. Ф — рассмотрело в закрытом судебном заседании, в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года, уголовное дело по обвинению Берия Л. П. и других.

В соответствии с обвинительным заключением, суду были преданы: Берия Л. П. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58—1 «б», 58-8, 58–13, 58–11 Уголовного Кодекса РСФСР: Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я., Влодзимирский Л. Е. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58—1 «б», 58-8, 58–11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Судебное следствие полностью подтвердило материалы предварительного следствия и предъявленные всем подсудимым обвинения, изложенные в обвинительном заключении.

Судом установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берия в течение многих лет совместной преступной деятельностью подсудимые Меркулов В. П., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е. Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел против Коммунистической партии и Правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берия Л. П. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени

гражданской войны, когда в 1919 году Берия Л. П., находясь в Баку, совершил предательство поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного муссаватиетского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов.

В 1920 году Берия Л. П., находясь в Грузии, вновь совершил предательство, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства также являвшейся филиалом английской разведки.

В последующие годы, вплоть до своего ареста Берия Л. П. поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками.

На протяжении многих лет Берия Л. П. и его соучастники тщательно скрывали и маскировали свою вражескую деятельность.

После кончины И. В. Сталина, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства, Берия Л. П. перешел к форсированным действиям для осуществления своих антисоветских изменнических замыслов, что и позволило в короткий срок разоблачить Берия Л. П. и его соучастников и пресечь их преступную деятельность.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия Л. П., подготовляя захват власти, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и его местных органах. Берия Л. П. и его сообщники расправлялись с честными работниками МВД, отказывавшимися выполнять преступные распоряжения заговорщиков.

В своих антисоветских изменнических целях Берия Л. П. и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и и первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Действуя как злобный враг советского народа, подсудимый Берия Л. П., с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране, саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий Партии и Правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Установлено, что, скрывая и маскируя свою преступную деятельность, подсудимый Берия Л. П. и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны

которых они опасались разоблачений. В качестве одного из основных методов своей преступной деятельности заговорщики избрали клевету, интриги и различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути враждебных Советскому государству изменнических замыслов Берия Л. П. и его сообщников и мешавших им пробираться к власти.

Судом установлено, что подсудимые Берия Л. П., Меркулов В. П., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е., используя свое служебное положение в органах НКВД — МТБ — МВД, совершили ряд тягчайших преступлений с целью истребления честных, преданных делу Коммунистической партии и Советской власти кадров.

Судом также установлено преступления Берия Л. П., свидетельствующие о его глубоком моральном разложении, и факты совершенных Берия преступных корыстных действий и злоупотреблений властью.

Виновность всех подсудимых в предъявленных им обвинениях была полностью доказана на суде подлинными документами, вещественными доказательствами, собственноручными записями подсудимых, показаниями многочисленных свидетелей.

Изобличенные доказательствами подсудимые Берия Л. П., Меркулов В. Н. Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А. Мешик П. Я., Влодзимирский Л. Е. на судебном следствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда тягчайших государственных преступлений.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Совета СССР установило виновность подсудимого Берия Л. П. — в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии, в совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народам Советского Союза политических деятелей, в активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретно-агентурной должности в разведке контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, завязал там связи с иностранной разведкой, а в последующем поддерживал и расширял свои тайные преступные связи с иностранными разведками до момента разоблачения и ареста, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58—1 «б», 58-8, 58–13, 58–21 Уголовного кодекса РСФСР.

Суд установил виновность подсудимых Меркулова В. Н.,

Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я. и Влодзимирского Л. Е. в измене Родине, совершении террористических актов и участии в антисоветской изменнической группе, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 581«б», 58-8, 58–11 Уголовного кодекса РСФСР.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР постановило:

Приговорить Берия Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я., Владзимирского Л. Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежачего имущества, с лишением воинских званий и наград.

Приговор является окончательным и обжалованию не подлежит.

Приговор приведен в исполнение

Вчера, 23 декабря, приведен в исполнение приговор Специального Судебного присутствия Верховного Суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу — Берия Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З.; Гоглидзе С. А. Мешика П. Я. и Влодзимирского Л. Е.

Известия, 24 декабря 1953 г., № 302

— По решению Суда имущество Берия подлежало конфискации. Каким имуществом он владел и что после конфискации у вас осталось?

— Члены Политбюро по традиции находились на полном государственном обеспечении. Квартира, дача, мебель, машина — все было казенное. Тогдашняя, скажем так, партократия, не в пример последующей, равнодушно относилась к личному обогащению. У них не было ни личных накоплений, ни личного имущества. Доказательство тому — сберкнижка Сталина, на которой «хранились» буквально копейки!

Лишившись казенного имущества, мы оказались на улице. Но к труду я был приучен с детства и даже в тех нелегких условиях сумел содержать семью. Богатства я не нажил, ибо, как поется в одной из песен, «человеку много ль надо?!»

— Какой круг общения был у матери в изгнании? Ведь в том возрасте, в каком она овдовела, непросто обрести новых друзей?

— Жизнь матери окончательно рухнула с трагедией отца. В дальнейшем она просто существовала, как тень или печальное отражение прошлого. Образ ее жизни ничем не отличался от одиночества грузинки-вдовы, которая, скорбя о муже, вечно облачена в черное одеяние.

— Ваша жена ждала ребенка, когда вас арестовали. Как в дальнейшем сложилась ее судьба, судьба семьи в целом?

— Находясь в заключении, я стал отцом мальчика, которого также назвали Серго, ибо мало кто надеялся увидеть меня в живых. С женой у меня были прекрасные отношения и, хотя считалось, что она проживает в Москве, первые три-четыре года она провела вместе со мной в Свердловске.

— Как вашу супругу звали?

— Почему звали? Она и ныне в полном здравии. Мы учились в одной школе. Она была одноклассницей и подругой Светланы Аллилуевой. А зовут ее Марфа Максимовна Пешкова.

— Фамилия и отчество очень знакомы…

— Марфа — внучка Максима Горького. Моего тестя тоже

звали Максим и занимался он литературой, а теща была художницей и очень обаятельной и интеллигентной женщиной. Высокое имя дедушки и безупречный круг родственников не помогли моей жене избавиться от пристального внимания соответствующих инстанций: ее вызывали и в КГБ, и в партийные органы, и на допросы.

— Как сложилась судьба ваших детей?

— Старшая дочь Нино, названная так в честь бабушки, окончила Строгановское училище по графике, а потом — академию художеств. Нино вышла замуж за иностранца и переехала на его родину. Младшую дочь зовут Надей, в честь уже русской бабушки. Живет в Москве. Имеет двух детей — Ксению и Алешу.

Зять родился в Тбилиси, мать у него наполовину грузинка, — это их и сблизило!

Чтобы завершить рассказ о детях, скажу, наверное, и о сыне. Он все время находится со мной. Закончил Киевский политехнический институт. Вообще-то я хотел чтобы Сережа получил образование в Грузии.

Два года он проучился на физическом факультете Тбилисского университета, однако грузинские власти не очень одобрительно относились к нахождению там даже моего сына…

— Он тоже носит фамилию Гегечкори?

— Нет. Когда он родился, я еще был Берия. Но весьма реальная опасность вынудила жену записать новорожденного на фамилию Пешковых. Вскоре все равно начались прямые преследования Марфы Максимовны — ее несколько раз избивали на улице, устраивали провокации, пока откровенно не потребовали развода со мной.

Я сказал жене: «Раз такое дело, они тебя в покое не оставят! Стоит ли рисковать будущим детей, которым похоже, тоже придется несладко? Давай формально оформим развод, а детей будем воспитывать вместе. Время, как обычно, рассудило по-своему, и мы расстались и формально, и фактически. Свою личную жизнь мы посвятили детям и счастливы, что они нас не подвели.

— На Украине принят закон о гражданстве, согласно которому каждый имеет право восстановить свою фамилию, имя и отчество, если они по каким-то причинам были заменены или неправильно оформлены. У вас нет желания вернуть свою настоящую фамилию?

— С этой целью я дважды терял паспорт и старался получить новый на основе сохранившейся метрики. Эти попытки десяти-пятнадцатилетней давности не увенчались успехом, но я охотно

попытаюсь еще раз: ведь наконец-то закон на моей стороне!

— Может быть, и сын последует вашему примеру?

— Несмотря на то, что Сережа вырос вдали от Грузии и никогда не носил грузинскую фамилию, он считает себя грузином, частицей нашего рода и племени… Ему скоро сорок, и я верю, что он способен принять самостоятельное решение. Я буду этому рад.

— Его жена — украинка?

— Да, очень умная, скромная и красивая девушка. Как видите, я связан с Украиной не только собственной судьбой, но и родственными узами.

— Между прочим, вы еще не рассказали о том, как вы попали в Киев, чем мотивировался ваш выбор места жительства?

— После десятилетней работы в Свердловске мне разрешили переехать в любой институт моего профиля на территории СССР, включая Москву. Этому способствовала и болезнь матери. Из-за сильного радиационного фона у нее началась аллергия, и врачи категорически советовали немедленно поменять климат. Я обратился к руководству за помощью. И тут надо отдать должное Хрущеву, который поручил тогдашнему председателю КГБ Семичастному заняться моим трудоустройством. Москва отпала сразу: мне не хотелось возвращаться туда, где я однажды уже пережил собственную смерть. В Грузии не было подходящего института, где я мог бы завершить начатые на Урале проекты. Выбор пал на Киев. И не случайно. Я бывал в этом городе неоднократно и был очарован его красотой. Одновременно к этому решению меня склоняла дружба наших двух народов, уходящая своими корнями в глубь веков. Не сравнивая себя с великими предками, в час бедствий находившими приют на гостеприимной украинской земле, я рассчитывал на понимание и поддержку друзей-киевлян. К тому же был убежден: здесь на меня не окажут то давление, которое я испытывал от российского руководства. Немаловажное, а может, и решающее значение имело и то, что на Украине было создано ряд предприятий и заводов с моим участием, обеспечивавших ракетную мощь СССР. Достаточно назвать таких крупных ученых, как дважды Герой Социалистического Труда академик-конструктор ракетно-космической техники Михаил Кузьмич Янгель и Герой Социалистического Труда академик-конструктор авиационных двигателей Архип Михайлович Люлька, приветствовавших мой приезд в Киев. Я хорошо знал о большом интеллектуальном потенциале Академии наук Украины, в контакте с которой предстояло отныне работать. И это тоже вдохновляло.

— Вам, насколько мне известно, пришлось освобождать

Украину от фашистов…

— Освободителем я бы себя не назвал, хотя в боях за Львов пришлось участвовать. Официально я проходил войсковую стажировку, однако, сами понимаете, что пуля не отличает практиканта от кадровика. Приходилось и защищаться и наступать наравне со старшими побратимами по оружию. Кстати, я видел украинских хлопцев — вояк УПА, которые произвели на меня сильное впечатление и остались в памяти до сих пор. Это была реальная сила, выступавшая как против Красной Армии, так и против гитлеровцев. Не разделяя политической точки зрения идеологов УПА, я с почтением относился — и отношусь! — к тем молодым ребятам, которые жертвовали собой во имя самостоятельной Украины. То, что их усилия не пропали даром, лишь свидетельствует о бессмертии правого дела.

— Итак, вы приехали в Киев в…

— В 1964 году. Квартиру дали хорошую, с учетом того, что со мной должны были проживать мать, сын и младшая дочь. Состоялось это буквально перед тем, как «друзья-товарищи» мирно отправили на пенсию Никиту Сергеевича. Я даже склонен считать, что мое освобождение из уральской ссылки было его чуть ли не последним добрым делом на посту Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Назначили меня ведущим специалистом Института радиоэлектроники, где был специально создан коллектив для осуществления моих проектов. Здесь я практически выполнял ту же работу, что и в Свердловске, не получая никаких рангов и привилегий. Был просто руководителем работ, но сумел создать шесть систем, которые поныне не сходят с вооружения.

— Батоно Серго, каким был ваш путь в науке?

— После Ленинградской академии я закончил адъюнктуру, аспирантуру Московского университета, там же защитил и кандидатскую и докторскую диссертации. Темы моих исследований были связаны с головками самонаведения и с системами ракет, которые сам и делал.

— Вы доктор каких наук?

— Теперь я не доктор. После ареста меня лишили ученых степеней и разжаловали с инженер-полковника до рядового солдата: мол, все эти регалии сын Берия получил незаслуженно. Мне не вернули ни один прежний документ и пришлось все начинать с нуля. У меня не было даже диплома об окончании вуза. Тем не менее, нашлись порядочные люди, знавшие меня, которые и разрешили читать специальный курс по математической физике и теории управления для адъюнктов Свердловского политехнического института. Позже вузовский

диплом мне все-таки вернули, и я сдал кандидатские экзамены.

— Будучи доктором…

— Меня тогда это не очень волновало: я был достаточно молод и надеялся на свои знания и опыт. Защитил свою кандидатскую, формально поступил в докторантуру и подготовил докторскую, но меня предупредили, что не стоит, как говорится, дразнить гусей… Я послушался и больше к этому вопросу не возвращался.

— Ваша новая кандидатская диссертация как-то перекликалась с прежней тематикой?

— Нет. Я защищался уже не по физмату, а по техническим наукам.

— Вам не присваивали каких-либо почетных званий, допустим, заслуженного деятеля науки или ударника коммунистического труда?

— Такими вещами я никогда не интересовался, а те, кому по долгу службы полагалось замечать мои скромные достижения, старались не обращать на них внимания. Ударником коммунистического труда я не мог стать по той простой причине, что был исключен из рядов КПСС. Правда, потом приходили из комиссии партийного контроля и предлагали восстановиться, но я не захотел.

— Должно быть, таким образом, проверяли вашу лояльность к власти?

— Я никогда и ни перед кем не скрывал своей оценки того, что произошло с моим отцом и лично со мной. Другое дело, что я не становился в позу и не стремился отомстить, а просто делал то дело, на которое был способен.

— Мне кажется, что Советская власть проявила несвойственный ей гуманизм, вновь доверив вам очень ответственную и секретную работу. Подумать только: сын врага, сын супершпиона, по-прежнему считавшегося злейшим врагом государства, правда, неизвестно уж какого, возглавляет разработки военных проектов!

— «Гуманисты» прекрасно знали, что ни мой отец, ни я не являлись агентами английского империализма. Поэтому они ничем не рисковали, используя меня в целях укрепления оборонной мощи страны. Здесь, безусловно, не обошлось без авторитетной поддержки тех влиятельных ученых, которые неплохо знали меня и как человека, и как специалиста.

— Долгие годы вы были засекречены. В тех редких публикациях о вас, которые довелось прочитать, совсем недавно отмечали, что вы живете в большом городе на Днепре и работаете в одном из секретных учреждений. Город мы уже назвали, а место

работы можно теперь указать? У нас нынче вроде ни от кого нет секретов, вплоть до НАТО, все — друзья…

— Если без иронии, то нам хорошенько следует разобраться, где друзья, а где волки в овечьей шкуре, какие тайны открывать, а с какими и повременить… Но пусть этим занимаются профессионалы — им виднее… Что же касается моей должности, то это уже не секрет. Я работаю директором и главным конструктором научно-исследовательского института «Комета», который входит в систему оборонной промышленности и конверсии Украины. Здесь я занимаюсь традиционными для себя вопросами, разворачивая одновременно конверсионные работы, официально включенные во всеукраинские государственные программы.

— Читатель наверняка обратит внимание на то, что вы, по большому счету, ни разу не признали своего отца виновным. Не поймут ли это как приукрашивание его жизни и деяний, как стремление уйти от прямых ответов?

— Хоть убейте, но не могу я поверить в те чудовищные злодеяния, приписываемые моему отцу. Я знал совсем иного Лаврентия Берия — нежного и любящего. Я же его сын, а не бывший соратник или подчиненный, который приспосабливается к обстоятельствам, подпевая новым друзьям и хозяевам. Я понимаю, что многие мои суждения на уровне эмоций и сыновней преданности, хотя, как мне кажется, они не лишены объективности и правдивости. Лучше бы, конечно, получить на руки документы, подтверждающие мои слова. Но, увы, к документам, связанным с делом Берия, пока нет доступа. Никому! И это совсем не случайно. Для моего отца, да и для меня, уже все равно: хуже не сделаешь и не скажешь! Суть запрета заключается в другом: уберечь от общественного порицания целый ряд имен, считающихся и сегодня если не благородными, то благопристойными. Раньше такую политику можно было объяснить идеологическими соображениями, ибо речь шла о сохранении престижа целой системы, но после ее крушения барьер все равно остался… Разгадка проста: теперь нужно сохранить национальную честь тех благородных имен!

На днях в «Комсомольской правде» прочитал статью «Начальник номер три», где описывается интересная сцена. Хрущев собрал компромат на Кагановича. «Ваши руки запятнаны кровью», — сказал он. «И твои тоже, курва, — не выдержал Лазарь. — Ты был рядом со мной…» — «Да, и мои руки запятнаны кровью, но это не то же самое. Я только выполнял ваши приказы…»

Судите сами: большая ли разница между теми, кто отдавал

приказы, и теми, кто их безропотно выполнял!

— Вы разделяете термин «враг народа»? Может существовать, на ваш взгляд, такой человек?

— Есть люди, имеющие свои убеждения, отличающиеся от официальных и пытающиеся скрыто или открыто утвердить их в жизнь. Существующий строй вправе пресекать их действия как антигосударственные. Иное дело, что система, которую насаждала партия с 1917 года, вела борьбу с собственным народом, а не с его врагами. Сам термин «враг народа» считаю искусственным, неправомочным.

— Разделавшись с вашим отцом и убрав тело Сталина из Мавзолея, Никита Хрущев посетил Грузию. Это была многозначительная поездка руководителя партии и государства на родину ненавистных ему вождей. Он доказывал себе, а потом окружающим свое бесстрашие: мол, посмотрите, какой я храбрец. Однако мне приходилось слышать и то, что после поездки у Хрущева возникла сумасбродная идея: Грузия — без грузин! (Привлекавшая кое-кого до сих пор!) До вас не доходили подобные слухи?

— Я хорошо помню ту хрущевскую поездку. Даже анекдот тогда ходил: на тбилисском вокзале дорогого гостя встречало местное население, переодетое в штатское. Именно эти переодетые спасли его от готовящегося покушения: ведь многими нашими земляками поношение Сталина было воспринято как оскорбление национального достоинства. В критике культа личности некоторые деятели в самом деле вкладывали завуалированную мысль о тоталитарности грузинского характера вообще. Особенно это чувствовалось на бытовом уровне. Что же касается идеи: «Грузия — без грузин», — Хрущев, возможно, и желал ее осуществить, но времена были уже другие.

— Вы унаследовали какие-нибудь черты отцовского характера, если да, то, как они повлияли на вашу судьбу?

— Я уже говорил, что отец был очень цельным и волевым человеком. Он умел ставить конкретные задачи и добиваться их неукоснительного выполнения. В этом смысле между нами много общего. Все беды, обрушившиеся на мою голову, я перенес именно благодаря силе воли, уверенности в собственных силах. Не каждый бы выдержал такое испытание, как я. Ведь из инженер-полковника, доктора наук меня в одно мгновение превратили в ничто! Надо было не пасть духом, не смириться со сложившимся обстоятельством и выйти из мрака небытия. Без ложной скромности скажу, что во многом мне это удалось сделать благодаря стойкости характера и даже некоторого упрямства, что у меня, наверное, от отца.

— Батоно Серго, вы верите в Бога?

— Сказать, что я верующий, не могу, хотя с почтением отношусь к религиозным чувствам и убеждениям людей. Мое поколение вырастало под сильным влиянием воинствующего атеизма, что и оставило в душе некоторые сомнения в отношении Всевышнего. Да и по своей натуре я материалист. По профессии — тоже. Тем не менее богохульством никогда не занимался, если не считать историю с бабушкиной иконой.

— Знают ли ваши соседи, кто вы в самом деле? Приходилось ли слышать оскорбления или даже угрозы за то, что вы сын Лаврентия Берия?

— Нигде и никогда я не скрывал собственной биографии. И соседи, и сотрудники — все, с кем я ежедневно общаюсь, прекрасно знают о моем происхождении. Однако не было случая, чтобы кто-либо позволил себе неуважительно относиться ко мне. Не делали этого и те люди, которые, мягко говоря, были обижены на НКВД, на советскую власть вообще.

Вы продолжаете активную научную и организаторскую деятельность, вынашиваете новые идеи. Дай бог вам их осуществить! Но возраст неумолим. Наступит и время заслуженного отдыха. Где собирается жить пенсионер Серго Берия, есть ли у него планы на будущую старость?

— Честно говоря, не представляю себя праздным пенсионером, у которого все уже в прошлом. Но, к сожалению, жизнь не беспредельна, поэтому хотелось бы дожить свои годы на земле родной Грузии. Я не смог выполнить свой сыновний долг перед ней, но видит бог — моей вины здесь мало.

— Знаменитый русский врач Пирогов говорил, что умение жить заключается в том, чтобы вовремя к чему-то привыкнуть, а от чего-то отказаться. Судя по вашей биографии, жить вы умеете. Итак, к чему же вы привыкли, а от чего отказались?

— С юных лет я воспитывался как военный человек, без роскоши и лишних удовольствий. Увлекшись наукой, и вовсе упустил возможность предаваться светским развлечениям. Тем не менее, я не был отшельником, находил время и для семьи, и для друзей. В конце концов, таким я и остался, хотя семьи, к сожалению, в привычном смысле давно нет. Пришлось привыкнуть к внутреннему одиночеству, когда в окружении множества людей чувствуешь себя в уединении. А отказываться я не стал ни от чего: ни от Родины, ни от родного языка, ни от родного отца. Долго от меня такого отказа добивались, но тщетно. Отторжение же лжеприятелей и лже-друзей произошло само по себе, и я рад, что таких оказалось очень мало.

— В прессе промелькнуло сообщение, что сын Никиты

Хрущева, Сергей, находящийся в Соединенных Штатах, обратился в службу иммиграции и натурализации с просьбой предоставить ему постоянное жительство. Как вы к этому относитесь?

— Право каждого человека жить там, где ему нравится. Сергей Никитович, видимо, предпочитает Америку стране, ради процветания которой его отец погубил моего отца. Сделай такой шаг я, многие воскликнули бы: «Укатил к своим заморским хозяевам!» Однако я никуда не укачу, кроме родной Грузии.

— Батоно Серго, вы прожили чрезвычайно сложную, но вместе с тем интересную и плодотворную жизнь, были свидетелем падений тех, кто послал на плаху вашего отца. Вы испытали от этого моральное удовлетворение?

— Мне очень нравится изречение Монтеня: «Человек не всегда должен избегать боли и не всегда должен стремиться к наслаждению». Я живу именно по этому принципу. Свою боль ношу всегда с собой, а наслаждаться чужим несчастьем — не в моих правилах. Испытания приучают человека к размышлениям, и я, в редкие минуты досуга предаваясь этой слабости, пришел к выводу: дело вовсе не в моем отце, а в ритуале большевистского жертвоприношения, который в послереволюционные годы совершался ежедневно. Согласно неписанным законам, после смерти Сталина такой ритуал обязательно должен был состояться. Жребий пал на отца, чтобы позже свести политические ошибки ВКП(б) и вообще большевизма к зверствам двух азиатов — Сталина и Берия. Что и произошло! Однако, как гласит грузинская пословица, «не станет белым ворон, как бы его не тереть песком»! Правительство, огнем пулеметов и орудий уничтожившее моего отца, и впредь по привычке использовало армию против любого инакомыслия. Вспомните расстрел мирной демонстрации в Тбилиси и подавление венгерской революции в 1956 году, Новочеркасскую трагедию в 1962 году, наступление на «Пражскую весну» в 1967 году, бойню на проспекте Руставели уже в период так называемой перестройки… Все это звенья одной железной цепи, с помощью которой и хотели удержать народ в вечном рабстве. Слава богу, что и горе-правители бесславно закончили свой путь, а цепи вроде больше нет…

— Я веду именно к этому: нет ни прежних вождей, ни прежней идеологической доктрины, ни прежнего тоталитарного государства, полностью изменились политические ориентиры: в России возрождается культ царя-батюшки, и его премьер-министра — вешателя Столыпина, в Украине возводят памятники Петлюре и Бандере, в Грузии обращают взоры к далекой истории, ибо в ближайшей не устраивает никто!.. Имя Берия — тоже из ряда запрещенных и отвергнутых, но, в отличие от других,

продолжает оставаться таковым. Вы верите, что наступит время, когда и с него попытаются снять клеймо палача и предателя?

— Боюсь, что подобное не скоро произойдет…

— Почему?

— Возвращение отвергнутых имен, как вы могли заметить, происходит весьма выборочно. Тщательно отслеживается сегодня, кто за что боролся, какие цели преследовал. Царь-батюшка и Столыпин отстаивали великую Российскую империю, Петлюра и Бандера сражались за независимую Украину, а за кого боролся Лаврентий Берия? Неизвестно!.. Я допускаю, что отец не был адептом Советского Союза, но в его преданности идее независимости Грузии не сомневаюсь ни на йоту. Пока он стоит вне национальных интересов, поэтому и не нужен никому: ни русским, ни грузинам, ни украинцам… Никому! Это — его крест и его трагедия. Возможно, когда-нибудь и найдется беспристрастный летописец, который, разгребая ворохи советской истории, обратит внимание и на моего отца и скажет о нем — пусть горькую! — правду… Пока, видимо, такое время не наступило, а я мог бы сказать за него словами поэта:

Суд надо мной,
земной,
под небесами,
не страшный,
не за то, в чем виноват виновный,
а за то, что судьи сами творили, натворили,
натворят.

Послесловие

Начало моих бесед с Серго Берия случайно совпало с Троицей, и я написал об этом в предисловии, не вкладывая особого смысла в это совпадение. Однако вышло так, что вскоре я попал на землю обетованную, совершив удивительное для себя путешествие по следам Христовым. Вглядываясь в лазурную гладь Генисаретского озера, разбушевавшиеся волны которого когда-то усмирил Спаситель, блуждая извилистыми дорогами Назарета, города Благовещения, где, по велению Господа, соединили свои судьбы плотник Иосиф и дева Мария и где Христос с огорчением воскликнул: «Нет пророка в своем отечестве!», поднимаясь на Голгофу под куполом Храма Гроба Господнего в Иерусалиме, ставшей двадцать столетий тому назад местом одного из величайших преступлений в истории человечества, проезжая мимо Кедронской долины, где, согласно Святому Писанию, должен состояться Страшный Суд над всеми грешниками, я размышлял и о главном персонаже моей книги, однажды уже призванном на страшный и грозный суд… И тогда, и после возвращения домой подспудно возникал вопрос: «А судьи были кто?»

Во время наших встреч я неоднократно напоминал собеседнику высказывания членов партийного вердикта на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, рассчитывая услышать его мнение. Серго Лаврентьевич отвечал: «А вы внимательно прочитайте эту стенограмму и сопоставьте те обвинения в адрес моего отца с нынешним положением в бывшем Союзе. Любопытные могут быть выводы!»

Честно говоря, некоторыми выводами я тогда уже располагал, но не считал их убедительными. Наконец решил; моя задача — не убеждать кого-либо в чем-то, а пригласить к размышлению. Разумеется, я вовсе не собираюсь делать из Лаврентия Берия великого гуманиста: таковых среди большевиков, начиная с Ленина, похоже, и не было. Дело в другом: случай расправы над Берия, списывание на него всех советских бед, вплоть до того, что по его вине в магазинах нет капусты и картошки, создание собирательного образа врага народа — все это показывает истинное лицо той морально растлившейся камарильи, которая без угрызения совести принесла в жертву собственному благополучию вчерашнего соратника. Случись иначе, те же Маленков, Хрущев или Молотов «успешно» могли бы разделить судьбу своей жертвы. Оснований для этого было предостаточно. Берия слишком хорошо знал повадки каждого из своих

«единомышленников», знал их пороки, проступки, просчеты, злодеяния, поэтому был уверен, что никто не посмеет выступить против него открыто. Но выступать открыто никто и не собирался. Все было сделано в лучших традициях закулисных интриг с целью обеспечения личной безопасности.

Их испугала политическая перспектива Л. Берия, который после смерти Сталина по-прежнему преуспевал. 7 марта 1953 года он становится первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова, а также министром внутренних дел — ведомства, созданного в результате слияния МГБ и МВД. Газеты печатают траурные фотографии с похорон вождя, где Лаврентий Павлович, как правило, занимает место рядом с Маленковым. Весьма примечательно одно фото, опубликованное в «Известиях» от 9 марта: у гроба с телом Сталина с одной стороны стоят Берия, Маленков, Ворошилов, Молотов; а с другой — Булганин, Хрущев, Каганович, Микоян. Печальные лица… Скорбные взгляды… Сегодня, когда знаешь, чем эта братия на самом деле была озабочена, можешь допустить, что они тогда уже представляли в гробу и реального, по их разумению, претендента на трон уходящего в мир иной властелина. Немножко поразмыслив, они решат пустить его прах по ветру, так как гроб покажется им слишком большой роскошью… В своей речи на траурном митинге в день похорон И. В. Сталина на Красной площади Лаврентий Берия говорил: «Кто не слеп, тот видит, что наша партия в трудные для нее дни еще теснее смыкает свои ряды, что она едина и непоколебима…» А ряды-то партия смыкала, оказывается, в первую очередь против него.

Читаешь стенографический отчет известного Пленума ЦК КПСС с небольшим предисловием «Дело Берия» и еще раз убеждаешься в том, что собралась свора перепуганных аппаратчиков, которых временно сплотил страх перед разоблачением в собственных преступлениях. (Пройдет совсем немного времени, и эта свора отколет от себя «антипартийную группу», иных отправят в отставку или почетную ссылку). Пленум ЦК явился, по существу, судебным разбирательством, обладающим по тем временам силой закона. Его решение давало политическую установку суду, которому только и оставалось подтвердить заключение высокого форума. Берия был объявлен преступником, шпионом a priori, даже без формального соблюдения презумпции невиновности. Партийно-советская верхушка развернула невиданное соревнование в очернении человека, который, по их же словам, был источником всех неудач советского строя. Этот отчет уподобляет членов ЦК иезуитскому ордену, ликующему в ожидании ослепительного костра, в

пламени которого должен испепелиться диавол, носитель ереси.

Страсти, кипевшие в стенах Кремля, не прорывались наружу. Стенографистки фиксировали их как бы для служебного пользования, а для создания общественного мнения проводилась мощная пропагандистская артподготовка.

Советская идеология всегда делала особую ставку на послушного, верящего во все читателя, который, как по мановению волшебной дирижерской палочки, в 37-м году мог кричать: «Распни!»; в 87-м требовать: «Даешь реабилитацию!» Итак, этот образцово-послушный советский читатель все свою ненависть к Берия, которую, оказывается, так долго таил в душе, выплеснул, наконец, на страницы прессы. Как попугай, он повторяет с номера в номер предложенное ему сверху обвинительное клише. Понятно, что кампания тщательно организована и управляема. Опыт-то, накопленный в 30– 40-х годах, огромен. Газеты пестрят заголовками типа: «Беспределен гнев народа к подлым изменникам Родины». «Советские люди требуют сурово наказать агентов иностранного капитала — Берия и его сообщников»; «Сметем с пути гнусных предателей»; «Никакой пощады врагам» и т. п. Печатаются снимки с многочисленных митингов, на которых выступали так называемые передовики производства, партийные, комсомольские, профсоюзные работники, деятели науки, литературы, искусства. Лексика, стиль, содержание их речей до боли знакомы — страна это уже проходила, и не раз… Особое внимание уделяется сообщениям из Грузии. Президент АН республики академик Н. Мусхелишвили заявляет на собрании сотрудников: «Шпион и убийца Берия и его шайка хотели поколебать безграничное доверие и глубочайшую любовь народов нашей страны к своему старшему брату и надежному другу — великому русскому народу».

Знаменитому академику вторит сталевар из Рустави Ш. Кухалейшвили: «Трудно выразить словами гнев против Берия и его банды. Наймиты иностранного капитала хотели лишить советский народ свободной, счастливой жизни и для достижения своих подлых целей не останавливались ни перед какими мерзостями. Иуда Берия (помните — Иудушка Троцкий! — *Р. Ч.*) установил тайные связи с кровавыми врагами грузинского народа — агентами иностранных разведок, контрреволюционными меньшевиками-эмигрантами. Мы требуем самого беспощадного наказания Берия и шайки его соучастников».

Доносятся обличительные голоса и с бескрайних просторов России и Украины.

Ректор МГУ акад. И. Покровский пишет: «Грязный заговорщик Берия, десятки лет связанный с темными силами международных империалистов, предстал в своем истинном свете — жалкий пигмей, мечтавший стать Наполеоном, карьерист, рвавшийся к власти для удовлетворения своих пошлых инстинктов, лакей буржуазии, продавший душу и тело международному империализму».

Рабочий из Ворошиловграда Шкода говорит: «Иуда Берия и его преступные сообщники пытались с помощью зарубежных империалистов восстановить капитализм в нашей стране. Центральный Комитет разоблачил и сорвал эти планы. Предателей, совершивших тягчайшие государственные преступления, должна постигнуть суровая кара»…

Таким гневным филиппикам образцовых советских граждан несть числа. Начиная со стенных газет, кончая «Правдой» и «Известиями», клеймят позором, проклинают, предают анафеме фактически второе лицо в государстве, Перед которым буквально вчера благоговели. Эти бдительные граждане, как старушка при сожжении Яна Гуса, подкладывают хворост в костер инквизиции, озвучивая внушенную им мысль: «Сурово наказать изменников, убийц, шпионов — Берия и его приспешников!»

Материалы Пленума ЦК хранились в тайне, но как удивительно похожи высказывания высшей партийной номенклатуры и, как говорится, глас народа! Не надо быть провидцем, чтобы заключить: все это пропагандистское пойло — из одной бочки!

Меня бог миловал хмелеть от того пойла, ибо когда Берия ликвидировали (не нахожу другого слова, чем этот канцеляризм), я еще в школу не ходил, но хорошо помню, как из учебников, антологий и сборников вырывали его портреты, черной тушью замазывали его фамилию. В разговорах старших он фигурировал под кодовыми кличками «очкарик», «сын Павла» и т. п. В отдаленной детской памяти еще звучат отрывочные мелодии песен о моем земляке Лаврентии Берия, которые распевали, идя на работу, соседи-чаеводы. Потом эти песни вдруг оборвались, смолкли, исчезли. И я вместе со всем обществом смирился с мыслью о том, что если бы не этот коварный человек, втершийся в доверие к великому Сталину, то страна не познала бы ни 37-й год, ни ссылок, ни пыток и прочих изуверств советского режима. И мне, как грузину, становилось неуютно от чувства сопричастности к его неблаговидным делам. Я до сих пор не могу полностью освободиться от груза той ответственности, взятой на себя добровольно под влиянием ловко сформулированного общественного мнения, хотя, как говорит поэт, «я знаю, никакой

моей вины… но все же, все же, все же…»

Когда вышел на большой экран фильм «Покаяние», газета «Правда» написала: мол, здорово, что картина снята на родине палача, что грузины каются за своего выкормыша. «Но «Правда» не права! Народ не обязан каяться за поступки отдельных своих граждан. Тем более, когда поступкам еще не дана всесторонняя и объективная оценка.

«Покаяние» мы увидели на заре так называемой горбачевской эры, когда уже постепенно разрешали говорить полуправду, что, как известно, хуже всякой лжи. Позже начали появляться разные очерки, воспоминания, исследования, документальные фильмы, развивающие утвердившуюся мысль о пагубной роли Лаврентия Берия в истории Советского государства. Даже ни малейшей попытки серьезного научного анализа, объективного взгляда на личность, прямо скажем, неординарную, более того, загадочную, которой вряд ли подходит приклеенный Хрущевым ярлык! Однако образ создан, и убрать с него нарочито сгущенные краски — задача непростая.

Подчеркну еще раз: это не самоцель, не навязчивая идея плыть против течения и во что бы то ни стало представить неправедного праведным, грешного безгрешным. Подобное занятие — дело неблагодарное, бесполезное. Но вникнуть в суть вопроса, отделить истину от навета мы обязаны. Ведь «дело Берия» — вовсе не частное дело: в нем — разгадка многих кремлевских тайн, что дало бы возможность по-иному прочитать искаженные страницы ближайшей истории.

Грешен, безусловно, грешен Лаврентий Берия, и не надо ему приписывать чужие грехи, ибо хватит собственных… Но как провести грань между ними? Здесь необходимы документы, факты, сведения, и я надеюсь, что со временем они откроются. Без надежных источников можно и ошибиться, пойти по ложному пути, запутаться в конце концов. Предвидя такую опасность, все же выкажу одно сомнение, основанное на сопоставлении фактов.

По официальной версии Л. П. Берия был арестован (а не убит) 26 июня 1953 года на заседании Президиума ЦК КПСС.

Однако ни протокола, ни других документов, подтверждающих, что такое заседание в действительности проводилось пока не обнаружено в архивах. Известно лишь принятое 29 июня тем же Президиумом постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Не говорит ли это в пользу утверждения Серго Лаврентьевича, согласно которому заседание Президиума 26 июня было отменено, а его отец вероломно убит в собственном доме? Если так, то можно

предположить, что члены Президиума, благословившие убийство вице-премьера, после трехдневного замешательства приняли липовое постановление. Ну а дальше разыграли трагикомедию в полном объеме — от следствия до суда и приведения приговора в исполнение. В таком случае Пленум ЦК был одним из актов этой трагикомедии, партийным алиби для будущих исследователей. Неважно, что пьеса создавалась наспех, экспромтом, со многими драматургическими погрешностями, не совсем удачными монологами и репликами, которые сегодня доказывают абсолютно противоположное. Важен факт этого лицемерного действа, где каждый в меру своего интеллекта и актерского таланта играет роль обманутого простачка, не ведавшего ни сном ни духом о том, рядом с кем жил и работал целых пятнадцать лет. Все до единого льют крокодиловы слезы, осуждают себя за то, что в ближайшем соратнике Сталина не сумели разглядеть опаснейшего преступника, врага всей социалистической системы.

На «тайной вечере соратников» первым выступил Г. М. Маленков, назначенный на пост Председателя Совета Министров именно по предложению Л. Берия. Он охарактеризовал вчерашнего друга как преступно разложившуюся личность, стремившуюся к разобщению руководящего ленинско-сталинского коллектива, к подрыву единства ЦК, к подчинению МВД, государственного аппарата.

Премьер-министр обвинил своего заместителя в вынашивании пагубных замыслов в отношении ГДР. Признав неопровержимый факт бегства полумиллиона немцев из «социалистического рая» в «капиталистический ад», неблагополучное политическое и экономическое положение в дружественной стране, он констатировал, что без наличия советских войск существующий режим там непрочен. Берия же, по его словам, «при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию».

Как показал ход событий, ни советские войска, ни берлинская стена, ни потуги Ульбрихта и Хоннекера, вплоть до расстрела перебежчиков, не спасли социалистическую идею в ГДР. Родина основоположников научного коммунизма предпочла цивилизованный, человеческий путь развития, воссоединив свои искусственно разъединенные земли. То, что не смог в свое время осуществить Лаврентий Берия, реализовали Михаил Горбачев и Эдуард Шеварднадзе.

Видимо, Лаврентий Берия, как прагматик, как трезвомыслящий политик, раньше многих других осознал

бесперспективность насильственного распространения советской государственной модели как недееспособной и недолговечной. Но, к сожалению, среди ортодоксов-марксистов, преданных лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», он оказался белой вороной, человеком завтрашнего дня, обреченным на категорическое неприятие.

Маленков подверг сомнению и Указ Верховного Совета СССР, принятый по представлению МВД 27 марта 1953 года и предусматривавший освобождение более миллиона заключенных. По его мнению, Берия «проводил эту меру с вредной торопливостью и захватил контингент, который не надо было освобождать, например, вовсе не надо было освобождать воров-рецидивистов». (Эту мысль Маленкова активно проводит фильм «перестроечного» периода «Холодное лето 53-го…). Логика тут железная: Берия не тех сажал, не тех освобождал! Неважно, что обойдены молчанием его усилия по переподчинению министерству юстиции всей огромной гулаговской системы, по аннулированию паспортного ограничения в 340 городах страны, по прекращению ряда явно состряпанных «дел», а также по упразднению «особого совещания» и т. д. Анализируя действия Л. Берия краткого постсталинского периода, приходишь к выводу, что он старался предпринять решительные меры по реорганизации закостеневшей бюрократической системы, которая полностью дискредитировала себя как внутри государства, так и за его пределами. Он действительно хотел установить контроль над партией и ее руководством, пользующимися неограниченной властью. Они же считали, что на вершине пирамиды власти должен остаться только ЦК. Замысел Берия был разгадан, что и стало главнейшей причиной его внезапного свержения. Маленков решительно заявил: «Деятельность любого из руководителей должна протекать под руководством ЦК партии».

Страх перед министерством внутренних дел буквально выпирает из текста каждого выступления. Отмечается, что этот орган давно действует самостоятельно, не подчиняясь ни ЦК, ни правительству. На самом же деле это — страх лично перед Лаврентием Берия, который задумал вытряхнуть из кремлевских апартаментов прогнившую «королевскую рать». Один из самых молодых членов Политбюро, умный, эрудированный, энергичный и ловкий вице-премьер и министр внутренних дел, обладающий огромной информацией обо всем и вся, имеющий в своем подчинении немалые вооруженные силы, не на шутку пугал свое высокопоставленное окружение.

Откровенно врал Маленков, когда говорил: «Хорошо, что понадобилось только три месяца, чтобы разглядеть подлинное

лицо авантюриста…». Он и сотоварищи не один год шли с Берия в одной упряжке, прекрасно зная о его достоинствах и недостатках. Три месяца — таков срок, который понадобился им для подготовки и осуществления заговора. Никита Хрущев, не скрывал, что еще в дни болезни Сталина обсуждал вместе с Булганиным вопрос о будущей расстановке сил в верхнем эшелоне власти, и тогда речь шла прежде всего об обезвреживании Лаврентия Берия, считавшимся явным фаворитом. Трехмесячную заминку заговорщиков Хрущев объяснил тем, «что при обсуждении вопроса о составе правительства выступить и сказать свое мнение о Берия было бы несвоевременным. Такое выступление могло быть неправильно понято». Лукавит, как всегда, Никита Сергеевич. Подобное выступление в тот момент было просто невозможно. Во-первых, для этого ему явно не хватило бы мужества (он слыл героем в борьбе с покойниками!), во-вторых, никто бы его не поддержал. Из выступлений Хрущева мы знаем, как он бегал от одного члена Политбюро к другому, убеждая их в необходимости уничтожения Лаврентия Берия. Видимо, ему пришлось преодолеть сильное сопротивление, прежде чем получить окончательное согласие друзей на реализацию своего темного замысла.

Зараженные разоблачительным пафосом Хрущева и Маленкова последующие ораторы вспоминали факты предательства Берия, характеризуя его как отъявленного врага и буржуазного перерожденца.

«Сейчас, когда раскрыто подлое лицо изменника, синонимом хитрости, вероломства и подлости станет имя Берия», — заявил З. Н. Кецховели, бывший председатель Совмина Грузии, рекомендованный на эту должность, кстати, тем же Берия.

Кецховели попал в точку. Весь пленум был посвящен составлению словесного портрета жуткого монстра, который угрожал уничтожением всей коммунистической системы.

Я не буду оценивать палитру и изобразительные средства этих ваятелей — они целиком в духе лучших традиций социалистического реализма, — а лишь поставлю встречные вопросы к их, казалось бы, убийственным обвинениям.

Итак, тот же Н. Хрущев свидетельствовал, что Берия исключал руководящую роль партии. Он вспомнил встречу с первым секретарем ЦК Венгерской партии трудящихся, председателем Совета министров ВНР М. Ракоци, который просил советских руководителей помочь в разграничении полномочий ЦК и правительства. По словам Н. Хрущева, тогда Берия пренебрежительно ответил: «Что ЦК? Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой».

Чем не цитата из диссидентского выступления на Съезде народных депутатов, когда в жесточайшей схватке с коммунистами-консерваторами решалась судьба 6-й статьи Конституции СССР?

Заместитель министра среднего машиностроения А. П. Завенягин утверждал: «Берия презирал партию, презирал руководителей партии…»

Как эту характеристику воспринимать сегодня, когда мы знаем несравненно больше и о партии, и об истинном лице его руководителей?! Когда КПСС находится под запретом как преступная организация, а Конституционный суд России по существу выносит ей смертный приговор?!

Член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Андреев сокрушался, что под влиянием Л. Берия было принято вредное постановление от 9 мая 1953 года, в котором отмечалось: «…отказаться от оформления портретами колонн демонстрантов, а также зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников». Докладчик считал, что «народ должен знать своих вождей по портретам». Его сразу же успокоил Л. Каганович радостной вестью, что постановление уже отменено как неправильное.

Какой коварный замысел — лишить советский народ, помимо прочего, и возможности лицезреть святые лики любимых кормчих! Это уж в самом деле слишком!..

Сегодня может вызвать лишь горькую улыбку пафос Молотова: «…в лице Берия мы имеем человека, который не имеет ничего общего с нашей партией, что это человек буржуазного лагеря, что это — враг Советского Союза…».

Молотов, безусловно, мог считать себя другом Советского Союза, памятуя о пакте, подписанном им с Риббентропом о переделе европейских границ.

(Пакт этот, существование которого упрямо опровергали руководители партии и государства, оказывается, больше полувека пролежал в особой папке ЦК КПСС. Как поведали средства массовой информации, его держал в руках незадолго до смерти А. А. Громыко. С ним был наверняка знаком и Горбачев, хотя на съездах народных депутатов, где неоднократно поднимался вопрос о пакте Риббентропа — Молотова, он хранил молчание, разумеется, опять-таки из-за преданности СССР, гробовщиком которого стал поневоле.)

Не странно ли, что министр иностранных дел, в прямые обязанности которого как раз и входит обеспечение стабильных дипломатических отношений с различными государствами, обвинил министра внутренних дел в попытке восстановления

связей с Югославией и с ее руководителями?

Молотов резюмировал: «Одного этого факта было бы достаточно, чтобы сделать вывод: Берия — агент чужого лагеря, агент классового врага».

Как вы скажете, уважаемый читатель, достаточно ли «одного этого факта»? Тем более, что вскоре, как и предполагал Берия, Югославия вошла в число стран, дружественных Советскому Союзу.

Первый секретарь ЦК Компартии Грузии А. И. Мирцхулава обвинил Л. Берия в покровительстве бывшим меньшевикам, занимавшим в республике заметные должности.

«Я, — говорил он, — сообщил Берия, что начальником дороги в Грузии работает Кикнадзе — бывший меньшевик. А в ответ услышал: «он хороший хозяйственник».

— Хозяйственник он хороший, но у него нет партийности. — Он никогда не будет партийным человеком, но хозяйственник хороший. Посмотрите, его не надо обсуждать, а то дорога у вас большая, все провалится».

Что же важнее: быть партийным или хорошим специалистом в своем деле? Неужели здравый смысл здесь не очевиден?

Тайные контакты с меньшевиками, симпатии к ним вменяли Л. Берия и другие выступавшие; в частности, они указывали на связи с «империалистическим шпионом, американским разведчиком Е. П. Гегечкори», который в 1918–1921 гг. был министром иностранных дел Грузии, а в 1921 году эмигрировал во Францию.

Как теперь прикажете понимать то, что символы государственности независимой Грузии — флаг, герб, гимн — меньшевистские? А то, что один из отцов «перестройки» и «нового мышления» Эдуард Шеварднадзе ввел в действие призабытую конституцию меньшевистской Грузии? Как все это рассматривать сегодня?

По утверждению секретаря ЦК Компартии Украины А. И. Кириченко, Л. Берия хотел вернуть из Парижа белогвардейцев, вернуть из других стран лиц, сбежавших в свое время из Западной Украины.

Когда в ныне переименованном Ленинграде с особыми почестями хоронят (а до этого принимают!) главу царского дома Романовых великого князя Владимира Кирилловича, а в белогвардейской форме ходит чуть ли не пол-России, когда Украина решительно отказалась от фальшивой доктрины о буржуазном национализме и торжественно сзывает на Всемирный форум своих отторгнутых детей, как оценивать теперь вышеупомянутое стремление Л. Берия?

Кириченко вместе со своим коллегой из Белоруссии И.

С. Патоличевым сетовал, что Берия, желая нарушить великую дружбу народов, в Западной Украине и прибалтийских республиках (и не только там!) хотел оставить лишь национальные кадры, а всех русских специалистов отозвать.

Неужели и после развала советской империи неясно, что предложения Л. Берия содержали рациональное зерно? Особо это ощутимо на фоне проблем так называемого русскоязычного населения в суверенных республиках, Интерфронты всех мастей — это результат той грубой национальной политики, которую проводила КПСС и против которой, оказывается, выступал Л. Берия. Те же Кириченко, Мирцхулава и другие вспоминали, что Берия хотел ввести в республиках ордена для работников культуры. Например, на Украине — Шевченко, в Грузии — Руставели и т. д. И это квалифицировалось, как разжигание националистических чувств.

Почему впоследствии никто не осудил учреждение национальных государственных премий им. Шевченко, Руставели, Янки Купалы, Райниса и др., которые, собственно, стали воплощением той ранее осужденной идеи? Или: такая большая разница между национальным орденом и национальной премией?

Участники Пленума неоднократно указывали на то, что Л. Берия изгонял из ЧК всех партработников, направленных партией в органы для их укрепления. Другими словами, он избавлялся от непрофессионалов и одновременно стукачей в ЦК. Кириченко заявил: «Берия и разные мешики возомнили, что они все могут делать, что им все позволено. Они вообразили, что МВД — это их вотчина, а не орган партии!» Каково: МВД — орган партии?!

Звучали и обвинения иного плана. Тот же Завенягин докладывал Пленуму: «После смерти тов. Сталина Л. Берия особенно заметно стал демагогически вести игру в экономию. Американцы строят новые большие заводы по производству взрывчатых атомных веществ, тратя на это огромные средства. Когда мы ставили вопрос о новом строительстве, Берия протестовал: «К черту, вы тратите много денег, укладывайтесь в пятилетку!»

Быть может, советская экономика окончательно истощилась и пришла в полный упадок именно потому, что в дальнейшем некому было одергивать: «К черту! Вы тратите много денег!..» Ведь после Берия прошли десятки лет, гонка вооружений в стране шла вовсю, но СССР все равно не догнал Америку, более того, в этой гонке он задохнулся и прямо на дистанции его постигла клиническая смерть.

Если верить первому секретарю Ленинградского обкома

партии В. М. Андрианову, утверждавшему, что Берия хотел «идеологические основы нашей партии — марксизм — сменить на американизм», придется признать, что именно Лаврентий Павлович, а никто иной, является идейным отцом Гайдара — Бурбулиса и прочих новоявленных реформаторов государств СНГ.

Особый интерес вызвало с моральной точки зрения (хотя на Пленуме моралью и не пахло) выступление друга юношеских лет Берия А. И. Микояна. При всем обличительном гневе он не смог отрицать, что «было немало фактов положительной работы Берия», однако добавил, что им «прикрывались отрицательные факты». Он верноподданнически присоединился к Маленкову, Хрущеву, Молотову и Булганину, которые «проявили прозорливость и совершили действительный подвиг— сразу покончив в один присест с этим авантюристом». Микоян с наивностью простачка рассуждал о сотрудничестве Берия с муссаватистами: мол, он и раньше допускал возможность, что Берия в самом деле был заслан к ним по заданию Кирова; но вот сейчас, в ходе партийного судилища, сильно засомневался в этом. Увлекшись разоблачением, Микоян попытался именно вероломством Берия объяснить провалы в области внутренней И внешней торговли СССР, министром которой он являлся. Микоян в своей «разоблачительной» речи зашел так далеко, что Хрущев вынужден был бросить реплику: «Может сложиться впечатление, что мы действительно сидели и дрожали перед ним. Было много случаев, когда мы хорошо в зубы давали и принимали решения. А то получается впечатление, что мы сидели и глядели на него»:

Микоян назвал Берия двурушником и, как пример, привел такой эпизод: «Как-то я спрашивал: зачем тебе НКВД? А он отвечал: надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить и зря людей не посылать в лагеря. НКВД надо сократить, у нас не охрана, а надзор над нами. Надо это изменить, охранников послать на Колыму, и оставить по одному — два человека для охраны членов правительства. Вот такие утверждения он делал».

Возможно, читатель подскажет, где здесь криминал и неужели в самом деле так уж плохи утверждения министра внутренних дел?

Иной факт двурушничества Берия, по мнению Микояна, заключался в том, что он в первые месяцы после смерти Сталина протестовал против культа личности.

Воистину, чье бы молчало!.. Не пройдет и два-три года, как Анастас Иванович Микоян заклеймит позором «любимого» вождя. Однако нынче только 1953 год, авторитет Сталина еще

непоколебим. И товарищ Анастас держит нос по ветру. Он откровенничает: «У нас нет пока еще прямых данных, был ли он шпионом, получал ли от иностранных хозяев указания, но главное разве в этом? Есть ли инструкции или нет инструкций, главное — под чью диктовку он это делал, — ясно, что он выполнял социальный наказ буржуазии, нашего капиталистического окружения и их агентов внутри страны, разлагая руководство большевистской партии, внедряя чуждые ей навыки и методы, как перерожденец, ставший на службу буржуазии».

Ни у Пленума и суда, ни у последующих обвинителей Л. Берия не было и поныне нет убедительных доказательств его шпионства; все сводится к бакинскому периоду, который можно трактовать по-разному, в зависимости от поставленной цели. Но Микоян, как волк из известной басни Крылова, цинично считает, что главное — не в наличии доказательств. Он приписывает Берия вообще фантастическое злодейство — разложение руководства партией. Мыслимое ли дело — разложить уже разложившихся людей! Пусть об этом судит сам читатель… Наблюдая за эволюцией нашего бывшего общества, снова и снова обращаешься к выдержкам из обвинительного заключения по делу Л. П. Берия, инкриминирующего ему попытку «ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии». Ведь все это, говоря другими словами, обозначает: суверенизацию республик, разгосударствление и департизацию, переход на рыночную экономику. Поневоле появляется ощущение, что как будто процессом, который безудержно «пошел», управляет из загробного мира «враг народа» Лаврентий Берия. Отсюда и глобальный вопрос: кто он на саамом деле? кто этот человек, который, согласно партийной летописи, нагло восстал против диктатуры пролетариата, культа личности, хотел отменить руководящую роль КПСС, объединить обе Германии и т. д., не предтеча ли он т. н. «перестройки»? Ведь за осуществление его замыслов последний «верный ленинец» принимает аплодисменты во всем мире.

Очередной парадокс советской истории: Берия и его приближенные, обвиненные партией, а потом и судом в измене родине, организации антисоветской группы заговорщиков и т. д. были приговорены к смертной казни.

Гекачеписты, совершившие не антисоветский, а как раз наоборот — просоветский путч с целью сохранения СССР и господства партии, т. е. деяния, противоположные бериевским, и оказавшиеся в «Матросской тишине», тоже рискуют обрести

ярлык предателей.

Выходит, закон — как дышло — эта формула и сейчас в действии? Вопросы… вопросы… Пока нет вразумительного ответа на них, я обращусь к размышлениям великого французского писателя и философа, лауреата Нобелевской премии Альбера Камю, который писал: «…окончательный суд истории зависит от множества мелких приговоров, вынесенных сегодня, — приговоров, которые когда-нибудь будут окончательно утверждены или отменены… Что же касается понятия объективной виновности, то эта диковинная объективность основывается на фактах и результатах, которые будут доступны науке только в 2000 году, не раньше. А до тех пор она будет воплощаться в беспредельной субъективности, навязываемой другим как объективность: таково философское определение террора. Эта объективность лишена определимого смысла, однако власть вложит в нее определенное содержание, объявив преступным все, что она не одобряет».

Мне трудно что-либо добавить к этим мудрым размышлениям.

Серго Берия. Мой отец — Лаврентий Берия

Начало пути

Своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном.

В родной Мингрелии жизнь его не сложилась. В Абхазию он вынужден был перебраться из-за преследований жандармов. Насколько я знаю, связано это было с крестьянскими выступлениями. Горное село Мерхеули, хоть и находилось в Абхазии, было мингрельским. Видимо, этим и объяснялся выбор деда.

Достатка большого ни на старом месте, ни здесь, в забытой Богом деревушке, он так и не нажил. А ту малость, что имел, вынужден был оставить в Мингрелии. Здесь все пришлось начинать с нуля.

Бабушка, Марта Джакели, хотя и состояла в каком-то родстве с Дадиани, владельцем Мингрелии, тоже была очень бедной женщиной. Первый муж ее умер, и она, имея сына и дочь, вышла замуж за Павле. Тем и закончилась его холостяцкая жизнь. Знаю по рассказам самой бабушки Марты, что покорил ее крестьянин Павле храбростью и красотой. Сама она прекрасно шила и всю жизнь подрабатывала портняжным ремеслом, внося какой-то достаток в дом. И Павле такой же с юности был — ни минуты свободной. Так и сошлись.

У Павле и Марты было трое детей, но судьба всех троих сложилась трагично. Один мальчик прожил всего два года и, заболев оспой, умер. Осталась глухонемой после перенесенного заболевания Анна. Вся надежда оставалась на Лаврентия. Павле и Марта очень хотели, чтобы их сын получил образование. Моему отцу исполнилось семь лет, когда дед решил отправить его на учебу в Сухумское высшее начальное училище. Существовало в те времена такое учебное заведение с непривычным ныне названием. Такие училища еще называли реальными. В гимназию отца бы не приняли, а в таких учебных заведениях как раз и учился народ победнее. Правда, для осуществления своей заветной мечты дед Павле вынужден был продать полдома — лишних денег в семье ни тогда, ни позднее не было.

Некоторых из учителей отца, а это были люди удивительные, учительствовавшие действительно по призванию, я много лет спустя встречал в Грузии. Много интересного рассказывали они мне о детстве отца, да и сам он всегда с теплотой отзывался о них, прекрасно понимая, чем обязан своим первым педагогам.

В 15 лет, окончив Сухумское училище с отличием, отец

решил учиться дальше. Пришлось деду Павле и вторую половину дома продать и перебраться с семьей в хибару из дранки. А отец отправился в Баку, в механико-строительное техническое училище.

Уже став зампредом Грузинской ЧК, отец конечно же помогал родителям, но жили они по-прежнему бедно. Сколько отец ни просил их перебраться в Тбилиси и жить с нами, дедушка Павле был непреклонен: «Нечего мне в вашем городе делать». Он действительно не мыслил своей жизни без тяжелого крестьянского труда, любил простор. Постоянно сокрушался: «Почему Серго на целый год ко мне отпустить не хотите? Я из него человека сделаю!» Мама, естественно, была против.

Когда узнали, что дедушка Павле простудился и слег, мама тут же поехала в Мерхеули, это недалеко от Сухуми. Дед и умер у нее на руках. А вот отец не успел его живым застать…

Мама моя, Нина Теймуразовна, моложе отца на шесть лет — она родилась в 1905 году. Отец ее, Теймураз Гегечкори, выходец из дворянского рода. Мать, моя бабушка Дарико Чиковани, Дарья, княжеского происхождения. И у нее, и у деда это был второй брак. У Теймураза Гегечкори в один день скончались от тифа жена и два сына, у бабушки Дарико после гибели первого мужа остались трое детей. Дед долго не женился после смерти первой жены, с Дарико у него был единственный ребенок — моя мать.

Как и бабушка, дед был очень образованным человеком, участвовал в национальном движении и во время одного из антицарских крестьянских выступлений получил семь пуль. Семидесятилетнему старику перебили обе ноги, через год он умер. Человек, стрелявший в деда, царский жандарм, был из местных, мингрел. В деревне этой он продолжал жить и когда мой отец руководил Грузинской ЧК, Закавказским и Грузинским ГПУ, был первым секретарем ЦК партии Грузии и умер своей смертью. В какой-то степени, думаю, это характеризует нашу семью. Никто и никогда у нас никому не мстил.

Мама окончила сельскую школу в мингрельской деревне, затем гимназию. Воспитывалась она в семье дяди Саши Гегечкори. Тот был большевиком. На его конспиративную квартиру и приходил мой отец, они и познакомились с мамой благодаря Саше Гегечкори.

Второй ее дядя — Евгений Гегечкори — стал у меньшевиков министром иностранных дел. Такие разные судьбы…

Уже при Советской власти родители уехали в Баку, позднее — в Тбилиси. Мама окончила сельскохозяйственный институт, аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию и после перевода отца в Москву работала в Сельскохозяйственной

академии имени К. А. Тимирязева.

В 1953 году обеих моих бабушек — одной в то время было 84 года, другой — 81– в одночасье вышвырнули из квартир и отправили в дом престарелых в сотне километров от Тбилиси. Никому из родственников взять старушек к себе власти не разрешили. Когда, оказавшись после тюрьмы в Свердловске, мы с мамой получили относительную свободу, ей все же удалось нелегально съездить в Грузию. К тому времени бабушки Дарико уже не было в живых — она умерла за четыре месяца до приезда мамы.

Бабушка Марта была уже совершенно слепой, но когда мама вошла в комнату, та взяла ее за руку и тут же определила: «Нино…»

Два месяца безуспешно добивались мы разрешения забрать ее в Свердловск, но не успели…

Мне до сих пор трудно понять, какую цель преследовали власти, расправляясь со всеми родственниками Берия. Что дала, скажем, изоляция этих старушек? Неужели власти видели и в них угрозу государству?

Нас с мамой тогда утешало одно: бабушка Марта хотя бы дожила до того дня, когда узнала, что мы живы. До этого она о нас, разумеется, ничего не знала, да и мы о том, как сложились судьбы наших близких, узнали лишь в Свердловске.

И о моем отце, и о нашей семье за последние сорок лет неправды написано много. Прожив 87 лет, мама, любившая отца всю жизнь, умерла с твердым убеждением, что все эти домыслы, откровенные сплетни понадобились партийной верхушке — а это от нее исходила ложь об отце — лишь для того, чтобы очернить его после трагической гибели.

Кому не знакома, скажем, легенда о похищенной Лаврентием Берия своей красавицы невесты. В одной из «биографических» книг, изданных на Западе, но хорошо известной и у нас, автор утверждает, что в конце 20-х годов мой отец приехал в Абхазию в собственном роскошном поезде с какой-то проверкой хозяйственных дел в республике и повстречал здесь мою будущую мать. Девушка ему понравилась, и он ее похитил. Сегодня эта «байка» кочует из одной публикации в другую, и никто почему-то не задумывается над фактами. А ведь стоит, наверное.

Тогда, в конце 20-х, я уже собирался в первый класс одной из школ моего родного Тбилиси. А познакомились мои родители, как я уже говорил, гораздо раньше. Отец сидел в одной камере Кутаисской тюрьмы вместе с Сашей Гегечкори. Моя мама навещала дядю. Так и познакомились. Достаточно сопоставить некоторые факты, даты, и версия похищения рассыплется, как

карточный домик, но этого почему-то не делают. Я уже не говорю о том, что никакого специального поезда молодой чекист Лаврентий Берия и в глаза не видел — не тот уровень.

Я еще вернусь к воспоминаниям о нашей семье, а пока хотел бы немного рассказать об отце. Родился он 17 (30) марта 1899 года. Мечтал об архитектуре и сам был хорошим художником. Вспоминаю одну историю, связанную уже с моим детством. Верующим человеком я так и не стал, хотя с глубоким уважением отношусь к религии. А тогда, мальчишкой, я был воинствующим безбожником и однажды разбил икону. Смешно, разумеется, говорить о каких-то убеждениях, скорее всего это стало результатом воспитания, полученного в школе. Словом, бабушка Марта была очень огорчена. Она была верующая и до конца жизни помогала и церкви и прихожанам.

Возвратившись с работы, отец остудил мой атеистический пыл и… нарисовал новую икону. Тот разговор я запомнил надолго. «К чужим убеждениям надо относиться с уважением».

Человеком он был разносторонне одаренным. Рисовал карандашом, акварелью, маслом. Очень любил и понимал музыку. В одном из остросюжетных политических боевиков, изданных на Западе, идет речь о Берия как о «единственном советском руководителе, позволявшем себе наслаждаться роскошью по западному образцу». Вспоминают «паккард», полученный якобы через советское посольство в Вашингтоне, роскошную подмосковную дачу, принадлежавшую в свое время графу Орлову, мраморную дачу в Сочи, теннисные корты, бильярдные, тир для стрельбы, крытый бассейн, скоростные катера. Утверждают даже, что костюмы для отца шились в Риме и Лондоне, что он обладал одной из лучших в стране коллекций пластинок, пил французский коньяк и читал лишь поэтов-романтиков прошлого…

Что тут можно сказать… Какое-то нагромождение домыслов. Мама часто покупала пластинки Апрелевского завода с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных, как принято говорить, дозах. Пьяным я его никогда не видел. А эти россказни о беспробудном пьянстве…

Костюмы из Лондона, Рима и еще откуда — это и вовсе смешно. Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в

на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фамилии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-моему, отец просто не обращал внимания на такие вещи. Характер жизни был совершенно иной, нежели сегодня. Назовите это ханжеством, как хотите, но жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято. В нашей семье, по крайней мере, стремления к роскоши не было никогда.

Дача, во всяком случае, была одна, современной постройки, и к графу Орлову, конечно же, ни малейшего касательства иметь не могла. Да и не отцу она принадлежала, а государству. Пять небольших комнат, включая столовую, в одной действительно стоял бильярд. Вот и все.

Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжанина. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК. Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!» Мама не захотела. «Ладно, — сказал Сталин, — как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут».

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнатушек. Сталин приехал, осмотрел и говорит: «Я в ссылке лучше жил». И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Кортов и бассейнов ни у кого там не было. Запомнилась лишь дача маршала Конева. Он привез из Германии и развел у себя павлинов.

А «паккард» действительно был, как у всех членов Политбюро. Закупили их тогда, кажется, десятка полтора. Один из них выделили отцу, но в отличие от Сталина, Молотова, Ворошилова и других отец на нем не ездил. Это была бронированная машина. Отец же пользовался обычной.

Говорю это не к тому, что руководители государства не имели каких-то льгот. Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазин могла не ходить. Существовала специальная служба. Например, комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что было необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись, даже появись у кого-то из сталинского окружения такое желание. Лишь один пример: вторых брюк у меня не было. Первую шубу в своей жизни мама получила в подарок от меня, когда я получил Государственную премию. И дело не в том, разумеется, что отец с матерью были бедные люди. Конечно же нет. Просто в те годы, повторяю, не принято было жить в роскоши. Сталин ведь сам был аскет. Никаких излишеств! Естественно, это сказывалось и на его

окружении.

Он никогда не предупреждал о своих приходах. Сам любил простую пищу и смотрел, как живут другие. Пышных застолий ни у нас, ни на дачах Сталина, о которых столько написано, я никогда не видел. Ни коньяка, ни водки. Но всегда хорошее грузинское вино. Это потом уже руководители страны почувствовали вкус к роскоши. А тогда… Вспоминаю довольно типичную историю с наркомом путей сообщения Ковалевым. Однажды он подарил жене в день рождения бриллиантики. Сейчас школьницы такие носят. Тут же донесли Сталину. Бедолагу без всяких объяснений выгнали из партии и с работы. Отец потом помогал ему устроиться… Правильно это или нет, судить не берусь. Может, и не к чему был такой аскетизм, но — было.

Не раз встречал в прессе такие «факты»: якобы при обыске в нашем доме были найдены сотни тысяч рублей, драгоценности, сорок стволов оружия… Все эти абсурдные вещи не стоят комментариев. Скажем, в Тбилиси жил портной Саша, уж и фамилии его не помню. Как-то он приехал в Москву, и мама заказала у него платье. На следствии ей припомнили и этот случай: «Использование наемного труда!»

Обвинили даже в том, что мама привезла из Нечерноземья ведро краснозема, использовав государственный транспорт — самолет. Мама тогда действительно занималась исследованием почв, работая в сельхозакадемии.

Глупость на глупости. Утверждали, что она разъезжала на лошадях с золотыми колокольчиками. На самом деле мама действительно любила лошадей и ходила в манеж. Золотые колокольчики, естественно, очередная выдумка.

Пройдет время, и все эти «обвинения» будут растиражированы и пойдут гулять по свету, обрастая новыми легендами. Как, скажем, эта: якобы у отца была своя элитная преторианская гвардия из 200 грузин. Если верить тем же западным источникам, «охрана любила Берия, как своего племенного вождя». И это сказки, но подтекст совершенно ясен: два грузина оккупировали Россию и бесчинствовали в ней. Охрана, естественно, тоже из грузин, сотрудники НКВД — тоже грузины… Правда лишь в том, что личная охрана действительно любила отца. И он к ним очень хорошо относился. Было этих ребят человек 10–12, не больше. Да и работали они не в одну смену. Больше трех я никогда не видел. Обычно за его машиной шла еще одна машина сопровождения. Вот и вся охрана. Да еще у ворот дачи дежурный находился, но военным он не был. И еще одна любопытная деталь: в личной охране отца был один грузин

и один армянин — Саркисов. Остальные — русские и украинцы.

Как ни странно, но и саму биографию отца умудрились переписать до неузнаваемости. Если верить некоторым публикациям, то он стал одним из руководителей государства едва ли не в начале 30-х. Разумеется, это не так. Он довольно рано пришел в революционное движение, еще в училище организовал нелегальный марксистский кружок.

В июне 1917 года в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы его направляют на Румынский фронт. А дальше — революция. Работал в подполье, был арестован, снова подполье, и снова арест…

После революции жизнь его сложилась совершенно иначе, чем он планировал. Не став архитектором, как мечтал, отец увлекся нефтеразведкой. Его даже собирались отправить на учебу в Бельгию, о чем он не раз впоследствии вспоминал. Но и здесь не сложилось. С 1921 года отец работает заместителем начальника секретно-оперативной части АзЧК, затем становится начальником секретно-оперативной части, позднее — заместителем председателя Грузинской ЧК. До этого — непродолжительная работа в ЦК КП(б) Азербайджана, учеба в Бакинском политехническом институте.

Сохранились документы, связанные с работой отца в Азербайджане, датированные 1923 годом.

Из характеристики Л. 17. Берия:

«…обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма… Он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней работой… Следует отметить, как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве».

Характеристика подписана секретарем ЦК Ахундовым. Столь же высоко ценят молодого энергичного чекиста, направленного в ЧК партией большевиков, его непосредственные руководители. Отец явно с благословения Дзержинского становится кавалером ордена Боевого Красного Знамени, награждается именным оружием — пистолетом «браунинг», часами с монограммой. В 32 года он уже председатель Закавказского, Грузинского ГНУ, полномочный представитель ОГПУ в Закавказье. Впереди — высокий пост первого секретаря ЦК партии Грузии, руководителя партийной организации Закавказья, перевод в Москву… Блестящая карьера? Безусловно. Но где ее истоки? В благосклонном отношении Сталина, как об этом нередко пишут? Отнюдь, в те годы они просто-напросто не были знакомы. Тогда

где?

Как правило, путь был один. Вспомните карьеру Маленкова хотя бы. Как и многие другие, он сделал ее в Орготделе ЦК. Не исключение и Хрущев. В поле зрения Сталина и партийной верхушки он оказался, когда громил троцкистскую оппозицию. Доносы, интриги — все это было абсолютно типично для того времени. Биография отца — имею в виду подлинную его биографию, основанную на реальных фактах, а не домыслах — резко отличалась от большинства других. Его довольно быстрое, даже по тем временам, продвижение по служебной лестнице связано в первую очередь с его позицией, занятой в 1924 году по отношению к меньшевистскому восстанию в Грузии. Именно тогда на него обратили внимание в Политбюро.

А произошло вот что. В 1924 году отец, заместитель начальника Грузинской ЧК, узнает, причем заблаговременно, о том, что готовится меньшевистское восстание. Учитывая масштаб будущих выступлений, отец предлагает любыми политическими мерами предотвратить кровопролитие. Орджоникидзе, в свою очередь, передает его информацию в Москву. Ситуация тревожная: разведке достоверно известно, что разработан полный план восстания, готовятся отряды, создаются арсеналы. Выступления вспыхнут по всей республике, и пусть они в действительности не будут носить характера всенародного восстания, но выглядеть это будет именно так.

Отец понимал, что эта авантюра изначально обречена на провал, на большие человеческие жертвы. Необходимы были энергичные меры, которые позволили бы предотвратить кровопролитие. И тогда он предложил пойти на такой шаг — допустить утечку полученной информации. Его предложение сводилось к тому, чтобы сами меньшевистские руководители узнали из достоверных источников: Грузинская ЧК располагает полной информацией о готовящемся восстании, а следовательно, надеяться на успех бессмысленно. Орджоникидзе, видимо получив согласие Москвы, не возражал: в той непростой обстановке это было единственно верным решением. Но меньшевики этой информации не поверили и расценили ее всего лишь как провокацию. Видимо, пересилила вера в заверения Франции и Англии. Вы, мол, начните, а мы поддержим…

В дальнейшем события развивались так. В Грузию был направлен один из лидеров меньшевистского движения, руководитель национальной гвардии Джугели. О его переброске отец узнал заблаговременно от своих разведчиков и, разумеется, принял меры: Валико Джугели был взят под наблюдение с момента перехода границы. Но всего лишь под наблюдение —

арестовывать одного из влиятельных лидеров меньшевиков не спешили. Само пребывание Джугели в Грузии решено было использовать для дела. По своим каналам отец предупредил Джугели, что для Грузинской ЧК его переход границы не секрет и ему предоставлена возможность самому убедиться, что восстание обречено на провал.

К сожалению, и эта информация была расценена как провокация чекистов. Джугели решил, что ГрузЧК просто боится массовых выступлений в республике и неспособна их предотвратить, поэтому пытается любыми средствами убедить меньшевистское руководство в обратном.

Джугели все же был арестован, но из-за досадной случайности — его опознал на улице кто-то из старых знакомых, и его официально задержали. Уже в тюрьме Джугели ознакомили с материалами, которыми располагала разведка ГрузЧК, и он написал письмо, в котором убеждал соратников отказаться от выступления. Ни за границей, ни в самой Грузии к нему не прислушались. Восстание меньшевики все же организовали, но, как и следовало ожидать, армия его подавила, а народ понес бессмысленные жертвы, которых вполне можно было избежать. Если бы Орджоникидзе вмешался, кровопролития еще можно было не допустить, потому что в первые же часы все руководители восстания были арестованы, склады с оружием захвачены. По сути, армия громила неуправляемых и безоружных людей…

Но как бы там ни было, отца, сделавшего все, чтобы избежать кровопролития, запомнили. К слову, и в дальнейшем он всегда выступал лишь за политические решения любых вопросов, отвергая подход с позиции силы. У читателя еще будет возможность не раз в этом убедиться.

Он по своей натуре был аналитиком и никогда не спешил с выводами, основываясь лишь на собственном эмоциональном восприятии тех или иных событий. Для политика это вещь, считал он, абсолютно недопустимая. Вне всяких сомнений, наложила свой отпечаток на его характер многолетняя работа в разведке. Любой его вывод основывался на глубоко проработанном конкретном материале. Сужу даже по тому, как он формировал меня как личность, как приучал к систематическому труду, работе над материалами, сопоставлению фактов, прогнозированию.

Сказалась, очевидно, и его давняя тяга к технике. Даже если не имеешь непосредственного отношения к каким-то расчетам, само занятие ею требует аналитического склада ума. Я не раз наблюдал, как ответственнейшие решения, связанные, например,

с новым оружием, он принимал за каких-то 15 минут. Но это чисто внешнее восприятие. Я-то прекрасно знал, что за этим стоит. Такому решению предшествовала колоссальная работа. И речь не только о многочасовых совещаниях, консультациях со специалистами, но и о самостоятельной работе над материалами. Так было, помню, когда решалась судьба ядерного проекта, проектов баллистических ракет, систем ПВО и других.

А еще это был очень целеустремленный, настойчивый человек. Если он брался за какую-то работу, то всегда доводил начатое до конца. Не чурался черновой работы, изнуряющих поездок.

Сколько я его помню, никогда не изменял выработанным еще в юности привычкам. Вставал не позднее шести утра. После зарядки минимум три часа работал с материалами. Возвратившись с работы, ужинал и вновь шел в свой кабинет. А это еще два-три часа работы. Исключением становились лишь дни, когда затягивались какие-то важные заседания.

Еще, разумеется, необыкновенное трудолюбие. Вот, пожалуй, слагаемые тех практических результатов, которых он достигал. В отличие от других членов Политбюро, занимавшихся, что скрывать, чистой демагогией да извечными «кадровыми» вопросами, ему ведь всегда поручалось конкретное дело. Допускаю, что и в партийной работе надо было иметь дело с людьми, заниматься какими-то организаторскими вопросами, но, по моему глубокому убеждению, претила она отцу именно тем, что не давала, да и не могла дать конкретного результата, а следовательно, и морального удовлетворения от сделанного. Когда отца в начале тридцатых направили из разведки на партийную работу, своего недовольства он не скрывал. Но и там, как человек деятельный, он нашел себе дело. Строго говоря, в общепринятом смысле партийной работой он и не занимался, отдав ее на откуп аппарату. Сам же в течение тех нескольких лет, используя права главы республики, поднимал народное хозяйство Грузии. Позднее он и сам не раз подчеркивал, что не дело партии подменять хозяйственные органы, но тогда, в тридцатые, видимо, иначе просто было нельзя. Тот же первый секретарь ЦК партии республики, если он, конечно, не был по натуре аппаратчиком, мог немало сделать и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в строительстве. Должность первого секретаря ЦК позволяла отцу активно вмешиваться в хозяйственные проблемы и решать их на самом высоком уровне, чего, скажем, при всем желании не могли сделать сами хозяйственные руководители.

К сожалению, в дальнейшем партийные органы превратились всего лишь в контролирующие органы, далекие от решения

практических задач.

Наверное, это странно звучит, но мой отец был очень мягким человеком. Странно, потому что за последние сорок лет столько написано о допросах, которые он якобы проводил в подвалах Лубянки, о его нетерпимости к чужому мнению, о грубости. Все это, заявляю откровенно, беспардонная ложь. Это по его настоянию — в архивах есть его записка в Политбюро и ЦК по этому поводу — был наложен запрет на любое насилие над обвиняемыми. Это он сделал все, чтобы остановить колесо репрессий, очистить органы государственной безопасности от скомпрометировавших себя активным участием в массовых репрессиях работников. Впрочем, это тема отдельного разговора, от которого я ни в коей мере не собираюсь уходить. Пока скажу лишь одно: не был мой отец тем страшным человеком, каким пытались его представить в глазах народа тогдашние вожди. Не был и не мог быть, потому что всегда отвергал любое насилие. Даже когда говорят, что отец, став наркомом внутренних дел, разогнал «органы», повинные в злодеяниях 30-х годов, это не так. Ушли, вынуждены были уйти и понести ответственность лишь те следователи, сотрудники лагерной охраны, кто нарушал закон. Этого отец не прощал ни тогда, ни позднее. А тысячи и тысячи честных работников продолжали бороться с уголовной преступностью, как и прежде, работали в разведке и контрразведке. Насколько известно, приход нового наркома внутренних дел связан и с самой реорганизацией карательных органов, и с массовым освобождением из тюрем и лагерей сотен тысяч ни в чем не повинных людей.

Сегодня мало кто знает, что наркомом внутренних дел отец был назначен в конце ноября 1938 года. Люди старшего поколения хорошо помнят, когда прекратились в СССР массовые репрессии. Достаточно сопоставить факты. После 1942 года — и это известно — он уже не имел никакого отношения к органам государственной безопасности. Тогда, в войну, отца сменил на этой должности Всеволод Меркулов, а после войны органами безопасности руководили Абакумов, Игнатьев. И все же, когда речь заходит о всех послевоенных преступлениях Системы, об этом предпочитают не вспоминать. То и дело встречаешь в различных источниках: министр внутренних дел Л. П. Берия. А все дело в том, что в марте 1953 года мой отец действительно возглавил МВД СССР. Правда, проработать ему там довелось всего лишь три месяца. Полагаю, читателям этой книги небезынтересно будет узнать и об этой странице жизни моего отца. Пока скажу лишь, что никакого желания идти на эту должность у отца не было. К сожалению, в своих нашумевших

мемуарах Никита Сергеевич Хрущев не написал, как в течение нескольких дней просидел у нас на даче, уговаривая отца после смерти Сталина: «Ты должен согласиться и принять МВД. Надо наводить там порядок!» Отец отказывался, мотивируя это тем, что чрезмерно загружен оборонными вопросами. Но Политбюро все же сумело настоять на своем. Аргументы оппонентов отца были не менее вескими: он в свое время немало сделал для восстановления законности в правоохранительных органах, а сейчас ситуация такая же и требует вмешательства компетентного человека. Отец был вынужден согласиться.

Думаю, это все делалось с дальним прицелом — списать в будущем все грехи на нового главу карательного ведомства. Надо ведь было как-то объяснять народу и довоенные репрессии, и последующие преступления Системы. А отец, как признавался впоследствии сам Хрущев, действительно оказался удобной фигурой. Как ни странно, элементарного смещения дат оказалось достаточно для того, чтобы полностью извратить факты. Ну, кто, скажите, помнит сегодня, особенно из людей молодых, кто и когда возглавлял НКВД?

Многие историки, например, недвусмысленно намекают на причастность моего отца к смерти Серго Орджоникидзе, убийству Сергея Мироновича Кирова. Говорит об этом и Светлана Аллилуева: «И лето 1934 года прошло так же — Киров был с нами в Сочи. А в декабре последовал выстрел Николаева. …Не лучше ли и не логичнее ли связать этот выстрел с именем Берия, а не с именем моего отца, как это теперь делают? В причастность отца к этой гибели я не поверю никогда… Был еще один старый друг нашего дома, которого мы потеряли в 1936 году, — я думаю, не без интриг и подлостей Берия. Я говорю о Георгии Константиновиче (Серго) Орджоникидзе». Уверен, что подобных обвинений читатель встречал немало. Но кто знает, как дороги были всю жизнь и моему отцу, и всей нашей семье эти два человека. Серго Орджоникидзе — мой крестный отец… Меня ведь и назвали в честь Серго. Когда родители приезжали из Тбилиси в Москву, непременно останавливались в его доме, да и Серго часто бывал у нас, когда приезжал по делам или на отдых в Грузию. Такие были отношения.

А Сергей Миронович Киров дважды вытаскивал отца из меньшевистской тюрьмы. Когда убили Кирова, отец работал в Грузии, но позднее рассказывал, что никакого заговора, как писали газеты, не было. Убийца — одиночка. Уже возглавив НКВД, отец, разумеется, возвратился к этой трагической истории и попытался восстановить детали случившегося, но каких-либо документов, позволяющих трактовать смерть Сергея Мироновича

иначе, не нашел. Не было их, естественно, и у тех, кто впоследствии обвинил в организации этого убийства Сталина. Тем не менее и эта версия оказалась живучей. Впрочем, удивляться не стоит. Написала же Светлана Аллилуева, что во время гражданской войны на Кавказе «Берия был арестован красными и Киров приказал расстрелять предателя»… А как отнестись к утверждениям, что Берия был агентом муссаватистской разведки? Это обвинение в адрес отца прозвучало даже на Пленуме ЦК, где отца после его трагической гибели исключили из партии. А ведь то, что отец по заданию партии большевиков работал в контрразведке в Баку, никогда не скрывалось. Именно там начинал он свой путь в разведке. Лучше других знал об этом Анастас Микоян, работавший там же по тому же заданию.

На Пленуме ЦК просто перекрутили общеизвестные факты. Сам Микоян мне впоследствии говорил, что выступал в защиту отца и рассказал все, что знает. К сожалению, и это оказалось неправдой.

У правящей верхушки не было никогда и не могло быть каких-либо доказательств вины отца, а скомпрометировать его в глазах народа было крайне необходимо — разрушалась легенда… Прочитав эту книгу, читатель, надеюсь, сам придет к каким-то выводам. Мой же рассказ об отце — лишь штрихи к портрету человека, который честно делал свое дело, был настоящим гражданином, хорошим сыном и хорошим отцом, любящим мужем и верным другом. Я, как и люди, знавшие его многие годы, никогда не мог смириться с утверждениями официальной пропаганды о моем отце, хотя и понимал, что ждать другого от Системы, в основе которой ложь, — по меньшей мере наивно…

Когда я говорю об отце, всплывают в памяти давно забытые картины детства. Скажем, я с детства интересовался техникой, и отец это всячески поощрял. Ему очень хотелось, чтобы я поступил в технический вуз и стал инженером. Довольно характерный пример. Понятное дело, ему ничего не стоило даже тогда разрешить мне кататься на машине. Как бы не так… Хочешь кататься — иди в гараж, там есть старенькие машины. Соберешь — тогда гоняй. Старенький «фордик» я, конечно, с помощью опытных механиков собрал, но дело не в этом. Отец с детства приучал меня к работе, за что я ему благодарен и по сей день.

Принесет стопку иностранных журналов и просит сделать перевод каких-то статей или обзор тех или иных материалов. Теперь-то я понимаю: если бы дело было серьезным, неужели не поручил бы такую работу профессиональным переводчикам?

Просто заставлял таким «хитрым» образом трудиться. И отец, и мать моему воспитанию уделяли много внимания, хотя свободного времени у обоих было, понятно, маловато. Заставляли серьезно заниматься языками, музыкой, собственным примером приобщали к спорту.

Еще в школе я выучил немецкий, английский, позднее — французский, датский, голландский. Немного читаю по-японски. Стоит ли говорить, как это пригодилось мне в жизни…

Вспоминаю наши лыжные походы в Подмосковье, прогулки по лесу. Отец очень любил активный отдых и умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли, с тем чтобы уплотнить землю, и сетку волейбольную купили. Оба были очень довольны.

Когда уезжали в отпуск на юг, а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах. Здесь уже постоянной спутницей была мама.

Вместе с мамой посещал манеж — к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение, конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверное, играл неплохо.

Когда создавалось спортивное общество «Динамо», его основной задачей было приобщение сотрудников к физической культуре, спорту. Тон здесь должны были задавать руководители. Так что любовь отца к спорту стала носить и показательный характер. Молодым чекистам было неудобно отставать от начальства…

Как и все мы, отец был неприхотлив в еде. Быт высшего эшелона, разумеется, отличался от того, который был присущ миллионам людей. Была охрана, существовали определенные льготы, правда, абсолютно не те, которыми партийная номенклатура облагодетельствовала себя впоследствии… Приходила девушка, помогавшая в уборке квартиры, на кухне. Был повар, очень молодой симпатичный человек, и, если не ошибаюсь, он даже имел соответствующую подготовку — окончил нечто наподобие знаменитого хазановского кулинарного техникума. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты

кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, военные, навещали близкие из Грузии, друзья. Словом, все, как у всех.

На правах члена семьи многие годы, а точнее до самой смерти отца, жила в нашем доме замечательная женщина Элла Эммануиловна Альмединger. Учительница, немка по национальности. Мы и оказавшись в ссылке не теряли с ней связь.

Когда началась война, всех немцев начали переселять, а наша немка никуда не собирается. Кто-то доложил Сталину, что, мол, в доме Берия проживает немка и тому подобное. Как-то приезжает Сталин (а у нас заведено было обедать всем вместе), и прелюбопытнейшая вышла картина. Сидят за одним столом Иосиф Виссарионович и Элла Эммануиловна. Сталин и спрашивает:

— Так это вы и есть тот самый представитель Гитлера? Странно, никогда не думал, что вы немка.

А Элла Эммануиловна онемела: чем-то обернется для нее этот визит. Обошлось. Сталин рассмеялся, тут же начал вспоминать Австрию, тем дело и закончилось. А к самому факту депортации отец относился крайне негативно, но, как это часто бывало, последнее слово, разумеется, оставалось не за ним.

Я еще расскажу подробно об участии отца, как члена Государственного Комитета Обороны, в организации отпора врагу на Кавказе. Вспомнил об этой странице жизни отца я вот почему. В обороне Кавказа участвовали и местные жители. На горных перевалах насмерть стояли и ингуши, и осетины, и чеченцы. Я это видел своими глазами. Отец тоже с глубоким уважением относился к этим людям, встречался со старейшинами, деятелями духовенства.

К сожалению, решение Политбюро было принято и этих людей выселили. Подлость, безусловно. Но приказ был отдан, и внутренние войска заставили эту подлость сделать.

А началось с того, что группа людей — не народ! — подарила Гитлеру коня и бурку. Да мало ли кто встречал оккупантов хлебом-солью и на Украине, и в Белоруссии, и в России. И кто только не сотрудничал с немцами! Предателей хватало, к сожалению, везде. А Сталину преподнесли это как измену народа. Тот разбираться не стал: сослать всех!

И с крымскими татарами, к сожалению, так получилось. Вспоминаю анекдотический случай. Мой друг, летчик-испытатель Амет-Хан Султан, как дважды Герой Советского Союза, имел на

родине собственный бюст. Любопытная штука получилась. Крымские татары из Крыма выселены, а бюст поставлен крымскому татарину. Неудобно, говорит, что единственный татарин в Крыму в таком виде… Давай моего бронзового двойника уберем. Тебе-то, скорей всего, за такое хулиганство ничего не будет. А мы в то время на полигоне под Керчью работали. Всю ночь промучились, но бюст убрали…

Вышло так, что я вынужден был оставить отцовский дом в 16 лет. Война перечеркнула точно так же мои планы, связанные с учебой в университете, как и большинства моих сверстников. Я ушел в разведшколу. Затем фронт, годы учебы в Ленинградской военной электротехнической академии. А когда возвратился в Москву, даже женившись, жил с родителями. Настоял на этом отец. Вся его жизнь проходила на наших глазах. Допускаю, что можно скрыть какой-то отдельный случай, но образ жизни, как ни крути, не скроешь. И не только от близких. Такие люди всегда в центре внимания, хотят они того или нет.

Вот уже несколько десятилетий имя Берия ассоциируется у миллионов людей и с массовыми репрессиями 30—50-х годов, и с сотнями женщин, якобы ставших жертвами любвеобильного члена Политбюро. На первый взгляд, все выглядит довольно правдоподобно. Не секрет ведь, что известные человеческие слабости были присущи большинству советских вождей — от Владимира Ильича до Леонида Ильича. Но почему все-таки ЦК, официальная пропаганда явно культивировали всенародный интерес именно к «постельным утехам» отца, создавая отталкивающий образ этакого сексуального монстра? Люди старшего поколения прекрасно помнят, что при жизни никакие «страшные слухи» о нем по Москве не ходили. Правда, сегодня все чаще утверждают обратное, словно забыв о том, что живы те, кто без труда может это опровергнуть. Что ж, одна ложь неизбежно порождает другую: большая — маленькую, маленькая — большую.

Из стенограммы июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС: «Нами обнаружены многочисленные письма от женщин интимно-пошлого содержания. Нами также обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника (речь идет о результатах обыска в его служебном кабинете в здании Совета Министров СССР в Кремле). Эти вещи ратуют сами за себя, и, как говорится, комментарии излишни… Зачитаю показания некоего Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берия. Последнее время он был начальником его охраны. Вот что показал этот самый Саркисов: «Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами. Мне

известно, что через некую гражданку С. (разрешите мне фамилии не упоминать) Берия был знаком с подругой С., фамилию которой я не помню. Работала она в Доме моделей… Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берия и сделала аборт. Сожительствовал Берия также с 18—20-летней девушкой Лялей… Находясь в Тбилиси, Берия познакомился и сожительствовал с гражданкой М. После сожительства с Берия у М. родился ребенок… Мне также известно, что Берия сожительствовал с некой Софьей. По предложению Берия через начальника санчасти МВД Волошина ей был сделан аборт. Повторяю, что подобных связей у Берия было очень много.

По указанию Берия вел список женщин, с которыми он сожительствовал. (Смех в зале.) Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии… более 25 таких женщин. Список, о котором говорит Саркисов, обнаружен…

Год или полтора назад я совершенно точно узнал, что в результате связей с проститутками он заболел сифилисом. Лечил его врач поликлиники МВД Ю. Б., фамилию его я не помню. Саркисов».

Вот, товарищи, истинное лицо этого, так сказать, претендента в вожди советского народа. И эта грязная моська осмелилась соперничать с великаном, с нашей партией, с нашим ЦК… Партия, ЦК справлялись с шавками и покрупнее…»

Стоп! Не излишне ли откровенен секретарь ЦК КПСС Н. Шаталин, обличая моральное падение члена Президиума ЦК? Обратите внимание: «Вот, товарищи, истинное лицо этого, так сказать, претендента в вожди советского народа». «Претендента» уже нет в живых, почему бы не показать его уголовником, а не политическим противником? И звучит довольно правдоподобно: ну, кто, скажите, не без греха? Если и преувеличили, не так страшно…

«Купился» на «амурные» байки даже известный писатель, посвятивший этой теме рассказ, юные героини которого трагически погибают после ночи, проведенной в спальне члена Президиума ЦК, в газовой камере, умерщвленные газом «циклон». Камера, естественно, расположена в подвальном помещении дома Лаврентия Павловича Берия.

Чушь, разумеется. Разве можно говорить об этом серьезно? Какая камера, какой «циклон»… Понимаю, конечно, зачем плели такие вздорные вещи на Пленуме ЦК. Не было фактов, которые подтверждали бы участие отца в так называемом заговоре, его

причастность к зарубежным спецслужбам или, как тогда говорили, империалистическим разведкам. Вот и решили показать народу разложившегося типа — пьяницу, развратника, садиста, якобы вознамерившегося стать диктатором и ввергнуть страну в пучину кровавого террора. А сейчас-то зачем все это сочинять? Не понимаю…

Пожалуй, больше других преуспела в описании любовных приключений некая Нина Алексеева, бывшая артистка одного из ансамблей песни и пляски Москвы. Ей уже давно за 70, но неуемной энергии автора можно позавидовать. Вот уже несколько лет старушка охотно выступает перед самой разной аудиторией, охотно дает интервью и даже собирается издать книгу воспоминаний о Лаврентии Павловиче Берия, с которым якобы была близка. Можно только догадываться, на чем именно собирается акцентировать внимание читающей публики новоявленная писательница. Во всяком случае никаких сомнений на сей счет после опубликованных на разных языках ее воспоминаний в периодике не появляется. На мой взгляд, Нина Васильевна просто решила заработать на хлеб в столь трудное время. Ну, посудите сами, можно ли без известного скепсиса относиться, скажем, к таким «фактам»:

«И вы знаете, я, конечно, с ним сблизилась, с Лаврентием Павловичем. Никаких, конечно, насилия с его стороны не было. Вначале мы сели за стол. Чего только там не было! …Если уж говорить откровенно, он был сильный мужчина. Очень сильный, без всяких патологий. Такому мужчине, наверное, было мало одной женщины, надо было очень много женщин… Когда он в первый раз овладел мной, и с такой, вы знаете, страстью, я чувствовала, что, конечно, ему нравлюсь. У моего дома стали часто появляться правительственные машины, этот Саркисов заходил к нам в квартиру… Я видела его отношение ко мне, очень милое. Но у меня к нему не было страсти. Он мне как-то даже сказал: «Ты холодная, ну почему ты такая красивая и такая холодная…» А потом, обстановка его дома на улице Качалова мне не нравилась. Знаете, дом очень красивый с виду, но изнутри, знаете, такое невзрачное впечатление, я не могу сказать, что здесь жил Берия. Двуспальная кровать орехового дерева огромная. Помню, когда Саркисов привез меня вторично или в третий раз, я ждала Лаврентия Павловича очень долго. Вышла ко мне женщина в белом халате, очень милая, любезная, и говорит: «Вы не волнуйтесь, он должен приехать». По левую сторону коридора, отлично помню, была библиотека. Посмотрела там книги — один сплошной Сталин. Думаю, неужели он не интересуется классикой?»

Воздержусь от комментариев. Чего стоит хотя бы описание домашней библиотеки в нашем доме. В таком случае, простите, куда же подевалась приличная библиотека самого Лаврентия Павловича, книги кандидата сельскохозяйственных наук Нины Теймуразовны Берия, доктора физико-математических наук Серго Берия? В подвальном помещении, заполненном мифическим «циклоном»? Разве можно поверить, что хозяин дома, изощряясь в любовных похождениях, устраивал годами ночные оргии в собственной спальне на виду у жены, сына, невестки и остальных домочадцев.

Я бы никогда не коснулся столь пикантной темы, если бы не многочисленные публикации, где по-прежнему главным действующим лицом вновь и вновь оказывается ветеран сцены госпожа Алексеева. Последняя публикация ее «дневниковых» записей, опубликованная одной из ведущих российских газет, просто умиляет. Если раньше Нина Васильевна не могла (?) поведать массовому читателю некоторые детали, то теперь, надо полагать, вполне откровенна. По ее утверждению, отец возил любовницу в Кунцево, на дачу Сталина. Кстати, знакомство с вождем особого впечатления на Алексееву не произвело. Что ж, бывает. Обнадеживает другое. Судя по всему, очередной цикл «любовь вождей» вполне может быть продолжен. Кто знает, какие тайны кроются за стенами Кунцевской дачи. Вероятно, Нина Васильевна в будущем не применет рассказать и об этом…

Любопытна реакция одного из читателей, возмущенных публикацией на страницах популярной газеты интервью с Алексеевой под хлестким заголовком «Раба любви Лаврентия Берия». Что же вызвало неприятие читателя? Сам факт появления в печати очередной сказки о «монстре»? Да ничего подобного! «Зачем показывать молодежи, что зверь Берия был не так уж страшен?» На фоне поднадоевших порядком россказней о высматривающем у своего дома красивых женщин зампреде и вездесущем полковнике Саркисове эта публикация, надо полагать, выглядит бледнее…

Я читал письмо возмущенного читателя и думал: до чего же живучи вбитые в нас когда-то стереотипы. Неужели сами мы не ведаем, что творим. Давно уже нет в живых людей, использовавших эту ложь для оболванивания масс, нет уже и ЦК с его официальными рупорами и глашатаями неправды, а автомобиль легендарного полковника все колесит улицами первопрестольной, распугивая очаровательных москвичек. Ей-богу же смешно! Но и грустно — тоже. Ну, какой еще народ позволил бы в течение сорока лет держать себя за простака, чья наивность поистине беспредельна…

Я еще раз повторяю, вся жизнь отца проходила на глазах семьи. Срывы, наверное, были, у каждого человека есть какие-то слабости, но такие похождения — вздор. Если уж на то пошло, могу рассказать о девушке, которая действительно была любовницей отца, но никогда об этом никому не рассказывала.

Я был уже взрослым человеком, но отношения с отцом оставались у нас на редкость доверительные. Как-то зовет к себе. «Надо, — сказал, — с тобой поговорить. Я хочу, чтобы ты знал: у меня есть дочь. Маленький человечек, который мне не безразличен. Хочу, чтобы ты об этом знал. В жизни, — сказал, — всякое может случиться, и ты всегда помни, что у тебя теперь есть сестра. Давай только не будем говорить об этом маме…»

Мама умерла, так и не узнав о той женщине. Просьбу отца я выполнил.

А женщину ту я видел. Было ей тогда лет 20, может, немного больше. Довольно скромная молодая женщина. Жизнь у нее, правда, не сложилась. Вышла замуж, родился второй ребенок. Муж погиб. Снова вышла замуж… Отец ее был служащим, мать — учительница. А сейчас у моей сводной сестры самой, естественно, дети.

Одно время она была замужем за сыном члена Политбюро Виктора Гришина. Когда Гришин узнал, что его сын собирается жениться на дочери Берия, решил посоветоваться с Брежневым. Насколько знаю, Леонид Ильич отреагировал так:

— Хорошо, а какое это имеет отношение к твоему сыну? И что ты делаешь вид, будто не знаешь, что все это дутое дело…

К слову, мне не раз приходилось встречаться с Брежневым на заседаниях Совета обороны, других совещаниях, где обсуждались вопросы, связанные с моей работой по созданию новых видов вооружения, но никогда о том, что случилось с моим отцом, мы не говорили… Леонид Ильич эту тему просто не затрагивал, делая вид, что Гегечкори это Гегечкори, а об остальном — он не имеет ни малейшего представления.

Сам он к делу отца причастен не был. Да что Брежнев — даже не все члены Президиума ЦК КПСС знали о том, что готовится его убийство. Постфактум уже они вынуждены были избрать для себя оптимальный вариант, исходя из своего многолетнего партийного опыта — примкнуть к более сильным. Правда, дальнейший ход событий показал, что ни о каком единстве в верхах политической власти и после смерти моего отца речь не шла. Вспомните антихрущевское выступление Молотова, Кагановича и других и последовавшую над ними расправу Хрущева, затем вынуждены были уйти Маленков, Булганин, т. е. люди, расправившиеся в свое время вместе с Хрущевым с моим отцом. Позднее уберут и самого

Хрущева. Борьба за власть не прекращалась в Кремле никогда, как никогда не прекращалась компрометация новыми вождями вчерашних соратников. По этим законам Старая площадь жила до последнего дня существования КПСС…

Все последующие руководители прекрасно знали цену хрущевским «разоблачениям». Знали, но разрушать легенду не хотели, так как неизбежно пришлось бы рассказать народу куда более серьезные вещи.

Скажу совершенно откровенно: монахом отец не был. Это был нормальный человек, которого не обошли в жизни ни большая любовь, ни вполне понятные, думаю, едва ли не каждому мужчине увлечения. Нечто подобное произошло с отцом в Грузии, когда он увлекся одной красивой женщиной. Здесь дело кончилось семейным скандалом. Мама собиралась уйти, но отец, естественно, попросил прощения, и все обошлось. Можете представить реакцию моей матери, если бы все, что пишут сегодня об отце, было хотя бы частицей правды. Женщина-грузинка! Она могла со Сталиным спорить, что ей стоило хлопнуть дверью и уйти от такого мужа…

А к тем показаниям, которые выбивали у Саркисова и других, отношение у меня совершенно однозначное. И ему, и другим обещали «скостить» срок, если будут говорить то, чего от них ждали. Обманули, конечно. Они нужны были на определенном этапе. Подписал — тюрьма. И что, к примеру, мог сказать в той ситуации начальник охраны? Что охранял агента империалистических разведок и врага народа и партии? Велели говорить, что возил в дом Берия женщин сомнительного поведения, он и повторил. Все это вполне понятно. В те времена, наверное, просто не могло быть иначе.

Возможно, кто-то дал такие показания и из женщин, признавших себя на следствии любовницами отца. Что такое конспиративные квартиры, знает любой оперативник, работающий в органах государственной безопасности, милиции, разведке. Как правило, содержательницами таких квартир были женщины, немало женщин было, что тоже вполне понятно, и среди агентуры, работающей, в частности, с иностранцами. Как руководитель объединенного Министерства внутренних дел, куда вошли незадолго до смерти отца и политическая разведка, и контрразведка, отец наверняка бывал в таких квартирах, где встречался с агентами. Так что при желании, наверное, в тот злополучный список можно занести еще великое множество фамилий, включая иностранные…

Не меньшее распространение получила еще одна легенда об отце — с его именем связывают даже покушение на Сталина,

которое якобы произошло в Абхазии. А речь вот о чем. Бытует версия, что в сентябре 1933 года мой отец якобы инсценировал покушение на Сталина, когда тот отдыхал на одной из южных дач. Цель понятна — заслужить благосклонное отношение вождя. Небылиц на сей счет написано много, а вот что происходило в действительности.

Существовали так называемые особые периоды. Это когда Сталин где-то отдыхал. Так было и в тридцать третьем. Все знали, что Сталин уехал в Москву. И начальник ГПУ Абхазии Микеладзе, очень хороший, кстати, человек, решил отдохнуть. Выехал с друзьями, как говорится, «на природу», слегка расслабиться. Развлекались на берегу. Выпили, закусили, и тут Микеладзе увидел пограничный катер. Здесь, на его беду, и пришла в голову мысль прокатиться всей компанией, а в ней были и женщины.

Кроме того, что Микеладзе руководил органами государственной безопасности Абхазии, ему, как начальнику оперативного сектора, подчинялись и пограничники. Но как остановить пограничный катер? Начал стрелять в воздух, пытаясь привлечь внимание экипажа. Подчеркиваю, в воздух — не по катеру. Кто мог знать, что на борту пограничного корабля находился в это время Сталин…

Факт стрельбы зафиксировали и начали разбираться. Нашлись горячие головы, которые тут же расценили это как террористический акт: мол, Микеладзе покушался на жизнь главы государства. Так пьяная выходка переросла в покушение.

Отцу все же удалось отстоять тогда Микеладзе, тот отделался снятием с работы и переводом на низовую должность в Грузию. Он бывал у нас позднее дома вместе с женой и сокрушался, как несправедливо с ним обошлись. Отец говорил ему:

— Слушай, ну что еще можно было сделать? Ты же сам понимаешь, что происходит. Вот меня даже упрекают, что я укрываю террориста. Считай, что еще легко отделался.

Мама тоже переживала за эту семью. Жена Микеладзе, очень хорошая женщина, была химиком по профессии.

Словом, Микеладзе уехал в Грузию, и об этом досадном недоразумении начали потихоньку забывать, но не все, разумеется.

Когда умер председатель Совнаркома Абхазии Лакоба, его смерть связали с Микеладзе. А там вот какой случай произошел. Еще при жизни Лакобы на его даче из его же револьвера застрелилась дочь председателя Госбанка Розенгольца. Увязали и с этим фактом. Выстроили версию — специально из Москвы следователь приехал! — будто бы эта девушка подслушала разговоры заговорщиков и ее таким образом «убрали». ГПУ

Абхазии к расследованию не допустили. Состоялся суд, и несколько человек были осуждены к расстрелу, в том числе и «террорист» Микеладзе. Правда, я слышал, что московские следователи обещали ему освобождение и выдачу других документов. Якобы его расстрел был фиктивным, а решение по Микеладзе принималось чуть ли не на самом «верху». Исходили из того, что сломить Микеладзе не удалось — он был действительно очень сильным человеком, — и решили взять уговорами. Но утверждать, что бывшему руководителю ГПУ Абхазии удалось в действительности избежать тогда расстрела, я, естественно, не могу.

Смерть Нестора Лакобы тоже нередко приписывают отцу, что тоже не имеет, разумеется, под собой абсолютно никаких оснований. Могу рассказать один случай, о котором историки или не знают, или предпочитают не вспоминать.

Уже после убийства Сергея Мироновича Кирова мы с семьей Лакобы отдыхали на Рице. Дороги к озеру еще не было, и отец с Лакобой поехали посмотреть, где ее проложить. Нас было человек 15: моя мама, жена Лакобы, его сын, года на два старше меня, наши отцы и еще несколько человек.

Разбили палатки и решили заночевать на берегу. Мы, мальчишки, набегавшись за день, уснули, конечно, раньше. Я находился в палатке, когда меня разбудили. Почему-то Лакоба предложил моим родителям, чтобы мы перешли в его палатку. Естественно, это вызвало известное недоумение. Помню, мама не соглашалась. Но Лакоба, ничего не объясняя, настоял на своем. Мы перешли. Я опять уснул, а мои родители и жена Лакобы остались сидеть у костра. Было уже совсем темно, когда палатку, где должна была ночевать наша семья, прошили пулеметные очереди.

Я не нахожу других объяснений случившемуся, кроме того, что Нестор Лакоба знал о готовящемся покушении на отца и предотвратил его. Будь они врагами, Лакобе надо было просто промолчать…

Никакой вражды между ними никогда не существовало, напротив, отношения между Лакобой и моим отцом всегда были дружескими и доверительными.

У Лакобы была совершенно определенная политическая доктрина, которую он не скрывал даже перед Сталиным. Свою сепаратистскую позицию он, скажем, объяснял моему отцу так: даже строительство железной дороги, против которой Лакоба категорически возражал, это не что иное, как проникновение России. А этого Лакоба не хотел.

Отстаивал свою позицию в таких откровенных разговорах и

отец. Он, например, считал, что Союз должен быть единым, и в существование автономий не верил. Другое дело, что республики, входящие в тот же Союз, должны обладать неизмеримо большими правами, нежели это тогда было.

— Так или иначе, республики должны примкнуть к какому-то лагерю, — говорил отец. — С точки зрения исторических корней, для Грузии — это союз с Россией, потому что вся тысячелетняя история Грузии — это борьба нашего народа за выживание. Георгиевский трактат был принят задолго, мягко говоря, до советизации Грузии, и эту политику надо продолжать. Нас ведь связывает и единая вера, и единая культура. Надо лишь решительно отказаться от методов, присущих царскому режиму, и не подавлять язык, не заменять национальные кадры чиновниками российского происхождения.

И вообще, был убежден отец, надо учитывать местные условия. Он, например, считал, что Грузия, Украина, другие республики могут иметь национальную гвардию, что отнюдь не подрывает единство Союза. Но экономика и армия должны, безусловно, быть едиными.

По каким-то позициям взгляды отца и Лакобы совпадали, по другим они спорили, но на их дружбе, отношениях между ними это не сказывалось. Отцу, знаю, импонировало, что Лакоба искренне хотел процветания Абхазии. Это был человек дела, пусть и увлекающийся, но последовательный и деятельный. После соответствующих «проработок» на партийных пленумах, уже в конце жизни, а Лакоба, к слову, был очень больным человеком и даже лечился в Германии, он изменил свои взгляды и все больше склонялся к тому, что Союз все-таки должен быть единым и другого пути у республик быть не может.

Можно с позиций сегодняшнего дня принимать или не принимать эти взгляды, но речь в данном случае не об этом. Когда я читаю, что Берия погубил Лакобу, ничего, кроме вполне понятного возмущения, эта ложь у меня не вызывает.

То покушение на отца, которое предотвратил Лакоба, кстати, отнюдь не единственное. То, что НКВД не считался в тридцатые годы с партийными организациями республик, известно. Центральный аппарат Наркомата внутренних дел опирался на указания ЦК ВКП(б). И это факт давно доказанный, здесь я ничего нового не открываю. Люди из Орготдела ЦК выезжали в республики для координации и руководства массовыми репрессиями. В Белоруссию, например, выезжал с такой целью Маленков, на Украину — Каганович. Разумеется, аресты, расстрелы ни в чем не повинных людей совершались чужими руками, но организаторами этих злодеяний были они,

представители ЦК ВКП(б).

Грузия не стала исключением. Каток репрессий прошел и по этой республике. Еще при жизни Серго Орджоникидзе отец направил через него ряд писем Сталину, в которых не скрывал своей позиции: НКВД ведет планомерное уничтожение грузинской интеллигенции, грузинского народа. Орджоникидзе полностью поддерживал отца, так как всегда был противником репрессий.

После смерти Орджоникидзе избиение кадров приняло еще более массовый характер. Несмотря на протесты моего отца, как руководителя республики, органы внутренних дел продолжали аресты людей. Не по собственной инициативе, конечно, а выполняя прямые указания Центра. Так ведь было и в других республиках…

Среди людей, арестованных по настоянию центральных органов, оказалось немало выдающихся ученых, писателей. Мой отец дважды обращался к Сталину, спасая, например, среди других, светоча мировой науки Джавахишвили. Дважды спасал Гамсахурдиа. К сожалению, ответом было лишь усиление массовых репрессий. Погиб Михаил Джавахишвили, погибли многие другие деятели грузинской культуры, науки.

Видимо, поведение отца стало раздражать партийную верхушку, и Ежов, руководивший в то время органами госбезопасности, через своих ставленников в Грузии решил организовать на него покушение. Об этом случае я знаю не с чьих-то слов, потому что волей обстоятельств оказался в тот злополучный день в машине отца.

…Из Москвы возвращались по Военно-Грузинской дороге. Вместе с отцом, мамой в этой машине находились жена одного партийного работника и второй секретарь ЦК, белорус по национальности, Хацкевич. Уже стало темнеть, когда нашу машину попытались остановить, а затем обстреляли спереди и сзади. Огонь явно велся на поражение.

Хацкевич сидел рядом со мной, и я своими глазами видел, как его ранили.

Умирал он на руках у моей матери. Все мы слышали его последние слова: «Ты, Нина, не забудь о моем ребенке…»

Уже через год из Белоруссии поступили какие-то материалы, в которых Хацкевич, уже мертвый, был объявлен врагом народа. В таких случаях репрессировали и семьи, но маме удалось каким-то образом спасти ребенка Хацкевича и устроить его в семью близких нам людей.

Одна существенная деталь: Хацкевич носил пенсне, как и мой

отец. Вероятно, это и сбило с толку тех, кто стрелял в отца.

Так что я знаю лишь о двух покушениях на моего отца, сколько же их было всего, сказать не могу. Этих неприятных воспоминаний в семье старались не касаться…

Для партийного аппарата — имею в виду аппарат ЦК ВКП(б) — отец, хотя и был секретарем ЦК республики, оставался периферийным работником, но с собственной позицией. Отношение к таким людям было всегда настороженным. Попытки привлечь отца на свою сторону предпринимали и Ягода, Ежов. Неправда, что это были дегенераты, начисто лишенные мозгов, как это подчас преподносят. Весь ужас и состоит в том, что люди, повинные в злодеяниях против собственного народа, были изворотливыми, а нередко и умными людьми, что отнюдь не мешало им идти на преступления.

Скажем, сделавший карьеру в Орготделе ЦК Николай Ежов, впрочем, как и Ягода и другие, отлично понимал, какую опасность даже в личном плане представляет для них Берия. Первое: колоссальный опыт работы в разведке. Умен, на хорошем счету. Его знает Сталин. Грузин. Прогнозировать его перевод в Москву вполне можно было без труда.

Ни одного секретаря ЦК республики не обхаживали они так, как отца и нашу семью. Встречали в Москве, везли к себе на дачу… А отец к этому внешнему проявлению дружелюбия всегда относился — я это видел — настороженно. Меня это удивляло немного, так как я хорошо знал своего отца. Человеком он был открытым и подобные встречи с друзьями очень любил.

Помню, зимой это было, Ежов пригласил нас к себе на дачу. Внешне это выглядело, как приглашение друга. Они ведь с моим отцом на «ты» были… Но отец сказал, что нам эта поездка ни к чему.

Повторяю, и Ежов и другие были неглупыми людьми. Они видели и понимали, что отец — один из тех, кто может оказаться в центральном аппарате, а конкурентов всегда стремились убирать заблаговременно. Это тоже, если хотите, железный закон Системы.

Отец никогда на эти темы не говорил, но, думаю, «просчитал» он и Ягоду и Ежова гораздо раньше. Хотя о самих организаторах покушений очень долго ничего не было известно, но то, что нити вели к НКВД, было ясно. Непосредственным руководителем покушения на Военно-грузинской дороге был, безусловно, нарком внутренних дел Грузии. Вполне понятно, кто поручил ему эту акцию.

К слову, после покушений на отца Сталин прислал в Тбилиси бронированный американский автомобиль. Тогда же такие

машины получили и другие первые секретари ЦК союзных республик.

Думая обо всем этом, я все больше склоняюсь к мысли, что нити первых заговоров против отца — еще тех, довоенных — вели однозначно в НКВД СССР. Там словно чувствовали, какими кардинальными переменами обернется для всесильного карательного ведомства его перевод в Москву…

Почему партия, вернее ее высшее руководство, расправилось с моим отцом? Потому, что он затронул святая святых советской номенклатуры — основу Системы. Говорю так не для того, чтобы перед кем-то оправдать своего отца. Свои ошибки он знал и вину свою знал — она тоже была, — потому что нет особой разницы, разделяешь ты взгляды тех, с кем находишься в руководстве страной, или нет, голосуешь за что-то из личных убеждений или в силу каких-то обстоятельств. Да, мой отец не подписывал расстрельные списки, как это делал Ворошилов, не проводил массовые репрессии, как Каганович или Маленков, Хрущев или Жданов, но коль он был одним из членов политического руководства, ответственность, безусловно, лежит и на нем, на каждом из них. Он ведь и хотел, настаивая на созыве внеочередного съезда, справедливой оценки деятельности и своей, и своих коллег То, что мы имели и до войны и позднее, не было режимом личной диктатуры Сталина. Очень удобно сегодняшним защитникам «большевизма» представлять Сталина полусумасшедшим диктатором, а его окружение, членов Политбюро, бессловесными жертвами обстоятельств. Да и сама большевистская партия подается как такая же жертва террора всесильного НКВД и деспотизма ее Генерального секретаря. Неправда. Вина — на каждом, и на самом Сталине, и на остальных. Это они ответственны за все просчеты, за все ошибки, искривления, допущенные Системой. И за преступления, совершенные с октября 1917 года, — тоже. А уж чья вина больше или меньше, чьи заслуги весомей — судить Истории.

В советском руководстве всегда были люди, в той или иной степени боровшиеся за очищение большевистской партии, коммунистической Системы. Я глубоко убежден, что это был сизифов труд — очищать было нечего. Система была такой изначально. Каменев, Зиновьев, в какой-то период Бухарин… Уходили одни, приходили другие, но основа большевизма, его стержень — диктатура пролетариата не менялась. Со временем она, правда, выродилась в диктатуру партийного аппарата, но принципиальных изменений не последовало. Диктатура всегда остается диктатурой.

После смерти Сталина отец все еще надеялся, что даже в

условиях существующей Системы что-то можно изменить. Понимали, что необходима смена курса, и те, кто работал вместе с ним — Хрущев, Маленков и остальные. Но пойти на кардинальные перемены они не могли, потому что, убрав партийное начало в руководстве страной, как того требовал отец, они сами бы оказались в оппозиции к всесильному во все времена партийному аппарату. А это был бы конец партийной верхушки. Достаточно вспомнить, как зашаталось кресло под последним Генеральным секретарем, когда он начал метаться между старыми и новыми друзьями… А как «уходили» Хрущева? Всесилен не Генсек — всесилен аппарат, чьим ставленником Генсек являлся.

Отец не исключал, что на смену тому, еще сталинскому, руководству может прийти новое. По его мнению, в республиках было немало толковых руководителей, способных взять и, что не менее важно, выдержать новый курс. Помню, зашел у него разговор на эту тему с Маленковым и Хрущевым:

— Допустим, что нам все же придется уйти и нам на смену придут молодые. Неужели хуже будут работать, а?

— Да нет, конечно, и мы молодыми были… — соглашались Хрущев и Маленков. Хорошо помню еще такие слова Маленкова:

— А я всю жизнь мечтал инженером быть…

Тут уж отец не выдержал:

— Брось, Георгий! Знаем мы, о чем ты мечтал. Ты еще учился, а уже в партийные органы рвался. Нам-то хоть сказки не рассказывай.

Такие откровенные разговоры были. Главный просчет отца был в том, что он верил им всем. Знал ведь, с кем имеет дело, но — верил. Хотя, полагаю, догадывался, конечно, что Президиум ЦК может против него выступить. Но, видимо, рассуждал так: соберется Чрезвычайный съезд, расставит все по своим местам и каждому воздаст то, что заслужил. Сама ситуация после смерти Сталина способствовала прямому честному разговору. Люди вернулись с войны, подняли разрушенную страну и ждут ответа на вопросы, которые волнуют их уже много лет: как и почему все это случилось? Что происходит сегодня? Кто виноват?

Выступи отец на съезде, думаю, его бы поддержали. Есть одно обстоятельство, которое уже много лет мешает объективному восприятию его деятельности на посту одного из высших должностных лиц государства — он возглавлял карательное ведомство. Как правило, этого вполне достаточно… И не столь важно, когда именно и каким был он наркомом. Сама аббревиатура НКВД срабатывает здесь как клеймо.

Я не призываю читателя в этой книге изменить отношение к

карательным органам, но, надеюсь, о тайных пружинах, которые толкали эти структуры на самые страшные преступления, читатель, наконец, узнает.

Но история ЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ лишь часть правды о прошлом. В немалой степени эта книга и о самой партии, о высшем эшелоне, по вине которого оборвалась жизнь моего отца. Но эта книга и о тех людях, которые честно делали то, что считали правильным, — укрепляли экономику и безопасность государства, международные связи, создавали новое оружие, строили новые заводы… Одним из них был и мой отец Лаврентий Берия.

Он прожил недолгую, но, убежден, яркую жизнь. С кем только не сводила его судьба! К нему всегда тянулись думающие, инициативные, энергичные люди. Среди близких друзей моего отца — первый заместитель министра среднего машиностроения СССР Борис Львович Ванников, академик Курчатов, министр металлургической промышленности Тевосян. Довольно близким к отцу человеком был авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев. А еще — академик Минц, партийный работник Кудрявцев, маршал Жуков…

Желанными гостями в доме Берия всегда были художник Тоидзе, философ Нуцибидзе, писатель Константин Гамсахурдия, известные организаторы спортивного движения в Грузии Арчил Бакрадзе и Эгнатошвили, многие другие интересные люди того времени.

Жизнь заставила его стать чекистом, но трогательную любовь к архитектуре, которую изучал в юности, отец сохранил на многие годы. Он по-доброму завидовал своим старым знакомым, друзьям, ставшим известными зодчими. Знаю, что отец и в Грузии, и в Москве встречался с Жолтовским, Северовым, Абросимовым, другими видными архитекторами, с удовольствием рассматривал их проекты.

Особое уважение питал отец к военным. Кроме Жукова, могу назвать и фамилии близких ему маршала Василевского, генерала Штеменко.

Очень многие люди в то время сделали карьеру с помощью отца. Среди наиболее известных — Устинов, назначенный по рекомендации моего отца на должность наркома вооружения в очень молодом возрасте, те же Ванников, Тевосян, министр химической промышленности Первухин, зампред Совета Министров Малышев, Председатель Госплана Сабуров. Скажем, Сабуров, экономист по образованию и чрезвычайно способный человек, не пришелся ко двору партийной элите, потому что никогда не работал в партийных органах, а это в глазах

номенклатуры было серьезным недостатком. Она ведь не терпела настоящих специалистов ни в одной области. И хотя очень многие были против выдвижения Сабурова, отец на своем настоял. Драться за людей дела отец умел всегда, и не имело значения, какую должность занимает его оппонент.

Так было и с назначением на должность наркома Дмитрия Федоровича Устинова. Отец доказывал, что это замечательный организатор и талантливый инженер, а партийные чиновники в ответ:

— Как же так, Лаврентий Павлович? Вы предлагаете на должность наркома вооружения (!) человека, который ни дня не работал секретарем заводского парткома. Он ведь совершенно не знает партийной работы!

— Он знает дело, и этого, считаю, вполне достаточно, — парировал отец.

В таких случаях нередко вмешивался Сталин, и вопросы с назначением тех или иных людей, чьи кандидатуры предлагал отец, так или иначе решались. К сожалению, порочную практику выдвижения не по деловым качествам партийный аппарат культивировал всегда. Кто из нас не сталкивался с подобным на производстве…

Отношения с партийными органами у отца всегда были непростыми. Я для себя решил этот вопрос несколько десятилетий назад, когда еще не считалось доблестью сжигать партийные билеты: категорически отказывался после заключения возвращаться в ряды партии. Отцу было сложнее — его высокие должности предполагали непременное членство в Политбюро…

Но отношения своего к партийному аппарату отец никогда не скрывал. Например, и Хрущеву, и Маленкову он прямо говорил, что партийный аппарат разлагает людей. Все это годилось на первых порах, когда только создавалось Советское государство. А кому, спрашивал их отец, нужны контролеры сегодня?

Такие же откровенные разговоры вел он и с руководителями промышленности, директорами заводов. Те, естественно, бездельников из ЦК на дух не переносили.

Столь же откровенен был отец и со Сталиным. Иосиф Виссарионович соглашался, что партийный аппарат устранился от ответственности за конкретное дело и, кроме говорильни, ничем не занимается. Знаю, что за год до своей смерти, когда Сталин предложил новый состав Президиума ЦК, он произнес речь, суть которой сводилась к тому, что надо искать новые формы руководства страной, что старые не оптимальны. Серьезный разговор шел тогда и о деятельности партии. Полагаю, любопытно сегодня было бы обнародовать эти материалы. Но не

тут-то было: официально заявлено, что той стенограммы в партийных архивах нет. Очередная ложь, разумеется…

Вообще с архивами очень любопытная вещь получается. Я знаю людей, которые пытались, причем весьма настойчиво, получить доступ к материалам того времени, связанным с деятельностью моего отца, высшего руководства страны. Речь, замечу, шла о попытках объективно разобраться в событиях сорокалетней давности. Ни один человек такие материалы не получил. Кто наложил запрет? Политбюро ЦК КПСС.

Знаю и о столь же настойчивых попытках получить доступ к архивам со стороны зарубежных компартий. Тут уже требовалось разрешение Генерального секретаря ЦК КПСС. Но и в этих редких случаях доступа к документам посланцы «братских партий» не получали. Аппарат ЦК, не знакомя с исходными документами, предоставлял лишь справки, подготовленные ЦК по тому или иному вопросу. Так было с материалами, связанными с нашими отношениями с ГДР, Польшей, Венгрией, Чехословакией…

КПСС, ЦК, Политбюро давно нет, но и в посткоммунистической России документы сталинского периода и материалы, датированные пятидесятыми годами, предаются огласке лишь избирательно. Политическая игра, насколько понимаю, еще не окончена. Вся группа так называемых дел, связанных с деятельностью моего отца и его судьбой, засекречена, как и прежде. И это лишь один пример…

Тайны Кремля, пусть простит меня читатель за тавтологию, все десятилетия существования Советского государства оставались для народа тайной за семью печатями. Естественно, «низы» не могли знать, какие страсти бушуют в «верхах». Тем более не могла дойти до «низов» информация о секретном ведомстве Лаврентия Берия.

Отец не «мелькал», как другие, с речами в газетах, не появлялся, за редким исключением, на митингах, партийных активах и прочих массовых мероприятиях. И не в одной «секретности» дело. Вся эта мишура его раздражала. Вся его жизнь была заполнена конкретным и очень ответственным делом. Так было и до войны, и в войну, и после войны. У него просто не было времени на массовые мероприятия, которые обожала партийная верхушка. Опыт советских партийных и государственных деятелей последних десятилетий убеждает, что надо или заниматься делом, или вести многочасовые пустопорожние разговоры «с народом». Третьего, как говорили древние, не дано. А отец ценил каждый час. Самодисциплина у него была — знаю это с детства — высочайшая. Человек дела — это о нем.

К славе отец был равнодушен, как, очевидно, любой другой человек, занимающий столь высокое служебное положение. Хотя, как известно, исключений в советском руководстве всегда хватало…

На XVII съезде он был избран в состав ЦК ВКП(б), позднее стал членом Политбюро. Имел звание Генерального комиссара государственной безопасности. В сорок пятом, как член Государственного Комитета Обороны, получил звание Героя Социалистического Труда. Тогда же наградили Маленкова и других высших руководителей. Когда звания в органах внутренних дел и госбезопасности приравняли к армейским, отец стал Маршалом Советского Союза. За организацию обороны Кавказа в войну получил орден Суворова, до этого, за работу в разведке, орден Красного Знамени. Помню, отец смеялся: «Зачем мне шесть орденов Ленина? Неужели одного было бы мало?» У отца, кстати, были интересные предложения по изменению советской наградной системы, что тоже, как ни странно, умудрились поставить ему в вину. Речь о введении орденов союзных республик.

Из стенограммы июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС:

«Багиров: Речь идет о создании новых республиканских орденов. Звонит мне Берия и говорит: ты знаешь, я готовлю вопрос об орденах. Говорю ему, как это ты готовишь. Он поправился и говорит; мы хотим установить новые ордена. Я думаю, вопрос об орденах не простой вопрос. Это не организационный вопрос. Он входит в функции Центрального Комитета партии и правительства, это вопрос политики, как же он может готовить этот вопрос…

Маленков: Какие ордена?

Багиров: Ордена культуры, союзные и республиканские ордена культуры.

Булганин: Для какой категории людей?

Багиров: Для работников искусства, работников театров. *Маленков:* Например, какие ордена… Ордена могут быть чьего-то имени.

Юсупов: Мне звонил, по его поручению, его помощник Ордынцев, что Берия вносит предложение о том, чтобы установить две группы орденов; первая группа — ордена союзные, вторая группа — республиканские; затем установить ордена великих людей национальных республик. Так, например, у него Низами, у узбеков Алишер Навои и т. д. Я тогда говорю, что надо подумать по этому вопросу. (Смех) До сих пор по-другому нас воспитывали…»

Сколько стрел выпущено на том пленуме в адрес моего отца, якобы покушавшегося на «ленинскую национальную политику, великую дружбу народов СССР». А отец просто добивался предоставления широких прав союзным республикам, всячески поддерживал национальные кадры. История с орденами — довольно показательный пример. Отец считал, например, что все республики должны иметь свои государственные награды. Высшим орденом Украины, например, предполагалось сделать орден Шевченко, Грузии — орден Шота Руставели. Партийная верхушка не рискнула пойти даже на это.

Не было со стороны моего отца «искажения национальной политики», в чем его неоднократно упрекали на том Пленуме ЦК. Отец, сторонник единого сильного государства, тем не менее был убежден, что политика, которую проводил в отношении республик Центр, как раз и вредит дружбе народов. А ЦК всегда стремился держать республики «в узде», с чем отец примириться не мог.

Он не раз приводил примеры из прошлого, используя архивные материалы, связанные с имперской политикой царской России. И он доказывал, что в структуре современного государства эти же методы, пусть в видоизмененном состоянии, насаждать ни в коем случае нельзя.

Как-то, знаю, они с Жуковым обсуждали, на каком этапе можно создавать национальные армейские соединения и части. Спорили долго и пришли к выводу, что как только начнется формирование первой такой дивизии, то этой республики в составе СССР больше нет. Может, это и звучит сегодня не очень хорошо, но Жуков и отец решили, что национальные формирования должны быть лишь декоративные, для парадов. Как, скажем, республиканские министерства иностранных дел.

Помню, Жуков убеждал отца:

— Ты, Лаврентий, пойми, как только такие части появятся, например, на Украине или, скажем, в Грузии, конец и армии и Союзу. Отец смеялся:

— Ну и правильно, если мы душим друг друга… А если серьезно, мы должны подвести всю структуру государства к тому, чтобы остаться едиными для внешних систем, но не давить на республики.

Жуков соглашался, хотя в душе, возможно, и оставались у него сомнения. Но национальные части так и не позволили создать. Отец шутил:

— А чем Гречко не командующий украинской армией? Почему Рокоссовский может министром обороны Польши быть, а Гречко нет? И белоруса найдем…

Но шутки шутками, а мысли о настоящем, а не навязанном штыками Союзе не оставляли его до дня гибели. Сохранилось множество документов по Украине, Белоруссии, Грузии, прибалтийским республикам, в которых отец излагает свои предложения. Их-то и припомнили ему на Пленуме ЦК. Центр и тогда боялся самостоятельности республик.

И еще одно обвинение в адрес моего отца изложено в постановлении того самого пленума «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»: «Как установлено фактами, Берия еще при жизни Сталина, и в особенности после его кончины, под разными предлогами всячески тормозил решение важнейших неотложных вопросов по укреплению и развитию сельского хозяйства. Теперь несомненно, что этот подлый враг народа ставил своей целью подрыв колхозов и создание трудностей в продовольственном снабжении населения». Смешно! Отец, насколько известно, никакого отношения к сельскому хозяйству последние лет 15 перед этим пленумом не имел, а ответить на эту ругань было уже некому, вот и обвинили отца и в развале сельского хозяйства, и промышленности, и в прочих грехах. Но частица правды вот в чем. Отношение отца к колхозам было известно, на этом партийная верхушка и сыграла: мол, враг колхозного строя. А он действительно говорил, что колхоз — идеальная система для эксплуатации человека. Не зря ведь немцы организовали их работу в период оккупации… Идеальная для эксплуатации, но не оптимальная, добавлял отец. Он видел два пути подъема сельского хозяйства — фермерский путь и путь крупных агрохозяйств. Отец предложил провести такой эксперимент. Учитывая, что колхозам до крупных агрохозяйств далеко, выделить до сотни совхозов, ввести оплату труда на уровне квалифицированных заводских рабочих, дать технику и посмотреть, что выгоднее. Параллельно с этим вернуться к фермерским хозяйствам, но сделать это не с помощью Указа о роспуске колхозов. По мнению отца, это была бы вторая коллективизация, сопряженная с насилием. Он называл конкретные регионы, где фермерство имеет глубокие корни, и навязывать жителям Западной Украины Литвы, Латвии, Эстонии колхозы просто абсурдно.

Не помню, кто именно кричал на пленуме, что Берия не прочел в жизни ни одной книги… Он постоянно работал с архивными документами, трудами еще тех, царских, историков и достаточно аргументированно доказывал, что не случайно крестьянские восстания были на Украине и на Дону. Там всегда были крепкие хозяйства и люди знали, за что дрались. Колхозы

создавались там в прямом смысле кровью. А в Центральной России, скажем, этого не было. К сожалению, переубедить высшее руководство отец так и не смог. Партийная верхушка постаралась любой ценой провести коллективизацию и в Прибалтике, и в Западной Украине, чего конечно же делать не следовало. А предложения отца были положены под сукно. Вспомнили об этом спустя десятилетия, но то, что это были предложения его, от народа опять скрыли.

Знаю, что отец очень интересовался идеями Столыпина сторонника фермерских хозяйств. Оперируя цифрами из архивных источников, отец доказывал, что повторение обильных урожаев начала века вполне возможно, надо лишь не бояться использовать опыт Столыпина и решиться, наконец, на столь же серьезные реформы. Как и следовало ожидать, эти предложения реализованы не были, а после гибели отца о фермерстве никто уже не рисковал говорить вслух.

«О каком коммунизме можно вести речь, если мы не сумели накормить людей», — говорил он. И это не было позой высокопоставленного чиновника, на словах радеющего за народ. Отец искренне хотел улучшить жизнь тех, кто вынес на своих плечах страшную войну. Жизненный уровень в стране он считал главной задачей и немало сделал для осуществления своих замыслов. Кто-то из партийных деятелей заявил, что Берия публично называл профсоюзы бездельниками. Скажу откровенно: если он своего отношения к партийному аппарату никогда не скрывал, вполне допускаю, что мог такое и о профсоюзах сказать. Но ветераны металлургической, нефтяной, угольной промышленности, которые в свое время он курировал, наверняка не забыли, как им тогда работалось и жилось. Смею утверждать, что в данном случае это не было проявлением трогательной заботы со стороны советских профсоюзов. Отец и люди, которые его окружали, были убеждены, что отношение к человеку труда не должно быть иным. Не уверен, что впоследствии социальные вопросы в этих отраслях промышленности решались с такой же настойчивостью, как это было в трудные послевоенные годы…

Почитайте, с каким раздражением говорили о нем на том пленуме партийные бонзы: «Он засыпал нас бумагами, предложениями… Он искал дешевой популярности…» Неприязнь номенклатуры вполне понятна. Коммунистической партии и ее «ленинскому Центральному Комитету» во все времена нужны были бездумные, безынициативные соглашатели, но не созидатели. А когда ненависть достигла предела, партийная верхушка пошла на политическое убийство, устроив после его смерти судебный фарс.

Не знаю, правы ли те, кто считает, что тогда, в пятьдесят третьем, мой отец проиграл. Если говорить о его гибели, вероятно, такие утверждения близки к истине. Но его идеи, принципы, которые он исповедовал всю свою жизнь, убеждают, что за них все же стоило драться. Само время, как мы убедились, рассудило, за кем была тогда правда.

Политика можно убрать с политической арены, можно убить, скомпрометировать в глазах народа, оболгать, как поступили с моим отцом, но перечеркнуть все то доброе, что он сделал для своей страны, убежден, невозможно.

Сталин и Берия

Сталин и Берия. Кто из советских, а ныне российских историков не пытался добраться до корней взаимоотношений этих двух исторических фигур. Кто-то, как, скажем, один из руководителей одиозного Главпура генерал от ЦК Дмитрий Волкогонов, то и дело прибегая к прямой фальсификации фактов, безуспешно пытался навязать читателю искаженный образ Берия, как бледной тени кремлевского диктатора. Другие, не склонные к столь буйной фантазии, продолжали разыгрывать «грузинскую карту». Увы, и эти домыслы не приблизили нас к истине. Загадка отношений между Сталиным и моим отцом так и осталась загадкой.

Сопоставим, читатель, лишь два неопровержимых факта. Факт первый. Москва, Красная площадь. День похорон Сталина. С трибуны Мавзолея Лаврентий Берия произносит свою знаменитую траурную речь: «Кто не слеп, тот видит…» Факт второй, почему-то до сих пор, в отличие от первого, не заинтересовавший историков и публицистов. Москва. Кремль. Заседание июльского Пленума ЦК КПСС. После той траурной речи прошло всего четыре месяца, но одно из обвинений в адрес отца звучит дословно так: «Берия хотел подорвать культ личности товарища Сталина». В сумбурном выступлении на Пленуме Анастаса Микояна есть и еще одна примечательная фраза: «В первые дни после смерти товарища Сталина он ратовал против культа личности».

Сама стенограмма того Пленума, рассекреченная лишь недавно, на первый взгляд способна пролить свет на взаимоотношения главы советского государства и одного из его ближайших соратников. Тот же Микоян то и дело сокрушается, что «товарищ Сталин излишне доверял Берия», но тут же опровергает самого себя, утверждая, что этого… не было. Столь же сомнительны и аргументы, свидетельствующие о явном недоверии. Мол, во время войны Сталин разделил МВД и государственную безопасность, а Лаврентий Павлович был назначен в Совет Министров и Государственный Комитет Обороны. Если учесть, что 30 июня 1941 года отец вошел в ГКО, сосредоточивший всю власть в государстве, то выступление А. Микояна звучит более чем странно.

Но так или иначе, пусть лишенное элементарной логики, но тем не менее прозвучавшее с высокой трибуны заявление заслуживает внимания и наводит на определенные размышления.

Сколь искренен был мой отец, выступая на траурном митинге в марте пятьдесят третьего? Не противоречит ли это его другим

заявлениям?

То, что он мог сказать — и говорил! — на заседаниях Президиума ЦК, непозволительно было произнести с такой трибуны. Думаю, это понятно. Хотя отец действительно выступил первым против культа личности Сталина, что, как абсолютно ясно из материалов Пленума ЦК, это и вызвало переполох в кремлевском руководстве.

Меня нередко спрашивают, кто я, сталинист или антисталинист. Так вот, я не считаю себя ни сталинистом, ни антисталинистом. Я против Системы, породившей Ленина, Сталина, Троцкого, Бухарина, Рыкова… Этот список читатель может продолжить без труда. Вспомните хотя бы репрессии. Ведь не в тридцать седьмом они начались и даже не в тридцать четвертом. Гораздо раньше! А сколько невинных жертв на совести тех, кто пришел уже после Сталина? Да и не в цифрах дело. Виновата Система! А потом уже Сталин, Троцкий, кто-то другой. Но и Сталин — это однозначно — виновен. И те, кто его окружал, виноваты. Но коль Сталин стоял во главе, то и ответственности на нем, разумеется, больше.

Смерть Сталина я воспринял, скажу откровенно, двояко. В основном мне было жаль Светлану, его дочь. Она ведь — я это хорошо знал — и до этого была одиноким человеком, а после смерти Сталина жизнь ее и вовсе не заладилась. Внешне, конечно, и Хрущев, и Ворошилов, к примеру, ее опекали, на самом же деле эти люди прекрасно знали очень слабую психику Светланы и подталкивали ее к тому, что в конце концов и случилось…

О том, что произошло со Сталиным, я узнал от мамы, когда пришел домой пообедать. Обычно в это время приезжал и отец, но в тот день его не было. Мама сидела заплаканная и сразу же сказала мне, что у Иосифа Виссарионовича удар и, по всей вероятности, он не выживет.

— Ну а ты-то чего плачешь? — спросил. — Помнишь ведь, что отец говорил… Речь шла о том, что готовил нам Сталин. Мама, разумеется, обо всем знала — отец действительно предупреждал нас о том, что может случиться.

— Знаешь, — ответила, — я все понимаю, но мне его все равно жаль — он ведь очень одинокий человек.

Я сел обедать, а мама поехала к Светлане. И о смерти Сталина, и о поведении его близких и соратников в те дни написано много, но в основном это пересказы или явные домыслы. Широко известно, скажем, что Светлана у кровати Сталина чуть ли не сутками сидела. Мы же знали, что она находилась дома и была совершенно спокойной. Я не хочу сказать, что она не любила отца, но это была отнюдь не та

безумная любовь, о которой столько написано…

На похоронах Сталина я был, разумеется. Как всегда в подобных случаях, партийные органы дали разнарядку по организациям, а те уже выделяли людей. Но это конечно же не значит, что в противном случае я бы не пошел.

Тогда, в марте пятьдесят третьего, я не был уже тем мальчишкой из тбилисской школы, боготворящим вождя. Он многое знал и многое понимал. Сегодня могу сказать совершенно однозначно: проживи Сталин еще несколько лет, и в Президиуме ЦК не осталось бы никого из тех, кто пережил Сталина. Мой отец, разумеется, не исключение. Его уничтожение готовилось еще при жизни Сталина, о чем он и рассказывал нам с матерью.

Помню, уже после смерти Сталина, когда отец рассказывал маме, какие реформы предложил провести Хрущеву, Маленкову и другим, она сказала:

— Какая разница, сделал бы это Иосиф Виссарионович или они… Если бы он — было бы не так обидно.

Мама прекрасно знала сталинское окружение и не верила, что отцу позволят осуществить свои замыслы. Во всяком случае, никаких сомнений, что отца отстранят, у нее не было и тогда…

Вне всяких сомнений, смерть Сталина спасла жизнь его окружению. Он неизбежно заменил бы своих соратников совершенно новыми людьми, которые не знали бы всего того, что знали Молотов, Маленков, Хрущев и другие, включая, повторяю, моего отца. Убрал бы Сталин, вне всяких сомнений, и министра государственной безопасности Игнатьева. Сталин уже готовился войти в историю как абсолютно, я бы сказал, чистый человек, создавший великое государство, выигравший великую войну. Будем объективны: уходя, Сталин оставлял действительно великую страну, вполне обоснованно гордившуюся многими достижениями. Другой вопрос, какой ценой это было достигнуто…

Отец все это отлично понимал, но хотя и имел столкновения со Сталиным, как ни один другой член Политбюро, смерть главы государства его расстроила. Здесь не было, знаю, наигранности, как, скажем, у Хрущева. Думаю, смерть Сталина, несмотря ни на что, он переживал чисто по-человечески. Наверное, это звучит несколько странно в контексте того же «Мингрельского дела», но это так. Не был отец ни жестоким, ни злопамятным человеком. И об этом знали многие.

Из воспоминаний Светланы Аллилуевой:

«Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его

страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть… Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» — каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал…

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг за метил меня и распорядился; «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. Когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталев! Машину!» Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще-то трудно было обмануть. Многое из того, что творило эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе…»

В книге «Двадцать писем другу» есть и такие слова: «Страшную роль сыграл Берия в жизни нашей семьи. Как боялась и ненавидела его мама!» А между тем моего отца мать Светланы, Надежда Аллилуева, не могла ни любить, ни ненавидеть. Они просто-напросто не были знакомы. Жена Сталина застрелилась в 1932 году, за шесть лет до переезда нашей семьи в Москву. Светлана была еще ребенком…

Светлану я понимаю, хотя и не могу, естественно, согласиться с тем, что она написала. Ей просто хотелось, чтобы ее отец выглядел не так ужасно… Широко известно имя человека, официально обвиненного во всех преступлениях, так что можно писать о нем что угодно. Мораль здесь, насколько понимаю, отступает на другой план…

Несколько лет назад, переехав в СССР, Светлана пожелала встретиться с нами — мама еще была жива. Мы решили, что не стоит этого делать, и встреча не состоялась. О ее жизни я знаю лишь из сообщений западной прессы.

А когда-то мы были очень хорошо знакомы. Я учился в одной школе с детьми Сталина. Светлана Аллилуева сидела за одной партой с моей будущей женой. Она нас с Марфой и познакомила.

Запомнилась дочь Сталина умной, скромной девочкой. Хорошо знала английский. Очень была привязана к моей матери. Уже во время войны попал я в одну неприятную историю,

связанную со Светланой. После возвращения с фронта подарил ей трофейный «вальтер». Проходит время, и в академию, где я учился, приезжает генерал Власик, начальник личной охраны Сталина.

— Собирайся, — говорит, — вызывает Иосиф Виссарионович.

Приезжаю. Никогда раньше такого не было, чтобы вызывал.

Поговорили немного о моей учебе, а потом и говорит:

— Это ты Светлане револьвер подарил? А знаешь, что у нас дома с оружием было. Нет? Мать Светланы в дурном настроении с собой покончила…

Я обалдел. Знал, что мать Светланы умерла, но о самоубийстве никто у нас в доме никогда не говорил.

— Ладно, — сказал Сталин, — иди, но за такие вещи вообще-то надо наказывать…

Со Сталиным я, разумеется, встречался не раз в самых разных обстоятельствах и в самое разное время и должен признаться, что отношение к нему у меня и сегодня далеко не однозначное. Когда мы жили в Грузии, то просто молились на него. В Москве отношение к нему изменилось. Мне приходилось слышать разговоры родителей о Сталине, да я и сам уже понимал, кто повинен в репрессиях, политических процессах и прочем.

И тем не менее это был человек, который мог очаровать любого. Неправда, что его считали великим человеком лишь заурядные льстецы. Думаю, многие деятели культуры, включая выдающихся советских писателей, художников, были по-своему искренни, воспевая Сталина. Хотя, безусловно, проходимцев, кормившихся, как это часто бывает, на восславлении вождя, тоже хватало…

Я бы не рискнул даже сегодня упрекать в чем-то и некоторых известных писателей Запада, в свое время оказавшихся очарованными Сталиным. Их вполне можно понять. Сталин действительно был человеком, способным очаровать и умудренного житейским опытом старика, и мальчишку. Нечто подобное я испытал на себе, так что, полагаю, имею моральное право утверждать именно так.

Речь не о том, плох был Сталин или хорош, диктатор он или нет. Разумеется, диктатор, и мне абсолютно непонятен спор между «сталинистами» и «антисталинистами». Повторяю: ни к тем, ни к другим я себя не отношу. Не важнее ли увидеть за конкретной исторической фигурой явление? Но, к сожалению, попыток действительно разобраться в «феномене Сталина» знаю немного.

Из воспоминаний видного политического, государственного и

военного деятеля Франции Шарля де Голля (1890–1970):

«…У меня сложилось впечатление, что передо мной хитрый и непримиримый борец изнуренной от тирании России, пылающий от национального честолюбия. Сталин обладал огромной волей. Утомленный жизнью заговорщика, маскировавший свои мысли и душу, безжалостный, не верящий в искренность, он чувствовал в каждом человеке сопротивление или источник опасности, все у него было ухищрением, недоверием и упрямством. Революция, партия, государство, война являлись для него причинами и средствами, чтобы властвовать. Он возвысился, используя в сущности уловки марксистского толкования, тоталитарную суровость, делая ставку на дерзость и нечеловеческое коварство, подчиняя одних и ликвидируя других.

С тех пор Сталин видел Россию таинственной, ее строй более сильным и прочным, чем все режимы. Он ее любил по-своему. Она также его приняла как царя в ужасный период времени и поддержала большевизм, чтобы служить его орудием. Сплотить славян, уничтожить немцев, распространиться в Азии, получить доступ в свободные моря — это были мечты Родины, это были цели деспота. Нужно было два условия, чтобы достичь успеха: сделать могущественным, т. е. индустриальным, государство и в настоящее время одержать победу в мировой войне. Первая задача была выполнена ценой неслыханных страданий и человеческих жизней. Сталин, когда я его видел, завершал выполнение второй задачи — среди могил и руин. Он был удачлив потому, что встретил народ до такой степени живучий и терпеливый, что самое жестокое порабощение его не парализовало, землю, полную таких ресурсов, что самое ужасное расточительство не смогло ее истощить, союзников, без которых нельзя было победить противника, но которые без него также не разгромили бы врага.

За пятнадцать часов моих бесед со Сталиным я изучил его величественную и скрытную полигаму. Коммунист в маршальской форме, притаившийся коварный диктатор, завоеватель с добродушным видом, он старался всегда вводить в заблуждение. Его страсть была суровой, без какой-либо малопонятной привлекательности».

Оправдать Сталина невозможно, да я к этому, насколько понял читатель, и не стремлюсь. Но это действительно был умный человек, прекрасно понимавший все недостатки большевистского течения. Это не был маньяк, не способный анализировать ситуацию и свои поступки. Когда было необходимо, он умело использовал и то, что позволял большевизм. В первую очередь это централизация власти.

Единоличная власть позволяла очень быстро и эффективно решать те вопросы, которые в условиях демократии не решались бы, уверен, десятилетиями. Наверное, это положительный момент, но где та грань, которую нельзя перейти?.. И когда ему было нужно, ту же власть Сталин столь же легко использовал в иных целях. И в этом тоже его вина. Будь он недалеким человеком, параноиком, тем, кем его сегодня пытаются представить, и спрос с него был бы меньше. Но ведь не было этого! На вершине пирамиды большевистской власти стоял человек одаренный, что лишь усугубляет его вину.

Кто-то верно заметил: интеллектуальный потенциал руководителей СССР неуклонно снижался десятилетиями. И это тоже правда. Смешно, наверное, сравнивать сегодня Сталина с Хрущевым, Черненко или Горбачевым… Говорю об этом опять же не в оправдание Сталина. Напротив, даже в рамках большевизма — власти страшной и деспотичной — диктатуры пролетариата он многое мог бы при желании изменить. Не все — этого ему бы не позволила Система, но — многое. Сталин же не только не тел на смягчение режима, но и многие вещи сознательно обострял, используя большевистские догмы для подавления противников этого течения. Отсюда и массовые репрессии, и политические процессы.

Я не могу согласиться с тем, что Сталин был человеком, не ведавшим жалости и сострадания, и не принимаю утверждения, что этими репрессиями Сталин создал систему круговой поруки, вовлекая в преступления тысячи и тысячи людей. А разве не с этого начал другой большевистский вождь, Владимир Ильич? А разве не Троцкий с легкостью необыкновенной создал концлагеря, в которых большевики погубили миллионы людей, не Троцкий ли, с согласия Ленина, ввел институт заложников? Позволю не согласиться с защитниками Ленина и большевизма. Сталин лишь усовершенствовал то, что начиналось при Ленине. С моей точки зрения, Ленин и Сталин не уступали друг другу ни в уме, ни в коварстве, и я бы не спешил с выводами, кто из двоих вождей «самый человечный человек»… Тут еще надо крепко, очень крепко подумать…

Лукавили все последующие «вожди», когда убеждали нас в том, что Сталин предал своего «великого учителя». Ленинские работы и письма из так называемого секретного фонда — а пока опубликована лишь часть их — вполне позволяют утверждать обратное. «Арестовать…», «Расстрелять…», «Повесить…», «Расстреливать на месте…», «Арестовать несколько сот и без объявления мотивов…». Мы столько писали и говорили о животворном наследии Владимира Ильича. Почему же стыдливо

молчим об этом «наследии»? Не было ведь у власти ни Сталина, ни НКВД с Ягодой и Ежовым во главе…

А может, дело даже не в Ленине, по крайней мере не только в нем, а в той структуре власти, которую он представлял, в той страшной и бесчеловечной Системе, порожденной большевизмом? Но и в Ленине, разумеется, тоже.

При жизни моего отца обо всем этом в силу вполне понятных причин нельзя было говорить, но я знаю, что отец был далек от обожествления Ленина и Сталина. Ему вообще претил культ любой личности, а если учесть, что отец был человеком информированным, то нетрудно догадаться, сколь многие грехи и того и другого были ему известны.

Смешно отрицать роль Сталина в судьбе отца. Глава партии и государства санкционировал и его назначение на пост руководителя Грузии, и последующий перевод в Москву.

Отец был назначен на должность народного комиссара внутренних дел в конце ноября 1938 года, после Ежова. Чем же был обусловлен выбор Сталина?

Когда Сталин утверждал перевод моего отца в Москву, насколько понимаю, рассуждал так. Этот сравнительно молодой человек — отцу не было сорока — имеет опыт работы в разведке. Положительный или нет, но опыт работы в ЧК, приобретенный в двадцатые, у отца действительно был. Возможно, Сталин думал и так: будет беспрекословно выполнять все указания вождя, а проще говоря, тихо под ним ходить. Оказалось, не так… Первый серьезный конфликт между отцом, с одной стороны, и Сталиным и Политбюро, с другой, произошел уже в сороковом, когда решалась судьба тысяч польских офицеров, расстрелянных впоследствии в Катыни. Сталин этого не забыл, но неповиновение — случай редчайший! — не привело даже к снятию с должности моего отца. Скорей всего, считал, что еще не время менять наркома. Система ведь здесь была отработанной до мелочей: из человека выжимают все, что требуется, а когда он уже не нужен, убирают. Причем всегда Сталин соблюдал и другое непременное условие: «проштрафившегося» заменял равноценной фигурой и лишь тогда, когда позволяла обстановка. Любые кадровые изменения не должны были вредить делу…

Сталин объективно оценивал в тот период напряженную обстановку, сложившуюся вокруг партии и лично его, как ее лидера. Недовольство его линией, в особенности массовыми репрессиями, ощущалось даже в ближайшем окружении.

Второе немаловажное обстоятельство. Приближение большой войны. Жданов, когда произошло столкновение отца со Сталиным по поводу Катыни, тут же предложил:

— НКВД готов возглавить я!

Сталин на это не пошел. В любом деле он хотел все же видеть специалистов. Жданов, партийный аппаратчик до мозга костей и активный сторонник массовых репрессий, в такой должности уже был не нужен — репрессии прекратились, а возобновлять их Сталин не собирался. Напротив, в тот момент в должности наркома внутренних дел необходим был человек иного склада. Сталин был жестоким, но умным человеком и прекрасно понимал, что дальнейшие репрессии могут привести в итоге к краху его личной власти. Наверное, он решил, что все это делается уже специально, чтобы убрать его самого. Необходим был человек, который, под контролем, конечно, но затормозит тот каток, который создала коммунистическая Система. А таким человеком и был мой отец, «забрасывавший» Москву письмами в защиту грузинской интеллигенции. Словом, в тот период он Сталина вполне устраивал. К тому же существовал еще внешний раздражитель — Троцкий, не дававший покоя большевистскому лидеру еще с тридцатых, а добрый десяток попыток убрать его провалились. Пройдет время, и начнется война. И вновь отец окажется на своем месте. Впоследствии, когда на базе спецлабораторий НКВД будет создано атомное управление, ему поручат заниматься и этой проблемой. А еще — ракеты, самолеты, промышленность, проект водородной бомбы… Видимо, исходя из этих соображений, Сталин и не спешил убирать моего отца. Оснований считать именно так у меня предостаточно, и главное из них то, что Сталин всегда учитывал ситуацию. В конце жизни, когда были созданы зенитные ракеты и почти готовы межконтинентальные, когда близились к завершению работы по водородному проекту, Сталин, очевидно, был готов к тому, чтобы заменить и отца, и остальных членов руководства страны, но не успел…

Наивно думать, что кто-то мог в тех условиях что-либо изменить. Конечно, это всего лишь мои предположения, но я абсолютно уверен, что, убрав моего отца, Сталин нашел бы у многих из своего окружения поддержку. В первую очередь был бы удовлетворен партийный аппарат, видевший в отце угрозу собственному благополучию. Он ведь никогда не скрывал, что выступает против диктатуры партийного аппарата над государством. А партийная верхушка, да и вообще партийные структуры, к таким вещам всегда были очень чувствительны…

Вообще партийная верхушка сослужила плохую службу и Сталину. Отец еще при жизни Сталина говорил о вреде культа личности. И, кстати, Сталин сам об этом говорил. Я уверен, что в последние годы жизни Сталина партийная верхушка умышленно

пропагандировала этот культ и не только из свойственного ей во все времена подхалимажа. Тут, вне всяких сомнений, был дальний прицел. Что, мол, нам всем оставалось делать. «И Бог, и царь, и воинский начальник…» Он, мол, во всем виноват. Известно ведь, что эту карту потом партия довольно умело разыграет на XX съезде, все свалив на ушедшего из жизни лидера. Остальные, как всегда, предстали невинными ягнятами. Отца к тому времени уже не было в живых, а никто другой из бывших соратников Сталина не нашел в себе мужества честно сказать о роли сталинского окружения в преступлениях режима.

Примерно так произошло и в Германии. Там ведь тоже все свалили на Гитлера. Удобно, что и говорить. Но диктатура диктатурой, а ведь не одна личность все это проделала… Помню, отец говорил не раз:

— Сталин допустил вещи, не простительные никому. По его прямому указанию или с его согласия были действительно совершены страшные преступления, и не следует искать оправдания Сталину, как это порой делали и делают. Не искал их и мой отец, хотя и не был сторонником дискредитации Сталина как личности. Так по крайней мере было весной пятьдесят третьего. Он считал, что надо раскрыть прежде всего линию партии, во главе которой стоял Сталин. Именно партия и, в первую очередь, ее высшее руководство должны ответить перед народам за все, что случилось.

— Я не знаю, — говорил отец Хрущеву, Маленкову и остальным, — останемся ли мы на своих постах. Мы отчитаемся, а там пусть решает съезд. Сочтут нужным заменить нас, пусть так и будет. Тогда вместо нас придут молодые люди и наверняка не повторят тех ошибок, которых не избежало прежнее руководство.

Хрущев и Маленков, знаю, с ним соглашались:

— Да, мы тоже были молодыми и возмущались, что старики нам мешают делать дело. Надо, конечно, собирать съезд и идти на такой разговор…

Были, правда, сомнения, как быть с именем Сталина. Так или иначе, считали члены Президиума ЦК, откровенный разговор на съезде больно ударит по авторитету бывшего Генерального секретаря. Отец возражал:

— Без откровенного разговора нам не обойтись. Задача не в том, чтобы сразу же публично сокрушить культ личности Сталина или дискредитировать его в глазах народа. Начинать надо со всех нас, членов Президиума ЦК. Мы отчитаемся, вскроем ошибочность курса партии и послушаем, что скажет съезд.

И здесь члены Президиума соглашались с отцом. Соглашались, зная, что никогда не пойдут на такой рискованный

шаг. В глазах тогдашних руководителей страны это, конечно же, было верхом безрассудства.

Рассказывая о Сталине, невольно вспоминаю наш переезд в Москву. Отец не хотел возвращаться на чекистскую работу и просил перевести его на хозяйственную. Так в его жизни бывало уже не раз. Но даже когда решение о переводе отца в Москву состоялось, мама никак не хотела уезжать из Тбилиси. Сталина это очень рассердило, и в течение суток всю нашу семью привезли в столицу. Второй конфликт возник, когда мама отказалась вступать в партию. Сталин даже сделал ей замечание. Мол, вы не домохозяйка, а советский ученый, к тому же жена наркома и не можете находиться вне рядов партии.

За те пятнадцать лет, которые отец проработал в Москве, случалось в их отношениях со Сталиным всякое, но близкими людьми, как принято почему-то считать, они никогда не были. По-грузински Сталин говорил очень редко, да и тогда непременно извинялся перед остальными. И на «ты», как пишут, они никогда не были. Сталин всегда обращался к отцу по имени-отчеству.

Отец был единственным человеком в Президиуме ЦК, который позволял себе дискутировать со Сталиным. Тот, кстати, позволял это и остальным. Второй вопрос, что ни Хрущев, ни Маленков, ни другие никогда не спорили и не пытались возражать Хозяину, как они его называли. Слепое подчинение, готовность исполнить любую волю Хозяина объяснялись, на мой взгляд, довольно просто: сковывал страх за собственную карьеру.

Сталин же на откровенность вызывал часто, и я не думаю, что ему доставляло особое удовольствие видеть в собеседниках всего лишь послушных исполнителей. Напротив, я знаю, что он очень любил — и умел, надо признать — переубеждать оппонента. Но это случалось, конечно же, крайне редко: с ним просто-напросто предпочитали не дискутировать. Кроме отца, насколько знаю, иногда мог в чем-то не соглашаться с ним Молотов. Возможно, в более ранний период таких людей было несколько больше. По всей вероятности, таким человеком был Троцкий. В остальных не уверен. Возьмите ранние речи Бухарина, Каменева, Зиновьева и других. Там ведь сплошное восхваление Сталина. Культ личности создавали именно они, причем сразу же после смерти Ленина. От отца знаю, что из военных без боязни вызвать недовольство диктатора отстаивал свою точку зрения, причем решительно, лишь один-единственный человек — Георгий Константинович Жуков. Так было и в сорок первом, и в сорок втором, и в последующие годы. Это был человек, которого нельзя было не уважать. Видимо, так считал и Сталин.

На «ты» Сталин был лишь с единственным человеком —

Молотовым. Это не значит, что я стремлюсь таким образом дистанцировать своего отца от Сталина. Но так было. Сталин действительно не позволял себе в отношении моего отца и Молотова того, что позволял себе в отношении, например, Микояна и Ворошилова. С последними он просто не считался.

Пожалуй, самой одиозной фигурой в сталинском окружении был Жданов. Он ревновал любого человека, который в тот или иной момент был близок Сталину. Как никто другой, он буквально рвался в наследники диктатора. Серый кардинал в окружении Сталина — так, наверное, будет точно. Именно он идеолог массовых репрессий в стране. Когда будут рассекречены архивы, наверняка обнаружатся телеграммы и письма, подписанные им и Сталиным. Зачастую стоит одна подпись Сталина, но стиль его, Жданова. Он ведь не только продвинулся на репрессиях, но и намерен был идти в буквальном смысле по трупам и дальше. Страшный человек!

Возможно, мечтал о дальнейшей карьере и Ворошилов, здесь судить трудно. Но при жизни Сталина дальнейшее его продвижение было исключено — тот его ни в грош не ставил, а позднее нашлись другие, более прыткие и удачливые претенденты в вожди.

Каганович прекрасно понимал, что претендовать на высшие посты он не может. Пишут, что он конфликтовал в последние годы жизни со Сталиным, кричал на него. Все — выдумка. Как-то мама спросила у него, неужели он искренне верит в то, что говорит о «врагах народа» и прочем. Каганович ответил так: «Это мои убеждения!»

Странный был человек. Пальцем не пошевелил, чтобы спасти своего родного брата Михаила, наркома авиапромышленности. Перед Сталиным бегал на задних лапках.

Отец рассматривал Кагановича как ренегата. Когда по инициативе моего отца были предприняты попытки использовать мировое еврейское движение в интересах Советского Союза, Каганович тут же занял оппортунистическую позицию. Известно уже, как Каганович заставлял деятелей еврейского движения подписывать антиеврейские манифесты.

Известна и его роль в массовых репрессиях. Крови на нем много. Достаточно вспомнить, что он устроил на Украине…

А вот обвинения его в причастности к депортации народов правдивы лишь отчасти. Он, как и большинство членов Политбюро, действительно голосовал «за», но активным проводником русской национальной политики не был. Здесь тон задавали Жданов, Хрущев и другие. Сталин при всех своих диктаторских замашках не считаться с этой политикой не мог и

шел на уступки русскому национализму. Он играл на нем, на русофильской имперской политике. Это однозначно. Но к Кагановичу прямого отношения, повторяю, это не имеет.

Все основания претендовать после смерти Сталина на пост главы государства, думаю, были у Молотова. Имею в виду его биографию, а не политические качества. В партию Вячеслав Скрябин (Молотов — его псевдоним) вступил еще в 1906 году, учась в Казанском реальном училище. В 1909 году был арестован как один из руководителей революционной организации. После ссылки учился в Политехническом институте в Петербурге. Весной 1916-го вновь сослан на три года в Сибирь. Бежал.

В 1917-м — член исполкома Петроградского Совета и Петроградского комитета партии, один из редакторов «Правды». Был знаком с Лениным. С середины двадцатых — член Политбюро. Как секретарь ЦК замещал Сталина. С 1939 года по совместительству стал наркомом иностранных дел. Такой биографии никто в окружении Сталина в те годы не имел. Понимая это, Жданов, к примеру, всячески пытался его дискредитировать в глазах Сталина. В 1949 году была арестована жена Молотова, Полина Жемчужина. Люди старшего поколения помнят то время как период борьбы против «безродных космополитов».

Жемчужина была одним из активных организаторов еврейского движения в СССР, и ее обвинили в связях с мировым еврейским движением. Арест санкционировал ЦК. Неправда, что лишь сам Молотов воздержался при голосовании на Политбюро, когда шла речь об аресте его жены. На том заседании выступал мой отец, заявивший, что никаких оснований для ареста члена ЦК Жемчужиной нет. Выяснилось, что Жемчужина вела какие-то разговоры, связанные с решениями ЦК, его линией в отношении Еврейского комитета. Вне ЦК и правительства такие вещи обсуждать не позволялось.

Молотов знал, что Жемчужину хотели арестовать еще до войны и только активное противодействие отца помешало группе членов Политбюро нанести удар по Молотову.

Это был человек, вне всяких сомнений, более умный, чем Жданов, не говоря об остальных, но нет ни одного документа, касающегося бывших лидеров партии, каких-то партийных группировок, где не было бы резолюции Молотова. Имею в виду политические процессы и репрессии. Он делал все, что делали и остальные.

Прямых столкновений с моим отцом у него никогда не было. Напротив, он очень ценил его, что, впрочем, не мешало Вячеславу

Михайловичу резко выступить против отца в связи с Катынской трагедией, некоторыми вопросами, связанными с внутренней политикой государства. Крайне не понравилось Молотову и выступление отца в защиту Тито. Сталин тогда назвал отца и некоторых других людей, выступающих против конфронтации с Югославией, титоистами, а Молотов в довольно резкой форме заявил, что Тито — предатель интересов социалистического лагеря.

Отец в таких случаях в долгу никогда не оставался и отвечал столь же резко.

Это не зафиксировано в материалах Пленума, но я знаю, что накануне проходило заседание Президиума ЦК, на котором Молотов говорил совершенно другие вещи. Скажем, на Пленуме он критиковал отца за разрыв отношений с Югославией. Уж кто-кто, а Вячеслав Михайлович прекрасно помнил, как все было в действительности. Но примечательно другое — лгали на том Пленуме кто больше, кто меньше, но — все. Это вполне понятно. Любопытно другое. Накануне в узком кругу тот же Молотов произнес совершенно другие слова:

— Более способного человека, чем Берия, среди нас нет, более энергичного и грамотного в тех проблемах, которыми он занимался, тоже нет. А что он имел свою точку зрения, то он этого, как все мы знаем, никогда не скрывал. Мы можем соглашаться с ним или не соглашаться, но мы ведь сами согласились с его предложениями, а теперь их же будем ставить ему в вину…

У меня нет стенограммы того заседания Президиума ЦК, нет других доказательств, но я склонен верить человеку, рассказавшему мне о том выступлении Молотова. Думаю, Молотов повел бы себя и на Пленуме совершенно иначе, если бы знал, что отец жив. Очень многие люди, участвовавшие в работе того Пленума, тоже знали, что его нет в живых, а следовательно, бороться уже бессмысленно. Цинизм, который десятилетиями прививала народу партия, напрочь исключал такое понятие, как память…

Я неплохо знал Хрущева. Он бывал у нас довольно часто в гостях. Сегодня его пытаются представить борцом с культом личности, а ведь все было совершенно иначе. Он никогда не возражал Сталину. Правда, за столом, помню, сокрушался, что «Хозяин за младенцев нас держит, шагу ступить не дает, не дает развернуться». При нем обычно помалкивал, изображая шута. Здорово пил.

Знал я и его семью. С зятем Хрущева, Алексеем Аджубеем, познакомился еще до его женитьбы на Раде. Мать Алексея была

отличной портнихой. Жаловалась маме, что из-за карьеры сын губит жизнь. Она была категорически против этого брака, потому что семью Хрущева не переносила, называя их Иудушками Головлевыми.

Алексей был парень действительно способный. Учился в актерской студии. После женитьбы на Раде Хрущевой он стал главным редактором «Комсомольской правды», а с конца пятидесятых до дня отстранения Хрущева от власти был главным редактором «Известий», членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета. За участие в освещении в печати визита тестя в Америку получил Ленинскую премию. По общепринятым меркам, карьера молниеносная и блестящая, но в октябре шестьдесят четвертого по известным причинам она прервалась.

Хотя сам Хрущев, как я говорил, бывал у нас часто, с его семьей мы не общались. Ни я, ни мама в их доме никогда не были, хотя с дочерью Хрущева мы учились в одной школе.

Что-то знали от Нины Матвеевны, матери Аджубея.

— Ну почему ты переживаешь, — успокаивала ее мама. — Хорошая девочка, Серго рассказывает, что учится хорошо…

— А ты ее видела? — спрашивала Нина Матвеевна. — Нет? Не будет он ее любить. Не понимаешь разве, из-за чего он женится? Никогда не думала, что Алексей может так поступить…

Спустя несколько месяцев, когда мы вместе обедали у нас дома, Нина Матвеевна неожиданно вновь вернулась к больной для себя теме. Видимо, просто хотела с кем-то поделиться:

— Ужасная семья, Нина! Они меня не принимают. Я для них всего лишь портниха.

Мама опешила:

— Да что ты такое говоришь! Ты — мастер, ты — художник! Этого не может быть.

— Еще как может. Вы исходите из своего отношения к людям, а там совершенно другое. Они — элита, а я всего лишь портниха, человек не их круга. И в такую семью попал Алеша…

Признаться, оказавшись невольным свидетелем этого разговора, я тоже был несколько удивлен. Нина Матвеевна была не только замечательным мастером своего дела, очень образованным и интеллигентным человеком, но и настоящим художником. И уж смотреть на нее свысока у Хрущева, мягко говоря, никаких оснований не было. Скорей всего сказывалось отношение этой семьи к людям «не их круга» в целом, а не конкретно к матери зятя. В какой-то степени этот пример довольно точно характеризует нравы, царившие в Кремле и на Старой площади.

В отличие от большинства руководителей государства, отец

был человеком прямым и, что на кремлевском олимпе встречалось еще реже, искренним. Сужу об этом не только как сын, но и как свидетель его поведения в самых разных жизненных ситуациях.

Когда страну буквально потрясло недоброй памяти «Ленинградское дело», отец прямо сказал Маленкову:

— Ты ведь, Георгий, проделал то же самое, что и до войны в Белоруссии. Это тебе, поверь, еще аукнется…

Нельзя так! Не дело растворять невинных людей в политическом авантюризме!

Отец имел в виду участие Маленкова, как заведующего Орготделом ЦК, в массовых репрессиях тридцатых годов в Белоруссии. Маленков оправдывался:

— Что я… Это установка Сталина, ты должен понимать. — Нет, Георгий, спросят с тебя. Подумай, что делаете.

Не знаю, что осталось в архивах, но, думаю, документы об участии Маленкова, Хрущева, других высокопоставленных партийных чиновников в массовых репрессиях должны сохраниться.

И вновь говорю об этом отнюдь не в оправдание Сталина. Каждый, считаю, должен отвечать за собственные поступки, а не делить вину с кем-то. Знаю, что уже — после окончания репрессий Хрущева не могли остановить — Украина буквально стонала от беззакония. Сталин даже отправил ему записку: «Уймись, дурак!»

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Обвинение и обоснование ареста брались буквально с неба. Смотрели в небо или в зависимости от того, какое ухо почесалось и такие акции направляли против тысяч людей. Подобное поведение характерно не только для Ворошилова, а, допустим, и для Молотова.

В 1937 г., в пик репрессий, определяли эту политическую линию Сталин, Молотов, Ворошилов, а при них бегал подпевалой на цыпочках и крутил хвостом Каганович. Каганович не был таким, как Молотов, но хотел быть даже злее Молотова. Ближе к Сталину стоял Молотов. Хотя Каганович тоже был очень близкий к нему человек, и Сталин выставлял его за классовое чутье, за классовую непримиримость к врагам как эталон решительного большевика. Мы-то хорошо знали, что это за «решительность». Ведь это тот человек, который даже слова не сказал в защиту своего брата Михаила, и Михаил покончил с собой, когда у него уже не оставалось выхода, а ему предъявили обвинение, что он немецкий агент и что Гитлер метит его в состав российского правительства. Просто бред! Что может быть нелепее: Гитлер

намечает еврея Михаила Кагановича в правительство России?.. Лазарь Каганович не возвращался к трагедии своего брата, когда уже выяснилось, что произошла грубая ошибка. Ни Сталин, ни кто-либо другой иной не возвращались к этой истории. Просто был раньше Михаил Каганович, нарком авиационной промышленности, и не стало его, так что вроде бы и не было. Это характерно для Лазаря Кагановича. Как же он лебезил, как подхалимничал перед Сталиным после данного случая, боясь за себя!»

Верхом лицемерия считаю выступления Хрущева и других, осуждавших Сталина и массовые репрессии. Делали они это отнюдь не ради восстановления справедливости, все было гораздо проще — никто из них не хотел и не собирался отвечать за содеянное.

Не думаю, что Маленков был законченным негодяем, получавшим удовольствие от массовых арестов и казней невинных людей. Видимо, другие люди партийному аппарату тогда просто были не нужны, а Маленков, как и многие другие, плоть от плоти этого аппарата. В 18 лет вступил в партию. Службу в Красной Армии начал в политотделе со скромной должности писаря. Не окончив Московское высшее техническое училище, переходит на техническую работу в ЦК ВКП(б). Протокольный секретарь Политбюро, заведующий сектором кадров в секретариате Генерального секретаря, заведующий Орготделом Московского комитета партии (Каганович — первый секретарь), заведующий отделом ЦК, секретарь ЦК… Типичная карьера типичного партийного аппаратчика. Наверное, более удачливого, чем остальные, но — такого же. Есть подходящее выражение: «Колебался вместе с линией партии». Когда партия брала курс на репрессии — он тут же рвался в бой, осуждала этот курс — осуждал и он. Точно так же поступали и тысячи партийных работников в республиках, областях, районах. А когда пришло время как-то объяснить стране преступления Системы, вместе с родной партией поспешили уйти от ответственности. Благо, партия никогда и нигде ее на себя не брала. Точно так же, как Ворошилов санкционировал аресты военных, поступал и Хрущев. Без его санкции, как партийного руководителя, ни в Москве, ни на Украине аресты не проводились. А «Ленинградское дело», «Дело врачей» и другие подобные «дела»? Словом, крови на высшем эшелоне партии было предостаточно. Именно ЦК, и в особенности Орготдел ЦК, раскручивал колесо репрессий, что, разумеется, не снимает ответственности со Сталина как главы государства и Генерального секретаря ЦК.

Говорят, что Сталин, то ли сознавая, что его руки по локоть в

крови, то ли подчиняясь инстинктивному страху перед возмездием, опасался появляться перед народом и вместо себя выставлял на трибуну двойников. Называют даже фамилию одного из них — уроженца Винницы Евсея Лубицкого. Вот уже несколько лет из одной газеты в другую кочуют рассказы об этом двойнике кремлевского диктатора. Ссылаясь на его воспоминания, журналисты утверждают, что органы НКВД уничтожили семью Лубицкого, самого же превратили в «Сталина N 2». Почти до самой смерти главы государства он якобы поднимался в дни всенародных праздников на трибуну Мавзолея, встречался с иностранными делегациями, появлялся на официальных приемах, что крайне раздражало Молотова, Кагановича, Ворошилова, Хрущева и остальных.

Конечно, это еще один миф. Ни у Сталина, ни у моего отца, ни у других членов Политбюро двойников никогда не было. Технически, так сказать, здесь ничего сложного, разумеется, нет. Была бы необходимость — подобрали бы таких людей, но этого не было. Для безопасности Сталина и его окружения принимались другие достаточно эффективные меры. Я бывал, наверное, на всех сталинских дачах, не раз встречался с ним в самые разные годы, вплоть до его смерти, и заявляю совершенно официально: все это выдумки. Да и насколько знаю, служба безопасности Украины и, в частности, ее управление по Винницкой области так и не подтвердили за эти годы сам факт существования легендарного Евсея Лубицкого.

Выдумок о Сталине с годами все больше. Бытует даже такая версия: Сталин, мол, умер еще осенью 1952 года, но сподвижники растерялись и смерть вождя от мира скрыли. Из Кремля тогда же убрали Власика, Поскребышева, дабы не было утечки государственной тайны… И это ерунда. В пятьдесят втором я видел Сталина раз 15, в том числе и на заседаниях Президиума ЦК, где обсуждались военно-технические вопросы. Да и со Светланой, его дочерью, по нескольку раз в неделю встречались. Видел его и в начале 1953-го.

В конце жизни он бросил курить. Как-то обратился к моей маме с такой просьбой. В Тбилиси жил врач нашей семьи Кипшидзе. Замечательный доктор! Сталин о нем слышал, вот и попросил пригласить того в Москву. Кипшидзе действительно приехал, обследовал Сталина, но стать личным врачом Иосифа Виссарионовича отказался. Годы, мол, уже не те, тяжело… Думаю, просто побаивался, зная судьбу приближенных врачей…

Теперь о покушениях на Сталина. Ни одного покушения — знаю это совершенно точно — не было, вернее, не было допущено. В Тегеране немецкая разведка планировала похищение

или убийство Сталина, но чем все закончилось, известно — благодаря усилиям советской разведки заговор против «Большой тройки» был раскрыт и руководители Великобритании, США и СССР не пострадали.

В конце сорок второго года дезертир Савелий Дмитриев произвел на Красной площади несколько выстрелов по машине, выехавшей из Спасских ворот Кремля. Засада была устроена на Лобном месте. Это была машина Микояна. Никто тогда не пострадал, а террориста тут же охрана забросала газовыми гранатами.

Сам Дмитриев показал на следствии, что готовил покушение на Сталина. Отец считал, что бывший красноармеец Дмитриев, возможно, считал себя пострадавшим от Советской власти, но доминировали все же иные мотивы — психические отклонения у дезертира Дмитриева безусловно были.

Допускаю, что планировались и другие покушения, но они пресекались органами безопасности или на стадии подготовки таких акций, или сами террористы отказывались от них, не доводя дело до реализации своих намерений.

Из официальных источников:

Террорист Дмитриев был задержан на Красной площади 6 ноября 1942 года. 25 августа 1950 года по приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР был расстрелян.

По данным бывшего КГБ, одно из покушений на Сталина готовило и Главное управление имперской безопасности (РСХА). Террористический акт под кодовым названием «Цеппелин» планировался на осень 1944 года.

Большой транспортный самолет приземлился на территории Смоленской области 6 сентября 1944 года. При заходе на посадку его якобы засекли посты ПВО и сообщили органам безопасности. Тут же по тревоге была поднята оперативная группа, перекрыты дороги и в результате непродолжительного поиска задержаны двое немецких агентов, в том числе исполнитель акции 33-летний Петр Иванович Шило, уроженец Черниговской области, сын кулака. При себе террорист имел документы на имя майора военной контрразведки «СМЕРШ» Таврина, к слову, Героя Советского Союза, и само орудие несостоявшегося преступления — «панцеркнакке». В виде стальной трубки оружие крепилось на правой руке, а кнопки и провода на левой приводили реактивный снаряд в действие. Предполагалось, что покушение удастся провести во время движения бронированного автомобиля Сталина по одной из московских улиц.

Вместе с Шило-Тавриным была задержана и его напарница в

форме младшего лейтенанта.

В разные годы о том неудавшемся покушении писали и бывшие чекисты, и журналисты, причем многие детали операции «Цеппелин» явно противоречили друг другу. По одной из версий, изложенной бывшим капитаном Назаровым, фамилия человека, представлявшегося майором «СМЕРШ» Тавриным, Политов. При допросе в райотделе НКГБ (в других источниках — НКВД) диверсант достал немецкие сигареты, чем и выдал себя. Не правда ли, звучит странно? Неужели трофейные сигареты могли разоблачить террориста? А куда же подевалось орудие преступления?

Словом, вся эта история наводит на некоторые размышления.

Мне не приходилось слышать о ней. Думаю, о таком громком деле многие бы знали.

И все же намерения устранить Сталина у гитлеровских спецслужб были.

Из мемуаров шефа политической разведки Германии Вальтера Шелленберга:

«Риббентроп встал и, подойдя ко мне, с очень серьезным видом потянул меня в угол.

— Одну минуточку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гиммлера, об этом не знает. — Остановив на мне пристальный взгляд, он продолжал: — Нужно убрать Сталина.

Я кивнул, не зная, как реагировать на такое заявление. Риббентроп объяснил мне, что весь режим в России держится на способностях и искусстве одного человека и этим человеком является Сталин».

По словам Шелленберга, Сталина должны были убрать на одной из конференций. Вполне понятно, что речь идет о Тегеранской конференции, состоявшейся в 1943 году. Предпринималась, утверждает шеф гитлеровской политической разведки, и еще одна попытка:

«После обсуждений с Гитлером Гиммлер предложил свой план, очень напоминавший план Риббентропа. В соответствии с ним, наши специалисты изготовили мину для убийства Сталина. Мина размером с кулак имела вид кома грязи. Она должна была быть прикреплена к машине Сталина. Мина имела запал, управлявшийся с помощью коротковолнового передатчика, и была настолько мощной, что когда при испытании мы ее взорвали, то от нашей машины почти ничего не осталось. Передатчик был размером не более пачки сигарет и мог

подорвать мину на расстоянии до одиннадцати километров.

Двое бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся до войны в течение долгого времени в ссылке в Сибири, взялись выполнить это задание (один из них был знаком с механиком из гаража Сталина). Ночью на большом транспортном самолете они были доставлены к тому месту, где, по сообщению, переданному нашими агентами, находилась ставка Сталина. Они спрыгнули с парашютами и, насколько мы могли установить, точно приземлились в указанном месте. Однако это было последнее, что мы о них слышали, хотя оба имели коротковолновые передатчики. Я не уверен, что они вообще попытались выполнить задание, более вероятно, что очень скоро после приземления они были схвачены или же сами сдались органам НКВД и рассказали о задании».

Загадка остается?

Бытует мнение, что для сближения со Сталиным мой отец, как пишут, «искал и другие пути». Утверждают, что его двоюродная сестра Александра Накашидзе длительное время работала хозяйкой в доме Сталина… Секрета здесь нет, есть неточность.

Мы жили еще в Тбилиси, когда Сталин обратился к отцу с просьбой подыскать женщину, которая бы согласилась присматривать за Светланой, оставшейся без матери. Светлане было тогда лет десять.

Среди десяти-пятнадцати кандидатур, предложенных Сталину, он остановил свой выбор на Накашидзе. К слову, она не сестра отца, а какая-то дальняя родственница. Но дело даже не в этом. Решал, как вы понимаете, Сталин. Позднее я читал где-то, что она была майором государственной безопасности. Этого я не знаю, не интересовался, честно говоря. Но вполне допускаю. Все сотрудники, обслуживавшие Сталина и его семью, имели воинские звания. Так было и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве. Объяснение простое — таким образом люди имели право на льготы, доплату за воинское звание и т. д.

Когда Светлане исполнилось 16 лет, Александра Накашидзе решила возвратиться в Грузию. Иосиф Виссарионович с большой благодарностью ее отпустил. Она вернулась на родину, вышла замуж. Вот и вся история о «внедрении» дальней родственницы отца в дом Сталина. Вспомнили о ней в 1953 году, когда искали компромат на моего отца.

Я уже говорил, что вместе с родителями, да и сам бывал в доме Сталина. Знал его детей. Со Светланой даже были приятельские отношения.

Судьба ее, как известно, не сложилась. Потеряла семью,

детей. Как личность, считаю, она предала отца, которого любой ценой пыталась обелить. Я считаю, что в таких случаях надо что-то доказывать собственной жизнью…

Что представлял из себя Василий Сталин? В сорок четвертом Сталин решил послать несколько человек на стажировку в Англию. Старшим группы назначил меня. Я отказался. Дайте, говорю, возможность доучиться в академии. Тогда Сталин впервые в жизни меня обругал:

— Ты такой же упрямый, — сказал, — как и вся ваша семья. А я, если честно, отказался не только потому, что действительно хотел окончить Военную академию, но и еще по одной причине. В группу входил Василий Сталин. Очень душевный парень, но уже тогда был неуправляемым. Спросили бы с меня…

Его погубило, убежден, окружение. Я находился в ссылке, когда он погиб. На похороны меня не пустили.

(По официальной версии младший сын Сталина скончался от алкоголизма 19 марта 1962 года в Казани, куда был сослан, после выхода из Лефортовской тюрьмы. Похоронен на Арском кладбище в Казани под фамилией Джугашвили. Впервые был арестован 28 апреля 1953 года и содержался во Владимирской тюрьме под именем Василия Павловича Васильева.) В годы войны сын Сталина дорос от выпускника школы летчиков до командира дивизии. В 20 лет — полковник, в 24 года — генерал-майор, в 27 — генерал-лейтенант… Командир авиакорпуса, командующий ВВС Московского военного округа… Думаю, Сталин понимал, чем может обернуться такой феерический взлет? Как-то вышел такой разговор. Сталин упрекал в чем-то Василия, а я рядом стоял.

— Посмотри, — говорит, — на Серго. Академию окончил с отличием, адъюнктуру, аспирантуру. А ты-то почему не учишься?

Василий огрызнулся:

— Ты-то сам академий не кончал, вот и я обойдусь.

О неуправляемости Василия достаточно много написано, в том числе и теми людьми, кто сам этому способствовал. Что-либо добавить к этому трудно.

Смерть отца на него конечно же подействовала. Стал пить еще больше, не очень следил за тем, что говорил. В 1953 году получил первый срок — восемь лет. Официальная версия — превышение власти, злоупотребления. Во второй раз его отправили в тюрьму после автомобильной аварии. Знали ведь, что ему пить нельзя, но напоили, посадили за руль. Снова тюрьма, ссылка.

Моя мама писала Светлане Аллилуевой из Свердловска: «Отправь его к нам». Я бы помог ему с работой и распоясаться бы не дал. Но Светлана ответила, что поздно вести такие разговоры.

«Даже я, — писала, — справиться с ним не могу. Он пропащий человек».

На похороны я не попал, но из писем общих друзей узнал, что Василия убили в драке ножом. До сих пор жалею, что не удалось вырвать его на Урал. Возможно, все сложилось бы для него в конечном счете совершенно иначе.

Якова Джугашвили, старшего сына Иосифа Виссарионовича (от первой жены), я знал меньше — он был старше меня. Мы встречались и дома у них, и на даче Сталина. По характеру он резко отличался и от Васи, и от Светланы. Его мать умерла от чахотки, когда Сталин находился в ссылке. Якова воспитали родственники Екатерины Сванидзе.

Родился Яков в Баку в 1908 году. Учился в Институте инженеров транспорта, в должности инженера работал на заводской электростанции, в 1937 году поступил в Артиллерийскую академию РККА. В мае сорок первого попал в войска, а через несколько дней после начала войны уже участвовал в боях. 4 июля сорок первого командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, попал в окружение и вместе с тысячами других командиров и бойцов оказался в плену. И точно так же, как и миллионы людей, он мужественно перенес все ужасы плена. Не сломили его ни пытками, ни уговорами. Яков Джугашвили отверг все предложения и немцев, и власовцев и чести воина не уронил.

Бельгийский король Леопольд после освобождения — а он содержался в немецком плену вместе с Яковом — написал Сталину, что был свидетелем трагической гибели его старшего сына. Там, где держали Якова, был и Тельман. Как и Тельмана, Якова расстреляли. Расстреляли во дворе тюрьмы незадолго до подхода наших войск.

Мне не приходилось слышать о попытках освобождения Якова из немецкого плена, думаю, они и не планировались из-за бесперспективности подобной операции. Но разведка, знаю, располагала данными о перемещениях сына Сталина — его несколько раз переводили с места на место.

По сравнению с Яковом Джугашвили король Леопольд находился в привилегированных условиях. Немцы оставили его в живых. Впоследствии Леопольд написал Сталину, что видел Яшу во время прогулок. Что-то он знал о нем и от немецкой охраны.

То, что Сталин отверг предложение об обмене фельдмаршала Паулюса на сына, правда. При этом разговоре присутствовало довольно много людей.

Никаких указаний о посылке спецгрупп в Германию — это я знаю точно — Сталин тоже не давал. Но о поведении Якова в

плену Сталину было хорошо известно — разведка, как я уже говорил, такой информацией располагала.

О том, что Яков — сын Сталина, немцы узнали совершенно случайно. Попал он в плен раненым, и его узнал такой же раненый однополчанин. Бросился к нему. Рядом оказался немецкий осведомитель, он-то и сообщил, кто такой старший лейтенант Джугашвили.

Когда Сталину доложили, что семью Якова высылают, он сказал, что высылают десятки тысяч семей военнопленных и никакого исключения для семьи собственного сына он делать не может — существует закон. (Потом его осудили и отменили, как всегда с большим опозданием.) Из Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»:

«Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период были допущены грубые нарушения советской законности в отношении военнослужащих Советской Армии и Флота, оказавшихся в плену или в окружении противника. Советские воины в Великой Отечественной войне героически сражались с фашистскими захватчиками, честно и самоотверженно выполнили свой долг перед Родиной. Однако в силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все возможности к сопротивлению, оказалось в плену у противника. Многие военнослужащие попали ранеными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев или при выполнении боевых заданий в тылу врага.

Советские воины, оказавшиеся в плену, сохранили верность Родине, вели себя мужественно и стойко переносили тяготы плена и издевательства гитлеровцев… Несмотря на это и в нарушение советских законов по отношению к бывшим военнопленным проявлялось огульное политическое недоверие, широко применялись необоснованные репрессии и незаконно ограничивались их права. Военнослужащие, выходившие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись для проверки в специальные лагеря НКВД, где содержались почти в таких условиях, как и лица, содержавшиеся в исправительно-трудовых лагерях… С 1945 года все освобожденные и репатриированные военнопленные, даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны и в порядке наказания направлялись для

постоянной работы на предприятия угольной и лесной промышленности, находящиеся в отдаленных районах. Органы госбезопасности в послевоенный период продолжали необоснованно привлекать к уголовной ответственности бывших военнопленных, причем многие из них были незаконно репрессированы. Широкое распространение получили различные незаконные ограничения в отношении бывших военнопленных и их родственников в области трудового устройства, общественной деятельности, при поступлении на учебу, при перемене местожительства и т. п.

Грубые нарушения советской законности, допущенные по отношению к бывшим военнопленным, имели место прежде всего в результате преступной деятельности Берия, Абакумова и их сообщников, насаждавших массовый произвол и репрессии».

Еще одна ложь. Инициаторами репрессий против семей бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в плену, были партийные органы. На принятии соответствующего закона настаивали Щербаков, Хрущев, Маленков. Сталин пошел навстречу требованиям партийной верхушки и дал согласие.

Отец, заявляю это совершенно официально, никакого отношения к судьбе военнопленных не имел, так как считал, что наказания заслуживают лишь те, кто совершил какие-то преступления. Даже полицейские, не запятнавшие себя кровью, считал мой отец, заслуживают снисхождения. А карать людей, в силу не зависящих от них обстоятельств попавших в окружение и плен, нельзя. После его смерти партийная верхушка, включая Хрущева и Маленкова, и в трагедии бывших военнопленных без стеснения обвинила моего отца. Процитированный выше документ — тому подтверждение.

Я не знаю, носило ли поведение Сталина, отказавшегося спасти сына и его семью, показной характер или нет, но факт остается фактом. Сталин поступил так, а не иначе. Знаю от Светланы, что, когда ему доложили о пленении сына, он очень тяжело это переживал. Заметили это и окружающие. Светлана рассказывала, что он стал забирать ее по ночам к себе и часами вспоминал о детстве Якова. Он даже внешне изменился в те, безусловно, тяжелые для него дни.

Яша был цельный человек, который никогда ни перед кем не двурушничал. Таким я его запомнил. Внешне был очень сдержанный и медлительный. Противоположность Василию. Возможно, это от матери перешло. В Грузии, в горах, живут ратинцы. Считается, что мужчины там — рыцари, но несколько медлительны. Когда Яша медлил с какими-то решениями, Сталин иногда шутя называл его ратинцем.

В партию он вступил очень поздно, незадолго до начала войны. Считал, что не может состоять в партии, которая проводит политику массовых репрессий. Своей принципиальной позиции, насколько знаю, при этом не скрывал. Во всяком случае, и сам Сталин, и его окружение об убеждениях Якова хорошо знали. Кажется, в сороковом году у него состоялся такой разговор со Сталиным.

— Ты не можешь быть единственным из выпускников академии, оказавшимся вне партии, — сказал тогда Сталин. Не знаю, о чем они еще говорили, но после того разговора Яков вступил-таки в партию.

О его личной жизни знаю немного. Слышал, что не все складывалось у него, как хотелось, но жена у него, вопреки досужим домыслам, была порядочной женщиной.

По сообщениям западной печати, дочь Якова Джугашвили, Галина, живет в России. Ей 32 года, она замужем за алжирским коммунистом и работает переводчиком с французского.

Жена Якова, Юлия Исааковна Мельцер, родилась в Одессе в семье служащего и домохозяйки. По утверждению английской печати, четырежды была замужем, в том числе за заместителем наркома внутренних дел Украины Бессарабом. Все это домыслы, как и то, что Юлия Мельцер, скончавшаяся в 1963 году в Москве, была любовницей начальника личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Власика. Не выдерживает критики и описание западной прессой гибели Якова Джугашвили. Ряд источников со ссылкой на военнопленных английских офицеров утверждают, что старший сын Сталина покончил жизнь самоубийством, бросившись на колючую проволоку. Я читал, что после отрицательного ответа об обмене Якова на фельдмаршала Фридриха Паулюса, направленного председателю шведского Красного Креста графу Бернадоту, Юлия Мельцер находилась в заключении.

Мне кажется, что это не так — ее просто выслали из Москвы. Точно так же обошлись и с семьями остальных военнопленных.

Известно, что в годы Второй мировой войны немецкая пропаганда активно использовала сам факт пребывания сына Сталина в плену. После того как Яков Джугашвили был захвачен 16 июля 1941 года под Витебском четвертой танковой дивизией группы армий «Центр», гитлеровцы выпустили листовку такого содержания: «По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к нам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными.

Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен. Потому что всякое сопротивление германской армии бесполезно! Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Переходите и вы!» Тогда же немецкая пропаганда распространила еще одну фальшивку, опубликовав фотографию Якова, стоящего рядом с человеком, который якобы являлся сыном Молотова. Листовка должна была убедить сражающуюся Красную Армию в предательстве детей высших руководителей СССР. Сына у Молотова никогда не было, и опровергнуть ложь было нетрудно. То же можно сказать и о другом утверждении гитлеровской пропаганды, будто сестра Лазаря Кагановича Роза была женой Сталина. Судя по материалам допросов в немецком плену, сам Яков Джугашвили это отрицал…

Тут немцы решили сыграть на антисемитизме. Сестра или племянница Кагановича в действительности не была женой Иосифа Виссарионовича, но ребенок от Сталина у нее был.

Сама она была очень красивой и очень умной женщиной и, насколько мне известно, нравилась Сталину Их близость и стала непосредственной причиной самоубийства Надежды Аллилуевой, жены Иосифа Виссарионовича…

Ребенка, росшего в семье Кагановича, я хорошо знал. Звали мальчика Юрой. Помню, спросил у дочери Кагановича:

— Это твой братик?

Она смутилась и не знала, что ответить. Мальчишка очень походил на грузина. Мать его куда-то уехала, а он остался жить в семье Кагановича. Как сложилась его судьба после 1953 года, я не знаю. Не приходилось больше слышать и о племяннице Кагановича…

Сложными, очень непростыми были взаимоотношения Сталина и Берия — этих двух исторических фигур. Думается, что в какой-то мере мои свидетельства приблизят нас к истине. Уверен в том, что время и только время все рассудит и прольет свет на отношения главы государства и одного из его ближайших соратников.

Лубянка: карающий меч партии?

По данным Министерства безопасности России, с 1917 по 1990 год на территории бывшего СССР по обвинению в государственных преступлениях было осуждено почти 4 000 000 человек, 827 995 из них приговорены к расстрелу. На самом же деле число тех, кто попал под «красное колесо», неизмеримо больше. Среди жертв коммунистической тирании — миллионы членов семей «врагов народа», раскулаченные крестьяне, депортированные… Точной цифры сегодня, похоже, не знает никто, но пепел погибших стучит в наши сердца…

Когда уже после войны вновь начались репрессии, отец, помню, с горечью сказал:

— Это уже третий виток… Грязная вещь — политика… Как-то я спросил у него:

— Но ведь и при тебе честные люди оказывались в тюрьме.

— Понимаешь, — ответил отец, — какие бы люди ни были в репрессивном аппарате, они всегда ищут врагов. Раньше ЧК видело их в купцах, помещиках, дворянах, сейчас ищут среди своих. Мы заменили в НКВД очень многих людей, но попробуй остановить маховик репрессий, если его раскручивали столько лет…

К несчастью, отец стал наркомом внутренних дел в то страшное время. Возглавив НКВД после Ягоды и Ежова — а это был конец 1938 года — он попытался сразу же затормозить колесо репрессий. Наверное, Сталину и нужен был в тот период такой человек. Хотя в самом Политбюро настроения были другие. С изменением курса были не согласны Жданов, Ворошилов, Молотов…

Из воспоминаний сына В. П. Чкалова Игоря:

«После первой сессии Верховного Совета СССР 1938 года Сталин позвонил Чкалову домой около двух часов дня и пригласил приехать в Кремль. Встретил, пожал руку, усадил в кресло рядом с собой и сразу приступил к делу: Политбюро считает, что пора Чкалову переходить на другую — партийную, государственную — работу. Все понимают, что давно пора расчистить ежовщину. Вот партия и считает, что наркомом внутренних дел, а по совместительству и наркомом водного транспорта (как и Ежов в то время) должен стать Валерий Чкалов. Отец резко ответил: водный транспорт для него еще куда ни шло, но вот НКВД! Сталин на это заметил, что любит чкаловскую справедливость, умение хорошо разбираться в людях. Валерий Павлович молод — ему всего тридцать четыре. В НКВД придется

поработать года два-три, пока не наведет там порядок, а потом планируется создать единый Наркомат транспорта. В помощники Чкалову назначают Берия и Меркулова.

Отец просил дать возможность испытать поликарповский И-180, который лет на 5–6 вперед обеспечит нашу авиацию грозным оружием. А уж потом любое задание партии. Сталин ставил одно условие: с этого дня без его, Сталина, личного разрешения в воздух не подниматься. Расстались они на том, что вопрос о новом назначении окончательно будет решаться в конце декабря 1938 года.

Действительно ли хотел Сталин этого назначения или это какая-то непонятная игра?»

Далее, нетрудно догадаться, сын легендарного летчика делает прозрачный намек:

«Об обсуждении на Политбюро кандидатуры моего отца Берия в Ежов знали, разумеется. Прекрасно знали они и об отношении Сталина. Берия не мог не понимать, что и в качестве наркома транспорта отец будет для него опасен…»

В декабре того же года Валерий Чкалов погиб. Следовательно, продолжая рассуждения его сына Игоря, не обошлось без козней «конкурентов». Увы, какого-либо подтверждения версия, изложенная И. Чкаловым, не находит. Начнем с того, что Н. Ежов был освобожден от должности наркома внутренних дел лишь в декабре 1938 года. Позднее, до ареста, действительно возглавлял Наркомат водного транспорта. Арестовали его лишь весной 1939 года. Чкалову же предлагается возглавить сразу оба Наркомата — НКВД и НВТ. «Как и Ежов в то время…» Это первая неточность.

Серьезные сомнения вызывают и слова Сталина, что, дескать, пора расчистить ежовщину. Преступником Ежова назовут лишь много времени спустя, пока же массовые репрессии никто не ставит ему в вину. Напротив, Ежов еще на коне. Да, он уже обречен, и Сталин скорее всего принял роковое для наркома решение, но при чем же здесь летчик Чкалов? Ежов еще нарком НКВД, а Чкалову уже предлагают занять пост, на который только собираются назначить… Ежова. Словом, полная несуразица. Скорее всего, речь идет об очередной легенде.

А решение в декабре 1938 года действительно состоялось. Официальное решение. На самом деле Сталин принял его гораздо раньше…

Здесь, видимо, надо сделать отступление, а точнее, небольшой экскурс в историю и рассказать о предшественниках моего отца. Относился он к ним по-разному. Скажем, Берия, грузин по национальности, был убежден, что ставить во главе

карательных органов нерусских людей в принципе неверно. А ведь так было с первых дней существования Советского государства.

— Это серьезная политическая ошибка, — говорил отец. — И еще большая ошибка — назначение русских на подобные должности в национальных республиках.

Впоследствии отец не раз доказывал, что неизменно находится на этой позиции.

Дзержинский, Менжинский, Ягода были участниками революции, пользовались доверием тогдашнего руководства партии и страны, но доверяли ведь не только полякам… Почему же во главе ЧК — ГПУ — НКВД оказывались именно эти люди? Объяснение простое: это была политика большевистской власти. Начиная с Ленина, партия, грубо говоря, руками инородцев давила основную массу людей. Давила политически. И это, убежден, не случайно…

Как-то у нас с отцом зашел разговор о Феликсе Дзержинском. Отец высоко отзывался о первом председателе ВЧК, как хорошем организаторе. Уже будучи тяжело больным, Дзержинский — отец этот факт подчеркивал особо — сумел в условиях послевоенной разрухи наладить работу транспорта в такой огромной стране. Другими словами, вне всяких сомнений, это была личность неординарная, сильная. Вместе с тем отец рассказал мне об одном поразившем его факте из биографии Феликса Эдмундовича. Огласке его никогда не предавали и впоследствии.

— Дзержинский, — рассказывал отец, — был человеком порядочным, но иногда такая внутренняя порядочность, любовь к близким толкали его на необдуманные поступки. Его семья жила в эмиграции, и он решил ее разыскать. В нормальных условиях это желание вполне объяснимо, но Дзержинский уехал, когда решалась судьба молодого государства. Белый террор, вооруженные заговоры, а он все бросил и уехал, не сказав ни слова ни Ленину, ни членам ЦК, и отсутствовал два месяца. Случай беспрецедентный! Как объяснить? Два месяца страна жила без председателя Всероссийской ЧК. Попробовал бы сейчас кто-нибудь такой фортель выкинуть…

О Вячеславе Менжинском, возглавлявшем ОГПУ с 1926 по 1934 год, отец рассказывал, что это был очень больной человек, который мало занимался непосредственными делами. Где-то читал, что Менжинский знал до прихода в органы безопасности 12 языков и на новом месте еще несколько выучил. Мне об этом слышать не приходилось, и вообще я сомневаюсь, что в тех условиях это было возможно. Впрочем, дело не в этом. Каким бы образованным ни был человек, сменивший Дзержинского на

посту главы карательного ведомства, оправдать это назначение невозможно: вновь во главе органов государственной безопасности был поставлен инородец.

В 1934–1936 годах наркомом внутренних дел был Генрих Ягода.

Из официальных источников:

Генрих Ягода. Народный комиссар внутренних дел СССР с 1934 по 1936 год.

Родился в 1891 году в семье Григория Ягоды, мелкого ремесленника. По некоторым данным, отец будущего палача был не часовым мастером, а аптекарем. Ряд источников свидетельствуют, что настоящее имя отца наркома — Гирш Филиппович Ягуда или Иегуда.

В РСДРП с 1907 года. Арестовывался за революционную деятельность, два года находился в ссылке. В 1915 году был мобилизован в армию, где входил в военную организацию большевиков. Активный участник Октябрьской революции в Петрограде. После октября 1917 года работал в Высшей военной инспекции РККА, участвовал в гражданской войне на Южном и Юго-Восточном фронтах. С 1919 года — член коллегии Наркомата внешней торговли, с 1920 года — член Президиума ВЧК, с 1924 года — заместитель Председателя ОГПУ. Неоднократно встречался с В. И. Лениным. Удостоверения об утверждении Генриха Ягоды членом коллегии Наркомата внешней торговли и коллегии ВЧК подписаны лично В. Ульяновым-Лениным.

На XVI съезде партии Генрих Ягода избирается кандидатом в лены ЦК ВКП(б), на XVII съезде — членом Центрального Комитета. Был членом ЦИК.

Обвинялся в сотрудничестве с царской охранкой, но Сталин счел представленные материалы неубедительными. Так как в свое время почти все архивы были уничтожены, подтвердить обвинение не удалось, и Сталин приказал «никогда к этому вопросу не возвращаться».

В декабре 1927 года в связи с десятилетием ВЧК — ГПУ — ОГПУ награжден орденом Красного Знамени. Как говорилось в представлении в Президиум ЦИКа, «одним из активных работников и ближайшим помощником т. Дзержинского по созданию органов ВЧК-ОГПУ был т. Ягода Генрих Генрихович, проявивший в самое трудное для страны время редкую энергию, распорядительность и самоотверженность в деле борьбы с контрреволюцией. Одновременно в качестве начальника Особого отдела т. Ягода имеет большие заслуги в деле организации и

поднятия боеспособности Красной Армии. Ввиду этого Революционный Военный Совет ходатайствует о награждении т. Ягоды орденом Красного Знамени».

Впоследствии Г. Ягоду награждали не раз, в том числе орденом Ленина за участие в организации строительства Беломоро-Балтийского канала, который строили в основном заключенные.

В ноябре 1935 года стал первым из наркомов внутренних дел, кому было присвоено звание генерального комиссара госбезопасности. Ни Ф. Дзержинский, ни З. Менжинский, ни другие его предшественники специальных званий не имели.

При Г. Ягоде и под его непосредственным руководством проходили крупнейшие политические процессы, начавшиеся сразу же после убийства С. М. Кирова.

25 сентября 1936 года, находясь на отдыхе в Сочи, Сталин телеграфирует Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом (вместе со Сталиным отдыхал Жданов) назначение т. Ежова на пост наркомвнутдел. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

С 27 сентября 1936 года Г. Ягода — народный комиссар почты и телеграфа. 3 апреля 1937 года его освобождают от должности и выводят из состава ЦИКа, его имя снимается с Высшей пограничной школы и других учреждений и организаций. Начинается следствие по его делу.

На следствии и суде Г. Ягода признал, что участвовал в убийствах Кирова, Горького, Менжинского, Куйбышева, М.А. Пешкова (?), покушении на жизнь нового наркома внутренних дел Ежова, руководил правотроцкистским блоком «с целью свержения Советской власти и восстановления в СССР капитализма». Как ни странно, но иностранным шпионом Г. Ягода признать себя отказался. Скорей всего, Сталин и Ежов на этом особенно не настаивали.

15 марта 1938 года все 17 обвиняемых, в том числе первый нарком внутренних дел РСФСР А. И. Рыков и Г. Г. Ягода, были расстреляны.

Все ближайшие родственники бывшего наркома в разные годы были репрессированы. Удалось спастись лишь сыну Генриху, 1929 года рождения. Он был осужден в 1949 году Особым совещанием при МГБ СССР и освобожден по амнистии в 1953 году. Впоследствии получил инженерное образование и под чужим именем вместе с семьей проживал на Украине.

Жена Ягоды — Ида Леонидовна, племянница Якова Свердлова, — была арестована и погибла в заключении.

Думаю, что жена Ягоды племянницей Свердлова все же не была, как принято считать. Во всяком случае, мне об этом слышать не приходилось. Своей карьерой Ягода обязан явно не Свердлову. Дзержинский, Менжинский… Вообще в органах безопасности с самого начала их существования было много инородцев из поляков, так что выдвижение Ягоды понятно в какой-то степени.

Пишут нередко, что он был евреем. Возможно. Ни подтвердить, ни опровергнуть я это не могу. У нас дома на эту тему никогда не говорили.

Ягоду я знал. Как и Ежов, он был очень приветлив с нами, всячески обхаживал моего отца. Когда мы приезжали из Тбилиси в Москву, Ягода был само радушие — предоставлял квартиру, машину. Словом, как и Ежов, очень хотел числиться у отца в больших друзьях. Оба знали, что отец на хорошем счету у Кирова и Орджоникидзе…

На том уровне не было секретом, что отец пользуется колоссальной поддержкой Кирова и Орджоникидзе. Оба рассматривали моего отца как своего ученика, и, скрывать не буду, это по их инициативе проходили все его назначения в 20—30-е годы. Отец не без основания считался знатоком грузинских проблем, а Орджоникидзе и Кирова связывало с Грузией, Закавказьем многое. Так что ничего удивительного, что они следили за его карьерой, нет.

От отца знаю, что на XVII съезде его ввели в состав ЦК (он не был даже кандидатом в члены ЦК) по инициативе Сергея Мироновича Кирова и при активной поддержке Серго Орджоникидзе. Видимо, они сумели убедить тогда Сталина, потому что последнее слово было за ним…

Ягода был неглупым человеком и в силу должности столь же информированным. Он прекрасно знал, кто поддерживает отца, и вполне мог прогнозировать его дальнейшую карьеру. В таких случаях — а это был общепринятый метод! — всячески подчеркивалось дружеское расположение, на деле же накапливался материал на того или иного политического деятеля. И Ягода не был здесь исключением. Людей специально арестовывали и выбивали материалы на тех, кто мог оказаться конкурентом. При случае «компромат» мог быть положен на стол Сталину или доложен Политбюро. Исход предсказать нетрудно…

Еще задолго до перевода моего отца в Москву арестовывались невинные люди, чьи «признания о Берия» Ягода клал пока под сукно, надеясь при случае с ним расправиться. Причем, как

правило, в свидетели и «соучастники» брали руководителей высокого ранга. Отец рассказывал, что именно так расправились со вторым секретарем ЦК Грузии Кудрявцевым, большим другом моего отца. После прихода в НКВД СССР отец затребовал материалы по его делу. Основной лейтмотив допросов был такой: «Дай показания, что Берия — троцкист!» К чести Кудрявцева, никакие пытки его не сломили, и показаний на моего отца он не дал.

Этими же методами — а это были партийные методы! — действовал и предшественник отца на посту наркома внутренних дел Николай Ежов.

Из официальных источников:

Николай Ежов. Народный комиссар внутренних дел СССР с 1936 по 1938 год.

Родился в 1895 году в Петербурге. Рабочий. После февраля 1917 года вступает в большевистскую партию. В годы гражданской войны — военный комиссар. С 1922 года — секретарь Семипалатинского губкома. Казахского краевого комитета партии. С 1927 года — в ЦК ВКП(б): заведующий Распределительным отделом. Отделом кадров ЦК ВКП(б).

Член ЦК ВКП(б) с 1934 года (избран на XVII съезде, вошедшем в историю как съезд расстрелянных). Тогда же становится заведующим Промышленным отделом ЦК, членом Организационного бюро, заместителем председателя КПК при ЦК ВКП(б). С 1936 года — секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), заместитель председателя Комитета резервов Совета Труда и Обороны СССР. На VII конгрессе Коминтерна избран членом исполкома Коминтерна.

Как секретарь ЦК, непосредственно курировал НКВД, участвовал в подготовке политических процессов.

С 1 октября 1936 года — нарком внутренних дел. С января 1937 года — Генеральный комиссар государственной безопасности. В июле 1937 года награжден орденом Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий». Только в июне 1937 года Н. Ежов представил списки на 3170 политических заключенных к расстрелу. Тогда же Сталин, Молотов и Каганович их утвердили.

Освобожден от должности наркома внутренних дел, как писали тогда газеты, «согласно его просьбе», в декабре 1938 года. Впоследствии — нарком водного транспорта. 10 апреля 1939 года арестован по обвинению в руководстве заговорщической

организацией в войсках и органах НКВД, шпионаже в пользу иностранных разведок, подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства, вооруженного восстания против Советской власти.

Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР 3 февраля 1940 года осужден к исключительной мере наказания. Расстрелян 4 февраля.

Приемная дочь (детей у наркома не было) живет под чужим именем.

Как-то, вспоминаю, Ежов приехал к нам домой вместе с женой. Был уже нетрезв.

— Что же, — сказал за столом. — Я все понимаю, моя очередь пришла…

Ежов успел отравить жену. Может, и не по-человечески это звучит, но в какой-то мере ей повезло — избежала всех тех страшных вещей, которые ее ожидали.

Оправдать людей, повинных в массовых репрессиях, нельзя. Но главный виновник — Система, породившая беззаконие. Я уже говорил о тех отношениях, которые связывали карательные органы с ЦК, о постыдной роли Орготдела ЦК, направлявшего репрессии. Ни одно действие политического характера без Орготдела ЦК не принималось. Ежов — не лучше и не хуже других. И он — оттуда, из ЦК, и Маленков, курировавший органы безопасности, как член Президиума ЦК, тоже оттуда. Маленкова, кстати, хотели сделать наркомом внутренних дел после Ежова. И это было бы вполне логично. Во все времена — так было и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве — должность главы карательного ведомства считалась политической. Отсюда назначение Ежова, позднее — Игнатьева и других партийных работников. Профессионалы разведки и контрразведки приходили на эту должность редко. Кроме отца, могу назвать совсем немногих. Как правило, будущие руководители этого ведомства делали карьеру в ЦК КПСС. Партийный аппарат управлял органами безопасности всегда и никогда ни на день, ни на час не выпускал их из-под неослабного контроля. Я бы назвал этот контроль без преувеличения тотальным. Разве можно согласиться с тем, что органы когда-либо «ставили себя над партией»? Не было этого и не могло быть. «Карающий меч партии». Более чем откровенно сказано на мой взгляд. Именно партии!

Отец категорически не хотел идти на должность наркома. Политбюро возвращалось к этому вопросу дважды. Но так или иначе отец вынужден был согласиться, предварительно получив

согласие на свои условия. Лишь один факт, который не рискуют опровергнуть даже обливающие его грязью недобросовестные историки. Уже 17 ноября 1938 года вышло постановление, осуждающее преступные методы следствия, насажденные задолго до прихода отца в НКВД. Появление этого документа непосредственно связано с его требованиями. И Сталин, и Политбюро с этим согласились.

Пресловутые «тройки» и «двойки» — тоже «детище» большевизма. Утверждены они были секретной партийной директивой от 27 ноября 1936 года. Обычно в них входили секретарь обкома и райкома партии, начальник отдела НКВД, прокурор. Сразу же после прихода моего отца на должность наркома внутренних дел «тройки» были ликвидированы.

Как мог, отец всю жизнь боролся со внесудебными органами, но, подчеркиваю, все они были созданы задолго до перевода моего отца в Москву. Скажем, печально известное Особое совещание при НКВД СССР (позднее — при НКГБ и МГБ СССР) появилось на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года. По некоторым данным, оно осудило 442 531 человека, в том числе к высшей мере наказания — свыше десяти тысяч. В декабре того же тридцать четвертого ЦИК принимает постановление о рассмотрении в десятидневный срок дел по подготовке террористических актов без участия свидетелей. Рассмотрение дел Особым совещанием проходило не только без свидетелей, но и в отсутствие обвиняемых. Естественно, этим создавалась питательная среда для фальсификации материалов, полученных в ходе предварительного следствия, грубейшего нарушения законов.

А разве неизвестно историкам, что, скажем, на Украине концентрационные лагеря появились даже не в 1934-м или 1937 годах, а еще в 1920-м. Кстати, гораздо позднее, чем в России. Сохранились — и это сегодня известно — даже соответствующие указания Владимира Ильича: «Запереть в концентрационный лагерь!» Распоряжение было подписано главой молодого Советского государства и создателем большевистской партии еще летом 1918-го. После Октябрьского переворота не прошло и года…

Отец сумел убедить тогдашнее руководство страны, что физическое и иное насилие над арестованными ставит признание этих людей под сомнение и нарушает все международные конвенции. Вещи, безусловно, очевидные, но, наверное, добиться отмены подобного ведения следствия внесудебными органами было в тех условиях непросто. Партия, вернее партийная верхушка, от таких нововведений была, прямо скажу, не в

восторге. Отцу приходилось доказывать, обосновывать свои предложения. Разумеется, без поддержки Сталина здесь не обошлось, но, видимо, для себя все это он решил еще раньше. Отсюда и сам перевод моего отца в Москву.

Конечно, можно сегодня говорить о негодяях из НКВД, чьи руки по локоть в крови. Это они выбивали показания у арестованных, обрекали на гибель и годы лагерей невинных людей. Так было и при Ягоде, и при Ежове. Многие сотрудники с приходом моего отца в НКВД были уволены, многие разжалованы и осуждены. Но кто позволил, а вернее, толкнул на беззаконие? Конечно, партийная верхушка, на них же списавшая и все преступления.

Наверное, надо сказать и о тех, кто просто оказался тогда — в тридцать пятом, тридцать шестом, тридцать седьмом, тридцать восьмом — в такой ситуации. Были, безусловно, среди сотрудников НКВД тех лет и негодяи, и карьеристы, и подлецы, но никогда не поверю, что творили те же следователи зло из внутренних побуждений. Главный виновник — Система, они всего лишь исполнители преступных приказов. Говорю это не в оправдание аппарата НКВД. Грехов на нем предостаточно. Но главный виновник так и ушел от ответственности…

Механика взаимоотношений партийных органов и НКВД во все времена была такой: все материалы на ведение следствия поступали из ЦК, без этого, официально по крайней мере, следствие не начиналось. Какие-то оперативные мероприятия органы безопасности могли, конечно, вести и без этого, но без санкции ЦК дальше этого дело не шло. Имею в виду центральный аппарат НКВД. Аналогичный порядок существовал и в республиках, областях, районах. Скажем, санкцию на арест, ведение следствия местным управлениям и отделам НКВД давали секретари обкомов и райкомов партии. Они же непременно входили в так называемые «тройки».

В самих органах государственной безопасности, естественно, существовали, как и в любом другом ведомстве, партийные организации, но в более жесткой форме, я бы сказал. Так ведь было до последнего дня существования КГБ. Коллегия, Председатель Комитета и рядом — партком. Причем «выходили» местные партийные деятели на ЦК, минуя наркома. Своеобразный контроль. Впрочем, как и везде. Отец эту «самодеятельность» пресекал и считал, что НКВД не то ведомство, где можно позволять такие вещи. Здесь, считал он, своя специфика, режим секретности и, кроме того, особый режим ответственности. Ведь как бывало. ЦК вмешивался в какие-то вопросы, но ответственности, как всегда, нести ни за что не собирался.

Сотрудники, получавшие указания непосредственно от ЦК, начинали относиться к делу столь же безответственно. Мол, что я, пусть ЦК решает… Отца это возмущало. Он считал, что, как скажем, цековцев не подпускали к делам Генерального штаба, точно так же нельзя им влезать и в дела разведки или контрразведки. Надо отдать должное партийным органам: во все времена своим вмешательством они губили любое дело и создавали новые проблемы. Может, это единственное, где они преуспели…

В чем смысл многолетнего целенаправленного уничтожения собственного народа правящей партией? Начали с уничтожения дворянства, старой интеллигенции. Позднее это переросло в уничтожение уже новой, советской интеллигенции.

Репрессии всегда были целенаправленными. Уничтожали офицерство, купечество, дворянство, потом — духовенство. Потом дошла очередь до крестьянства, так называемого кулачества. После войны — новые жертвы. Выбиралась цель, а дальше все просто, по отработанной схеме. Но многое, безусловно, зависело от тех людей, кто стоял во главе карательных органов в тот период. Одни, как Ягода, Ежов, не только спешили выполнить новые партийные «установки», но и сами проявляли инициативу, другие, как мой отец, всячески мешали творить беззакония. Пусть не все, но многое удавалось. Как ни сопротивлялся партийный аппарат, а вынужден был порой отменять свои же решения.

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Когда Сталин высказал мысль, что надо заменить наркома внутренних дел Ягоду, поскольку тот не справлялся, он назвал взамен Ежова. Ежов был начальником по линии кадров в ЦК партии. Я его хорошо знал. Он производил на меня хорошее впечатление, был внимательным человеком. Я знал, что Ежов — питерский рабочий и с 1917 г. являлся членом партии. Это считалось высокой маркой — питерский рабочий! Когда Ежов был выдвинут в НКВД, я еще не знал глубоких мотивов этой акции и внутренней аргументации Сталина. Я-то лично неплохо относился к Ягоде и не видел, не чувствовал прежде какой-то антипартийности в его действиях. Но был назначен Ежов, и репрессии еще больше усилились. Началось буквальное избиение и военных, и гражданских, и партийных, и хозяйственных работников. Наркомат тяжелой промышленности возглавлял Орджоникидзе. Наркомат путей сообщения — Каганович. Там тоже шли повальные аресты людей. Между прочим, Ежов был в дружеских отношениях с Маленковым и вместе с ним работал. Так что последний не стоял в стороне от «ежовщины».

Здесь Хрущев действительно прав: высокопоставленный партийный чиновник Маленков весьма активно и настойчиво проводил репрессии. Но ведь и сам Хрущев, хотя и не пишет об этом, не только не восставал против творимого партией беззакония, но и был таким же, как Маленков, проводником ее идей, в чем так и не решился признаться до конца жизни. Конечно же и ему, и Маленкову, и остальным проще было «подставить» Ягоду, Ежова, списав на НКВД собственные грехи.

В отличие от большинства членов кремлевского руководства, отец не на словах, а на деле доказал, что не согласен с репрессивной политикой большевистской партии. К сожалению, я не знаю точных цифр, но речь идет о сотнях тысяч освобожденных из лагерей. Писал об этом и Константин Симонов:

«Назначение Берия выглядело так, как будто Сталин призвал к выполнению суровых, связанных с такой должностью обязанностей человека из Грузии, которого он знал, которому он, очевидно, доверял и который должен был там, где не поздно, поправить содеянное Ежовым. Надо ведь помнить, что те, кто был выпущен между концом тридцать восьмого и началом войны, были выпущены при Берия. Таких людей было много, я не знаю, каково процентное отношение в других сферах, но в «Истории Великой Отечественной войны» записано, что именно в эти годы было выпущено более четверти военных, арестованных при Ежове. Так что почва для слухов, что Берия, восстанавливая справедливость, стремился поправить то, что наделано Ежовым, была…

Начало деятельности Берия в Москве было связано с многочисленными реабилитациями, прекращением дел и возвращением из лагерей десятков, если не сотен тысяч людей… Часть освобожденных могли образовать питательную среду для поддержки его, Берия… Хотел приобрести дополнительную популярность…»

Никогда не поверю, что Константин Симонов, писатель-фронтовик и вообще порядочный человек, был здесь до конца искренним. Уж он-то отлично знал, что и как тогда произошло. То, что он написал, полуправда, хотя мало кто до него решался даже на это. Именно Берия стал для миллионов узников ГУЛАГа символом освобождения, о чем, кстати, многие помнят и по сей день. И еще. Слова о том, что делал это новый нарком ради собственной популярности в народе, отнюдь не новы. После смерти отца его недавние соратники навязывали народу именно этот образ. Опровергнуть доброе дело при жизни миллионов недавних зэков было невозможно, а посему и пришлось партийной верхушке использовать надуманные мотивы. Из-за

чего еще будущий «заговорщик» стремился к освобождению невинных людей. Конечно же готовил почву для переворота. Глупость, конечно, но в значительной степени сработало. Чем страшнее ложь, тем охотнее в нее верят… Так, кажется, учил своих товарищей по нацистской партии Геббельс? Как видим, методы отечественной партократии ничем не отличались от тех, которые использовали гитлеровцы.

Даже если допустить, что отец вынашивал какие-то планы, то и тогда освобождение миллионов, а речь действительно идет о миллионах людей, остается не шагом — рывком к восстановлению попранной справедливости. Но, разумеется, все это домыслы, и нет никаких оснований в чем-либо его обвинять здесь. Тогда, в 1939, 1940, 1941-м, он действительно сделал то, на что, будем честны и здесь, уже мало кто надеялся в истерзанной репрессиями огромной стране. Позднее, в 1942–1943 годах, было дополнительно освобождено и направлено в армию свыше 157 тысяч человек, а всего за три года войны были освобождены и переданы в армию 975 тысяч человек. Разумеется, речь не только о репрессированных по политическим мотивам, но и о тех, кто был осужден вполне обоснованно за уголовные преступления. К слову, именно таким путем попали в войска будущие Герои Советского Союза Матросов, Бреусов, Отставнов, Сержантов, Ефимов и другие…

Есть и другие цифры. В связи с угрозой немецкой оккупации подлежали эвакуации 750 тысяч заключенных. 420 тысяч из них были сразу же направлены в армию, многие освобождены. Но, разумеется, в такой ситуации вряд ли кто был в состоянии добиться в одночасье освобождения всех узников ГУЛАГа, репрессированных незаконно. Точных цифр нет и по сей день, но известно, что на 1 марта 1940 года из 1668 тысяч заключенных, содержащихся в лагерях НКВД за так называемые контрреволюционные преступления, было освобождено 28,7 процента. Если учесть, что освобождение этих людей продолжалось и в дальнейшем, то, по всей вероятности, уже к началу войны эта цифра была значительно меньше.

Вполне можно допустить, а по некоторым источникам так и было, сотни тысяч людей тогда, в 1939-м, спасти уже было невозможно. Лишь спустя десятилетия мир узнал и содрогнулся, что означали слова «десять лет без права переписки». Арестованные при Ягоде и Ежове люди даже не попадали в лагеря, а были почти сразу расстреляны. Позднее, уже во второй половине 50-х, их семьи получат извещения о смерти близких, якобы скончавшихся в лагерях ГУЛАГа в 1941, 1942, 1943-м и

других военных годах. На самом деле, прах их покоится в массовых захоронениях тридцатых годов.

Напомню: все эти преступления были совершены еще до того, как мой отец стал наркомом внутренних дел.

Но партийная верхушка умудрилась связать и эти трагические страницы нашей истории с именем человека, которого искренне ненавидела. Между тем ни одного массового захоронения репрессированных советских людей более позднего периода не обнаружено, а те, что широко известны и на Украине, и в Беларуси, и в России, датируются в основном 1937–1938 годами, то есть в период, когда органы внутренних дел возглавлял Николай Ежов.

Как-то, перечитывая мемуары Жукова, нашел там такие строки: «Тем более противоестественными, совершенно не отвечающими ни существу строя, ни конкретной обстановке в стране, сложившейся к 1937 году, явились необоснованные, в нарушение социалистической законности, массовые аресты, имевшие место в армии в тот год. Были арестованы видные военные, что, естественно, не могло не сказаться на развитии наших вооруженных сил и на их боеспособности». При всем уважении к великому полководцу согласиться с ним здесь невозможно: и лагеря, и расстрелы, и миллионы репрессированных, и другие чудовищные преступления органично «вписывались» в тоталитарную систему. Сам советский строй был с самого начала круто замешен на крови…

Так писал Георгий Константинович или нет — судить, естественно, трудно. Но, безусловно, это был порядочный человек и оправдать насилие ни при каких условиях не мог. Кто виновник злодеяний против собственного народа, он знал прекрасно, но кто позволил бы ему обвинить в этом партийную верхушку…

А то, что концлагеря, заложники, массовые расстрелы — порождение Системы, бесспорно. Помните, говорил нам Горбачев о социализме с человеческим лицом? Это как прикажете понимать? А разве жертвы, которые на совести большевистской партии, это не лицо того социализма, который мы пережили? Волосы дыбом становятся, когда читаешь, что принесла диктатура народу. А нас убеждают, что мы свернули с истинного пути при Сталине. Да ничего подобного! Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков были не лучше. Но не надо персонифицировать: тот плохой, этот плохой, но остальные, вся Система ни при чем. Так не бывает. Я не политик и никогда не стремился им быть, но, с моей точки зрения, здесь просматривается цепочка: одни убивают, потом их же убирают руками других… Какое там человеческое лицо у такого

социализма…

Некоторые историки, признавая, что постановление ЦК, осуждающее массовые репрессии, все же было (а принято оно по инициативе отца), утверждают, что и при нем продолжались закрытые групповые процессы. Это ложь. Единственное, чего до конца он не смог тогда добиться, это сразу освободить людей, осужденных военными трибуналами, Верховным судом. Пересмотр этих дел требовал времени и более аргументированного обоснования, что эти люди невиновны.

Вполне понятно, что аресты, пусть не в таких масштабах, продолжались и в тридцать девятом, и в сороковом годах, но не по инициативе НКВД, как теперь пишут, а по требованию Орготдела ЦК, личных указаний Сталина, решений Политбюро. Правда и то, что опоздавшие более чем на 20 минут и прогульщики тоже попадали в лагеря. Кто-то на месяцы, кто-то на годы. Согласен, что этого тоже делать не следовало, но давайте посмотрим, почему так произошло. 10 августа 1940 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о нарушителях трудовой дисциплины. Не приказ по НКВД, подписанный наркомом или его замами тому виной, не документ, рожденный в недрах карательного ведомства, а Указ Президиума Верховного Совета. Что мог в такой ситуации изменить нарком? Или что могли предпринять органы НКВД на местах? Впрочем, не секрет, что и сам Президиум Верховного Совета имеет к этому страшному документу весьма косвенное отношение — решала все партийная верхушка…

И все же кое-что, как я говорил, новому наркому удалось. Почему так и не был расстрелян, приговоренный к смерти, авиаконструктор Туполев, например? А Борис Львович Ванников, ожидавший расстрела в тюремной камере после вынесения приговора? Помню, отец рассказывал, как Сталин вспомнил о Ванникове. Жаль, говорит, что в живых его нет, вот кого не хватает… А Ванников вопреки всему остался жив. Отец об этом знал прекрасно — по его прямому указанию исполнение приговора затянули, — но ответил Сталину так: «А вдруг… Все ведь бывает…» Ванников вскоре стал наркомом, а впоследствии — трижды Героем Социалистического Труда…

А сколько тысяч военных, ученых было тогда спасено! Тимошенко и Жуков часами сидели в кабинете моего отца и составляли списки, кого из офицеров и генералов освободить. Сидели ведь в то время сотни тысяч безвинных людей!

Или другой пример. Перед самой войной, в июне, были арестованы командующий авиацией, главный инспектор авиации и начальник войск ПВО — Рычагов, Шмушкевич и Штерн. Но кем?

Генеральный штаб и нарком Тимошенко проверяли боеготовность частей ПВО и авиации. О результатах проверки сами же военные доложили в ЦК. Была создана комиссия, которую возглавил, если не ошибаюсь, Жданов. Входил в нее и Ворошилов, в недавнем прошлом — нарком обороны. Не знаю, сколь серьезной была вина генералов, которых обвинили в невыполнении директив Наркомата обороны и ЦК, а затем сместили с должностей и арестовали. Во всяком случае, нарком внутренних дел, вполне понятно, никакого отношения к этому иметь не мог. Позднее, когда стали известны неудачи начального периода войны, этот приговор и вовсе никто не ставил под сомнение — и ПВО, и авиация, как известно, показали себя тогда не лучшим образом, к сожалению. Но, повторяю, судить этих людей я не берусь. Вспомнил я о них лишь в связи с тем, что нередко и аресты военных приписывают Берия. А ведь военных судили только армейские трибуналы и Военная коллегия Верховного суда.

Мне самому довелось работать с людьми, пострадавшими от произвола, и я всегда относился к ним точно так же, как и мой отец. В нашем конструкторском бюро трудилось немало таких, чьи отцы были расстреляны. Скажем, Расплетин. Его отец был купцом в Рыбинске и расстрелян еще в 1918 году. Впоследствии этот крупный ученый стал академиком и возглавил ту организацию, где я в свое время работал.

Среди многих, чьи биографии раздражали партийных чиновников, взял я на работу и талантливого инженера-преподавателя. Его отца раскулачили, выселили с Украины, а потом расстреляли. Правда, это не помешало сыну окончить институт, аспирантуру и преподавать в Военной академии.

В конце концов, терпение партийных органов кончилось, и меня вызвали в Орготдел ЦК, где прямо сказали, что я укрываю сомнительных людей, которым не место в такой секретной организации. А мой отец в то время был уже членом Политбюро и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Так было и при Абакумове, и при Игнатьеве, который стал главой карательных органов после ареста Абакумова. Но решали-то не они — ЦК.

Тогда я и столкнулся с самой настоящей кадровой проблемой. Нахожу подходящих людей — умных, талантливых, перспективных, но по инструкции их на работу взять нельзя. У большинства биография «не та». А ведь почти все прошли войну, офицеры, выпускники академий. Если бы я, как руководитель коллектива ученых и конструкторов, выполнял партийные инструкции, ни одного из тех, кто нам был необходим, пригласить не смогли бы. Приходилось нарушать. Но так,

естественно, поступали не все. Руководитель, боявшийся за свою карьеру, на такие вещи, конечно же, не шел. Я и сегодня спустя много лет глубоко убежден, что поступал правильно. А тогда я просто делал то, что делал мой отец, точно так же не задумываясь о последствиях.

В связи с этим примечателен разговор, состоявшийся у меня с Маленковым. Он меня вызвал и в присутствии заведующего Орготделом ЦК Сербина и еще каких-то партийных работников сказал:

— Товарищи из нашего аппарата абсолютно правы, когда предупреждают тебя, что ты нарушаешь существующие инструкции, но я считаю, что ты поступаешь правильно.

Это, разумеется, была игра. Кто-кто, а партийный аппаратчик Маленков и был одним из тех, кто сочинял такие инструкции…

Лицемерие партократии никогда не знало пределов. Работал у меня Кошляков. Блестящий ученый-математик и замечательный человек. Скажу лишь, что общение с ним помогло мне впоследствии, не имея конспектов, читать лекции по математической физике в аспирантуре Уральского университета в Свердловске.

Когда возникла реальная угроза захвата Ленинграда немцами, встал вопрос о спасении исторических и культурных ценностей города. Впоследствии, когда Кошляков и другие видные ленинградские ученые были осуждены как пособники врага к длительным срокам лишения свободы, представили дело так, будто ленинградская профессура создала в Ленинграде правительство, которое должно было после прихода немцев войти с оккупантами в контакт. Словом, изменники Родины. На самом же деле все делалось с ведома ЦК. В Белоруссии, знаю, такое же правительство было сформировано для сотрудничества с немцами. Смысл заключался в том, что такие органы немцы непременно создадут, так не лучше ли включить туда тех, кого надо. Так и в Ленинграде было. Тем не менее Жданов этих людей хотел подвести под расстрел. Спасло академика Кошлякова чудо. У Жданова, как всегда, была своя игра, и жизни людей в ней абсолютно ничего не значили. Когда надо было организовать такое правительство, его создавали, когда хотели показать врагов, «подставляли» тех же людей, которых уговаривали взяться за эту авантюру.

После войны все те же инструкции не позволяли мне привлекать к секретным работам людей, которые находились на оккупированной территории. Позвольте, а кто оставил миллионы и миллионы людей на этой территории? Для партии этот вопрос интереса не представлял. Конечно же, как мог, я нарушал и эту

инструкцию.

Вообще стоило бы сейчас поднять те давние документы и предать их гласности. Тогда бы все стало совершенно ясно. Да и не только эти. Скажем, стенограмма июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС опубликована лишь в 1991 году. А почему бы не опубликовать и стенограмму того Пленума, на котором Молотова и Микояна вывели из членов ЦК. Уже после смерти Сталина по предложению Маленкова и моего отца их снова ввели в состав ЦК. Но чем мотивировал их смещение Сталин, так и осталось загадкой. Утверждают, что стенограмма того Пленума ЦК отсутствует. Не странно ли? История КПСС, смею утверждать, еще не написана. Далеко не все сказано и об участии большевистской партии в массовых репрессиях.

После смерти Сталина отца уговорили возглавить объединенное Министерство внутренних дел. В этой должности он проработал, как известно, недолго, но серьезные шаги к восстановлению законности были сделаны. Еще до войны он предлагал передать все тюрьмы и лагеря в ведение Министерства юстиции. Тогда Сталин сказал, что в принципе на это можно пойти, но пока вопрос следует отложить — приближалась война.

В пятьдесят третьем отец вновь ставит этот вопрос перед Президиумом ЦК. Видимо, его доводы показались убедительными, и решение состоялось. Увы, вскоре все вернулось на круги своя, как известно, и сегодня органы исполнения наказаний входят в систему МВД России, Украины, Беларуси и всех остальных бывших республик СССР. Отец считал, что так быть не должно. Задача органов внутренних дел — раскрытие преступлений, но не содержание осужденных. По его инициативе в 1953 году вскоре после смерти Сталина была проведена и крупномасштабная амнистия. Сегодня и этот гуманный акт ставят ему же в вину. Начнем с того, что Президиум Верховного Совета СССР принял соответствующий Указ. Отец считал, что следует освободить всех репрессированных и осужденных за малозначительные уголовные преступления. Тем самым, считал он, мы подведем черту — раз и навсегда! — под всеми контрреволюционными течениями, выдуманными и невыдуманными преступлениями и врагами. По мнению отца, надо было не только освободить людей из лагерей, но и восстановить доброе имя миллионов тех, кто не дожил до восстановления справедливости.

Он считал, что необходимо создать специальную комиссию ЦК, которая в течение трех-четырех месяцев решила бы этот вопрос. Предполагалось, что основная нагрузка ляжет на Министерство юстиции, судебные органы и органы прокуратуры

на местах. Именно они должны были в сжатые сроки разобраться с судьбой каждого заключенного. Так что никакой необходимости дожидаться XX съезда вовсе не было. Был ведь предложен конкретный механизм реализации этих предложений.

Комиссия была создана и вместе с Министерством юстиции занялась этими вопросами. Ворошилов подписал Указ об амнистии. Позднее стали насаждать мнение, что «Берия выпустил рецидивистов». А речь-то шла о другом, о том, чтобы выпустить не рецидивистов, а невинные жертвы режима. Но Берия тут при чем? МВД, как и предполагалось, освобождало лишь те категории заключенных, которые фигурировали в решениях правительства и Министерства юстиции. Зачем же, спрашивается, было амнистировать тех, кто был осужден за тяжкие преступления?

Вообще, любопытная вещь получается. Когда заходила речь об освобождении узников ГУЛАГа, непременно подчеркивали, что это сделала партия. Если надо было «зацепить» Берия, сокрушались по поводу «бериевской» амнистии. И так, к сожалению, во всем…

Отец считал, что функции МВД вообще следует ограничить. Оперативную работу, охрану колоний они, естественно, должны вести. Следствие — нет. И объяснял почему. Несколько лет назад в СССР развернулась дискуссия на эту тему. Предлагали, помню, даже специальный Следственный комитет создать. Но дело почему-то затормозилось. Насколько понимаю, и после развала Союза это предложение никто реализовывать не собирается.

А жаль. Почему это не устраивало партийные структуры, понятно. Партия понимала, что так распоряжаться судьбами людей легче… Но что мешает теперь пойти по цивилизованному пути?

Интересные предложения в том же пятьдесят третьем отец внес и по перестройке государственного аппарата, в частности, Совета Министров. Скажем, как специалист, он считал, что МВД должно стать в первую очередь аналитическим органом и информировать министерства и ведомства, помогать им в решении тех или иных конкретных вопросов. Не секрет ведь, что НКВД, МГБ, КГБ всегда отличались высокой информированностью…

На Лубянке он в те месяцы почти не бывал, все время находился в своем кабинете в здании Совета Министров. Не скрывал, что доволен реакцией на свои многочисленные предложения членов высшего руководства. Он и предположить не мог, чем это все обернется — кардинальных перемен партийная верхушка, как выяснилось позднее, явно не хотела. Задерживаться в МВД отец не собирался:

— Я возглавляю МВД только в период принципиальной реорганизации.

— Конечно, — заверяли его Хрущев и Маленков. — Наведешь порядок после Игнатьева и уйдешь.

Семена Игнатьева, возглавлявшего МГБ в 1951–1953 годах, освободили от должности по предложению моего отца. Этот человек был замешан в послевоенных репрессиях, фальсификации «Ленинградского дела», «Дела врачей». Думаю, его бы арестовали, чтобы предотвратить нежелательную для партийной верхушки утечку информации. Но когда убили отца, все спустили на тормозах…

Останься отец жив, уже тогда многое можно было бы изменить. В МВД по крайней мере. Это ведомство, как считал он, не должно носить полицейский характер. Ведь что получалось. Располагая колоссальными возможностями, МВД республик могли стать аналитическими органами и работать в интересах народного хозяйства. Партийный аппарат, который всегда все знал, никогда не давал полной картины происходящего. А МВД такой объективный анализ был по силам.

— Не с пистолетом надо гоняться, а головой думать, — говорил отец.

Это ему припомнили на Пленуме… Упрек был таким: Берия запустил контрразведывательную работу.

Партия, как и прежде, нуждалась во «врагах народа»… А между тем есть документы, свидетельствующие о выводах, к которым пришел отец, когда возглавил МВД: внутренняя политическая разведка раздута, а внешняя полностью дезорганизована. Тогда же он предложил сократить аппарат государственной безопасности, работающий внутри страны, в десять раз. Я эту цифру хорошо запомнил. Кроме того, отец настаивал, чтобы была сокращена до одного-двух человек личная охрана членов высшего руководства страны. По его же мнению, охрану Кремля, Совета Министров, ЦК следовало заменить обычной милицией и разобраться с охраной министерств, ведомств и различных учреждений. Насколько помню, речь тогда шла о 350 тысячах человек. Никакой необходимости в таком использовании военнослужащих, конечно, не было и тогда.

Думаю, целесообразностью было продиктовано и еще одно предложение отца — убрать чекистов из районов. Вполне достаточно, считал он, областных отделов или управлений. Как известно, до последнего времени отделы КГБ были в каждом районе страны.

За счет экономии средств отец предлагал укрепить пограничные войска, оснастить их новой техникой, улучшить

условия нелегкой службы этих людей. Обстановка в стране вполне позволяла пойти на серьезное сокращение карательных органов, но ЦК, как и следовало ожидать, это не устраивало.

Отец настаивал в тот период на создании разведывательных управлений ВВС и ВМФ. Такая структура, к слову, неплохо зарекомендовала себя в армии США. Вместе с ГРУ они должны были подчиняться Генеральному штабу и штабам видов Вооруженных Сил. Так же, как и органы военной контрразведки. Так ведь в свое время по предложению моего отца и было сделано. Пройдет время, и все вернется на круги своя: все последние десятилетия безопасность Вооруженных Сил обеспечивала не военная контрразведка, а особые отделы КГБ, против чего всегда возражал мой отец. И таких примеров можно привести немало. Сегодня мне абсолютно ясно, что ему просто помешали довести начатое дело до конца.

Современному читателю почти ни о чем не говорят имена Меркулова, Круглова, Серова, а между тем известно, что именно они были ближайшими помощниками отца и в разное время возглавляли НКГБ, МВД, КГБ…

Меркулова я знал. НКГБ он руководил в 1943–1946 годах. Некоторые источники утверждают, что он занимал эту должность в течение шести месяцев и в сорок первом.

Всеволод Николаевич был интеллигентным, образованным человеком. В театрах страны, даже в знаменитом Малом театре, шли его пьесы. Правда, под псевдонимом — Всеволод Рок. Он вообще тяготел к искусству. Очень хорошо фотографировал, снимал кино.

Меркулова отец знал много лет по совместной работе в Грузии. Когда отца перевели в Москву, он взял его к себе в наркомат первым заместителем. Позднее Меркулов возглавил органы государственной безопасности. В 1946 году его освободили от должности. Формальное обоснование такого решения было такое: слабо использовал технику в разведке. Видимо, ничего другого придумать не смогли. Меркулов не устраивал ЦК, потому что действительно был интеллигентным человеком. И Сталин, и партийная верхушка нуждались в другом руководителе карательных органов… Меркулова сделали министром госконтроля, а МГБ возглавил Абакумов.

Погиб Меркулов, собственно говоря, лишь по одной причине — работал много лет с моим отцом. О Всеволоде Николаевиче у меня остались самые лучшие воспоминания. Очень ценил его и мой отец.

Среди его ближайших помощников в течение ряда лет был и Сергей Никифорович Круглов. После смерти отца он был

назначен министром внутренних дел СССР. Напомню: в тот период МВД включало в себя и органы государственной безопасности.

Из официальных источников:

Сергей Круглов. Министр внутренних дел СССР в 1945–1956 годах. Родился в 1907 году. Работал в сельском хозяйстве, служил в армии. Демобилизован в ноябре 1930 года. С 1931 года в Московском индустриальном педагогическом институте им. К. Либкнехта, в 1934–1935 годах — слушатель японского сектора Московского института востоковедения. После окончания направлен на учебу в Институт красной профессуры. В конце 1937 года — ответорганизалгор ЦК ВКП(б). В ноябре 1938 года назначен ЦК особоуполномоченным НКВД СССР. В 32 года стал заместителем наркома внутренних дел, кандидатом в члены ЦК ВКП(б). На XIX съезде партии избран членом ЦК КПСС.

С июля 1941 года — член Военного совета Резервного фронта, с октября 1941 года — начальник управления оборонительного строительства — командующий 4-й саперной армией. В апреле-мае 1945 года был командирован в США для участия в подготовке и проведении конференции в Сан-Франциско по разработке устава ООН. Участвовал в организации охраны правительственных делегаций СССР, США и Великобритании на Крымской и Потсдамской конференциях, за что был награжден Превосходным орденом Британской империи и американским орденом Легион достоинства.

29 декабря 1945 года, после Указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от обязанностей наркома внутренних дел Л. П. Берия, был назначен на эту должность С. Н. Круглов.

Освобожден от должности в феврале 1956 года. Созданная в связи с приемом и сдачей дел министерства (новым министром стал заведующий Отделом строительства ЦК КПСС Николай Дудоров) специальная правительственная комиссия установила тогда, что «Министерство внутренних дел СССР неудовлетворительно выполняет поставленные перед ним партией и правительством задачи. Бывший министр т. Круглов, члены коллегии и др. руководящие работники МВД СССР не сделали должных выводов из постановлений ЦК КПСС 1953 года… В работе МВД СССР преобладает канцелярско-бюрократический стиль руководства местными органами МВД.

Критика и самокритика в МВД не развита. ЦК КПСС своими постановлениями от 12 марта и 10 июля 1954 года обязал руководство МВД СССР принять меры к коренному улучшению дела перевоспитания заключенных путем укрепления режима их

содержания и приобщения к общественно-полезному труду. Руководство МВД СССР безответственно отнеслось к выполнению этих постановлений, не навело порядка в режиме содержания осужденных в местах заключения, не справилось с задачей правильной организации их трудового воспитания.

Проработавшая несколько дней правительственная комиссия под председательством секретаря ЦК КПСС А. Б. Аристова каких-либо личных серьезных промахов министра не выявила, но вопрос был уже решен. За несколько дней до XX съезда КПСС С. Н. Круглов был переведен на другую работу с понижением в должности, его назначили заместителем министра строительства электростанций.

В августе 1957 года бывшего министра вновь понижают в должности, до заместителя председателя Кировского экономического административного района. В июле 1958 года С. Н. Круглова увольняют с работы и переводят на инвалидность.

Такая странная биография… Добавлю лишь, что в январе 1960 года КПК при ЦК КПСС исключает генерал-полковника в отставке из партии.

Скончался С. Н. Круглов в июне 1977 года.

По поводу его смерти бытуют две версии. По утверждению Роя Медведева, бывший министр внутренних дел застрелился, не дожидаясь окончания расследования преступлений, совершенных частями НКВД при депортации жителей Чечено-Ингушетии в 1944 году.

Якобы тогда был уничтожен один из аулов, жители которого отказались подчиниться приказу о выселении. Ответственность за действия военнослужащих НКВД была возложена на С. Н. Круглова. По другой, официальной версии, генерал-полковник был сбит поездом.

По мнению серьезных историков, так и было на самом деле. Рой Медведев утверждает, что проводилось расследование в тот год, когда погиб С. Н. Круглов. Это в конце семидесятых? Никакого следствия, разумеется, не было, и никто бывшего министра спустя три десятка лет после забытой, а точнее, вычеркнутой из официальной истории трагедии привлекать к ответственности не собирался. Вспомните: один из соучастников преступления, Михаил Андреевич Суслов, благополучно доживал свой век на кремлевском Олимпе. Что уж говорить об ответственности какого-то забытого всеми инвалида-отставника. Скорее всего, Рой Медведев, как и в большинстве случаев, просто-напросто погрешил против истины. Кстати, факт расстрела жителей аула, в котором якобы участвовали подчиненные

Круглова, до сих пор не подтвердился. Но разве дело в одном лишь частном эпизоде? Сама депортация целых народов уже само по себе страшное преступление Системы. Стоит ли еще что-то выдумывать?

Круглова отец знал еще с Грузии. Тот работал в ЦК ВКП(б) и курировал нашу республику. В Грузии бывал, разумеется, часто. Отец рассматривал Круглова как человека объективного и весьма далекого от шовинизма, чем, не секрет, грешили люди из центрального партийного аппарата. После перевода в Москву, когда надо было заменить ближайших помощников Ежова, отец остановил свой выбор на Круглове. ЦК согласился. Вскоре Круглов был включен в состав комиссии А. А. Андреева, которая проводила ревизию деятельности НКВД при Ежове. Уже тогда было известно, что Круглов станет ближайшим помощником отца. Сам Сергей Никифорович, правда, дал согласие не сразу, ссылаясь на то, что не знает специфики этой работы. Отец сумел его убедить, и назначение состоялось. А когда в феврале 1941 года НКВД СССР разделили на НКВД и НКГБ, отец решил уйти из органов и предлагал назначить наркомом внутренних дел Круглова. Политбюро не согласилось, и Круглов остался заместителем отца. А за два дня до начала войны НКГБ и НКВД снова объединили в один наркомат.

На Круглове лежало все оперативное руководство объединенным наркоматом. Насколько мне известно, нареканий на его работу не было.

Круглов довольно часто бывал у нас дома. Мы были дружны и с его семьей.

Запомнился очень скромным человеком. Помню и его жену-учительницу.

Вскоре после смерти Сталина мне несколько раз довелось навещать одного товарища в Доме отдыха в Барвихе. Там же лечился и Круглов. При встречах мы говорили часами. Встречались с ним после смерти отца и я, и мама.

— Ты только, Нина, не обращай внимания на то, что говорят теперь о Лаврентии Павловиче, — говорил Круглов. — Все это болтовня.

— Я все прекрасно знаю, — отвечала мама. Тогда же Круглов рассказал нам, как пытался после так называемого «ареста Берия» встретиться с ним и поговорить. Его, министра внутренних дел СССР, тут же одернули: «Нельзя!»

— Как мы с Серовым ни добивались у Политбюро встречи, ничего не вышло, — рассказывал Сергей Никифорович. — Так я его и не увидел. А что это означает, понятно…

Почему-то историки не обращают внимания на такую деталь.

«Заговорщик» Берия разоблачен, а его первый помощник, проработавший с ним много лет, становится министром внутренних дел. Это на ЦК не похоже. Вот и судите, почему с легким сердцем отдала партийная верхушка под начало Круглова органы безопасности. Знали ведь, что никакого заговора и в помине нет…

Очень хорошо знал я и Ивана Александровича Серова, возглавлявшего КГБ СССР в 1954–1958 годах. Понимаю, что сегодня о бывших руководителях этого ведомства говорить добрые слова рискованно, но Серов, убежден, того заслуживает. Это был безупречно честный человек, немало сделавший для укрепления законности.

Кадровым чекистом он не был и в органы безопасности попал по предложению моего отца. Возглавив НКВД, отец начал с замены случайных людей профессионалами. Немало таких людей пришло в НКВД из Академии имени Фрунзе, где армейская разведка имела свой факультет. Именно там готовили кадры для разведывательной работы в Японии, Америке, странах Центральной Европы. Эти люди знали языки и азы своей профессии. На них и намерен был опереться в работе новый нарком внутренних дел. Кстати, когда отец возвратится в МВД в марте 1953 года, картина будет иной, и ему вновь придется подбирать кадры. Если не ошибаюсь, тогда пришлось заменить едва ли не 90 процентов работников, не знавших даже языка страны пребывания. Да и в целом профессиональный уровень советских разведчиков той поры был чрезвычайно низок. Тем не менее довольно быстро дело удалось поправить.

От самого Серова я знаю, что начинал он военную карьеру в части, которой командовал будущий маршал артиллерии Яковлев. Серов прослужил там в разведподразделении 12 лет и уже подполковником поступил на разведывательный факультет Военной академии имени Фрунзе. Окончил ее блестяще и в числе нескольких десятков таких же офицеров — в основном это были полковники и подполковники — был на правлен в распоряжение нового наркома внутренних дел.

Профессионалов отец ценил всегда, и вскоре все эти офицеры были назначены на очень высокие должности, Серов получил генеральское звание и стал руководителем управления.

Отец отзывался о Серове как о способном и принципиальном человеке. Самым лучшим образом зарекомендовал Иван Александрович себя на Украине, куда был направлен по предложению отца наркомом внутренних дел. Первым секретарем ЦК в тот период в Киеве был Хрущев. Сама обстановка в

республике была ужасной — массовые репрессии буквально выкосили местную интеллигенцию, пострадали миллионы невинных людей. Задача, поставленная отцом, была однозначной — восстановить законность. Серов, по мнению отца, подходил для этой роли наилучшим образом. Волевой, порядочный человек. Чрезвычайно образованный — владел японским. И главное — он был из тех людей, которые имеют собственное мнение и не боятся его отстаивать.

Их отношения с Хрущевым не сложились — Никита Сергеевич был совершенно иным человеком. Серов рассказывал, что он отказался поддержать Хрущева в его нескончаемой борьбе с оппозицией. Причем оппозиционерами тот считал всех, кто позволял себе иметь собственное мнение. Видимо, Хрущев хотел видеть на должности главы НКВД Украины послушного человека. А коль Серов не поддержал его политику избиения национальных кадров, начались конфликты. Надо быть очень сильным человеком, чтобы противостоять давлению первого секретаря ЦК, но Серов оказался для Хрущева «крепким орешком».

О столкновении Серова с Хрущевым отец, разумеется, знал и поддерживал молодого наркома. Уговор у отца с Серовым, знаю, был такой. Ты, мол, там ничего и никого не бойся, держи свою линию, как бы местный ЦК во главе с Хрущевым на тебя ни давил. И подбирай себе потихоньку замену, но такого человека вместо себя оставь, который под дудку украинского ЦК плясать не будет. Самого же Серова отец еще тогда решил вернуть в Москву.

Серьезный конфликт возник между Серовым и Хрущевым, когда произошла неприятная история с сыном Никиты Сергеевича от первого брака, Леонидом. Как это, к сожалению, нередко бывает в среде «золотой молодежи» — детей высокопоставленных чиновников, сын первого секретаря ЦК оказался в сомнительной компании. Позднее выяснилось, его друзьями оказались преступники, промышлявшие грабежами и убийствами. Когда Серову доложили о случившемся, он тут же связался с моим отцом.

— Сообщи обо всем Хрущеву, — распорядился отец, — и посмотрим, как он будет реагировать. Это вопиющее нарушение закона, и вытаскивать пусть даже сына первого секретаря ЦК из этого дела, сам понимаешь, нельзя, но как-то смягчить его участь — можно.

Реакция Хрущева Серова поразила:

— Закрой это дело!

— Как же так можно, Никита Сергеевич, — возразил Серов. — Дело получило огласку. Совершены тягчайшие преступления, о которых уже знают тысячи людей. Вывести вашего сына из этого

дела просто невозможно.

И хотя Хрущев настаивал на своем, следствие было доведено до конца и состоялся суд. Большинство участников преступной группы, а попросту говоря, банды уголовников, приговорили к высшей мере наказания и расстреляли. Сын Никиты Сергеевича отделался десятью годами лишения свободы.

Когда началась война, Леониду подсказали, чтобы попросился на фронт. Он так и поступил. Просьбу сына Хрущева удовлетворили, но направили не на фронт рядовым бойцом, а в авиационное училище. Став летчиком, Леонид мужественно сражался с врагом и погиб в бою. Насколько знаю, произошло это весной сорок третьего года.

Из официальных источников:

Летчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка 1-й воздушной армии гвардии старший лейтенант Леонид Хрущев не возвратился с боевого задания 11 марта 1943 года. Как писал члену Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенанту Хрущеву командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Худяков, после боя с двумя «Фокке-Вульф-190» самолет старшего лейтенанта Хрущева «пошел к земле… В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын — гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитович пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков».

До перехода в истребительную авиацию сын Хрущева служил в 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку, где совершил 33 боевых вылета, был тяжело ранен и награжден орденом Красного Знамени. После переучивания был направлен в 18-й гвардейский истребительный авиационный полк.

Наверное, у Хрущева осталась обида на Серова. Ивана Александровича отец, как и обещал, перевел в Москву, и Серов стал одним из его заместителей — занимался разведывательной работой, курировал пограничные войска. А когда во время войны Жуков попросил отца, чтобы он отпустил Серова к нему на фронт, отец согласился.

В 1954 году Иван Александрович стал Председателем КГБ СССР, но уже через четыре года Хрущев его оттуда убрал. Так Серов стал начальником ГРУ — Главного разведывательного управления Генерального штаба. Потом нашли формальный предлог убрать и из ГРУ. О причинах я еще расскажу. Поводом послужило так называемое дело полковника ГРУ Олега Пеньковского, обвиненного в шпионаже в пользу американской и

английской разведок.

Полагаю, смещение преданного своему делу человека нанесло серьезный ущерб советским спецслужбам. Но партийные органы, которые Серов своей принципиальностью постоянно раздражал, это волновало, насколько понимаете, мало. Впоследствии с целью компрометации одного из самых сильных руководителей советских спецслужб были распространены слухи о том, что Серов, злоупотребляя служебным положением, якобы вывез из Германии «большое количество мебели, дорогой посуды, хрусталя, картин, ковров, фамильного баронского столового серебра, ценнейших сервизов и многих других антикварных предметов из особняков немецких аристократов Потсдама и Берлина». Один из известных ныне советских историков вполне серьезно утверждал несколько лет назад в печати, что генерал-полковник Серов «тайно похитил и привез для себя так называемую «тапку Мономаха», бриллиантовую корону и закопал ее в землю около своей собственной дачи в Архангельском». Вполне понятно, что подобный бред, пусть простит меня читатель за резкость, комментировать просто невозможно.

Пытались скомпрометировать генерала Серова и другим образом. Якобы уже в конце пятидесятых годов в архивах специальной тюрьмы в Вологде, где содержались политические заключенные, включая Сталина, работал 12 лет отец Серова, жандармский офицер. В 1917 году он якобы скрылся, а сам Иван Александрович прошлое своего отца от партии скрыл. Позднее, когда и сам Хрущев оказался не у дел, начали писать, что Серов — его родственник и пользовался покровительством бывшего Первого секретаря ЦК КПСС. Ложь, конечно, но слухи есть слухи, и люди, плохо знавшие Серова, наверное, всему этому верили. Те же, кто служил под началом генерал-полковника Серова, запомнили его талантливым руководителем и очень мужественным человеком. Я, скажем, видел его в период обороны Кавказа, после чего никогда не поверю ни одному дурному слову в адрес этого чрезвычайно порядочного человека.

Среди руководителей советских спецслужб были не только такие люди, как Герой Советского Союза генерал-полковник Серов. После войны органами государственной безопасности руководил, скажем, генерал-полковник Абакумов…

Из официальных источников:

Виктор Семенович Абакумов. Генерал-полковник. Родился в 1908 году в Москве. Член ВКП(б) с 1930 года. Из рабочих. Образование — низшее. В годы войны — начальник ГУКР —

Главного управления контрразведки «СМЕРШ» — заместитель наркома обороны. В 1946–1951 годах — министр государственной безопасности СССР.

4 июля 1951 года отстранен от занимаемой должности, а восемь дней спустя арестован. В Прокуратуре СССР был ознакомлен с постановлениями о возбуждении уголовного дела по признакам статьи и 58-1«б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим) и об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей в Сокольнической тюрьме МВД (печально известная «Матросская тишина»).

Содержался позднее в Лефортовской, Бутырской и во Внутренней тюрьмах МВД СССР. В целях конспирации помещен в одиночной камере как «заключенный? 15».

После ареста Абакумова были арестованы его жена Антонина (вместе с двухмесячным сыном ее поместили в «Матросскую тишину»), а также начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР генерал-майор А. Леонов, его заместители полковники В. Комаров, М. Лихачев, Л. Шварцман, начальник секретариата МГБ полковник И. Чернов и его заместитель полковник Я. Броверман.

14 декабря 1954 года в здании Дома офицеров Ленинградского военного округа открылось судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством генерал-лейтенанта юстиции Е. Л. Зейдина. Государственным обвинителем на процессе был Генеральный прокурор СССР, действительный государственный советник юстиции Р. А. Руденко. Вместе с Абакумовым судили Леонова, Чернова, Комарова, Лихачева, Бровермава. Виновным себя генерал-полковник Абакумов не признал и заявил в последнем слове, что он остается честным человеком, преданным Центральному Комитету. «Меня оклеветали».

В 12 часов 15 минут 19 декабря 1954 года в Ленинграде сразу же после оглашения приговора Военной коллегией Верховного суда СССР бывший руководитель советских спецслужб был расстрелян. При исполнении приговора присутствовал Генеральный прокурор СССР Роман Руденко.

Когда отца назначили наркомом внутренних дел СССР, Виктор Семенович работал в управлении НКВД по Ростовской области. В поле зрения руководства он попал в период, когда началась массовая реабилитация людей, арестованных при Ягоде и Ежове. Были созданы в краях и областях специальные группы по реабилитации, куда входили вместе с сотрудниками прокуратуры и работники НКВД. В одну из таких групп включили тогда и

Абакумова. Именно там он и выдвинулся. При его непосредственном участии было освобождено до 60 процентов заключенных, арестованных в Ростовской области. Потом пошла гулять версия, что Абакумов «освобождал заключенных огульно», зарабатывая на этом авторитет.

Так это или нет, судить не могу, но доброе дело он сделал. Лучше уж карьеру делать на освобождении невинных людей, чем на арестах, как это делали до него его же коллеги…

Года через два, может, раньше Абакумов уже работал в центральном аппарате НКВД в Москве. И в дальнейшем его служебная карьера складывалась неплохо. Перед войной его назначили начальником Управления особых отделов НКВД, а с 1943 года он возглавлял органы военной контрразведки, входившие уже в состав Наркомата обороны.

В 1946 году, по предложению Сталина, Политбюро освободило от должности министра государственной безопасности Меркулова. Сталин же предложил назначить руководителем МГБ Абакумова. Мой отец никакого отношения к этому назначению не имел. Именно в тот период, с приходом в МГБ Абакумова, началась слежка за нашей семьей. Тогда же у нас в доме была установлена подслушивающая аппаратура. Но, должен заметить, это не было инициативой нового Министра государственной безопасности. Абакумов просто выполнял указания ЦК.

В отличие от Меркулова, своего предшественника, оказавшегося, по мнению Сталина, излишне мягким человеком для такой должности, Абакумов у нас в доме никогда не бывал. Причин не знаю, но близким к отцу человеком он никогда не был. Иногда ссылаются на его письма из тюрьмы, адресованные моему отцу и Маленкову. Все объясняется просто. Отец в свое время работал в этих же органах, и Абакумов надеялся, что отец примет участие в его судьбе как профессионал. А с Маленковым, которому, кстати, отец передавал официально все обращения Абакумова, еще проще — Маленков курировал органы государственной безопасности…

Смею утверждать, что история МГБ неразрывно связана с именем высокопоставленного партийного чиновника Маленкова. Куратором органов государственной безопасности он оказался весьма энергичным. И, признаю, настойчивым и последовательным. По некоторым источникам, в конце жизни он официально представил доказательства участия в массовых репрессиях и других преступлениях режима своего коллеги Никиты Хрущева. О собственной роли в тех же злодеяниях Георгий Максимилианович умолчал. Все те же достоверные

источники утверждают, что Маленков передал компрометирующие Хрущева материалы Юрию Андропову. Наверняка в архивах даже сегодня можно обнаружить не меньше компрометирующих материалов и на самого Маленкова. Кстати, если, как считается, своим назначением на пост министра государственной безопасности Абакумов обязан не только Сталину, но и Андрею Жданову, то сменивший Абакумова партийный аппаратчик Игнатьев — ставленник Маленкова.

Из письма Виктора Абакумова от 18 апреля 1952 года: «Товарищам Берия и Маленкову. Дорогие Л. П. и Г. М.! Два месяца находясь в Лефортовской тюрьме, я все время настоятельно просил следователей и нач. тюрьмы дал мне бумагу написать письма вам и тов. Игнатьеву… Со мной проделали невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратительно. На всех допросах стоит сплошной мат, издевательство, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол. Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включалась, холод все время усиливался… Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал… Прошу вас, Л. П. и Г. М.:

1) Закончить все и вернуть меня к работе…

2) Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей. Может быть, надо вернуть в Матросскую тюрьму и дать допрашивать прокурорам… Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я вам вечно буду за это благодарен…»

Жена Абакумова была освобождена в марте 1954 года, проведя с ребенком в тюрьме без малого три года. И хотя состава преступления в действиях следователи не обнаружат и дело прекратят, ее на несколько лет вышлют с сыном из Москвы.

Судя по некоторым воспоминаниям, следователи (да что следователи — сам Генеральный прокурор Союза ССР Роман Андреевич Руденко!) настойчиво «выбивали» у арестованного министра государственной безопасности «компромат» на Берия. Абакумов показал, что «отношения у нас были чисто служебные,

официальные и ничего другого. На квартире и даче у Берия я никогда не бывал». Впрочем, это не помешало партийной верхушке сообщить народу, что «расстреляны пособники Берия». Лишь несколько лет назад Главный военный прокурор — заместитель Генерального прокурора СССР генерал-лейтенант юстиции Катусев довольно оригинальным способом «оправдает» Абакумова: «Обвинение Абакумова в том, что он был выдвинут Берия на пост министра государственной безопасности СССР и являлся соучастником преступной заговорщической группы Берия, также опровергается имеющимися в деле доказательствами». Если отбросить измышления о «преступной заговорщической группе», признание немаловажное.

Помню, когда мы заговорили на эту тему с отцом, он прокомментировал арест Абакумова так: мол, он выполнил все, что от него требовалось, и теперь он стал им не нужен. Им — это ЦК и Сталину, чьи указания выполнял Абакумов, будучи министром государственной безопасности.

Отец считал, что Абакумов, да и, к сожалению, Меркулов позволили превратить себя в бездумных исполнителей, за что в конечном счете и поплатились. Партийная верхушка в очередной раз попыталась списать свои грехи на конкретных людей. Меркулова отец в свое время отстоял, а почему не захотел или не смог помочь Абакумову, мне неизвестно. Видимо, решил просто не вмешиваться в эту историю. Отец очень переживал, что после его ухода из органов безопасности они все сильнее превращались в тот карающий меч партии, который, образно говоря, в тридцать девятом он попытался вложить в ножны. Теперь этим мечом размахивали точно так же, как при Ежове. И одним из виновников этого отец считал Абакумова.

Уже оказавшись в Лефортовской тюрьме, я, хотя и находился в полной изоляции, совершенно случайно услышал, как следователи говорили между собой, что Абакумов жив. Я был очень удивлен, потому что таких людей, знающих если не все, то многое, в живых не оставляли. Скорей всего, партийная верхушка выжидала, надеясь, что при любом стечении обстоятельств Абакумов вынужден будет дать те показания, которые будут необходимы партии в тот момент. Когда нужда в нем отпала — расстреляли. Расстреляли, как и многих других свидетелей и соучастников преступлений. Это ведь испытанный прием был: убрать человека — и концы в воду.

Абакумова я не оправдываю. Но расстреляли-то его за мифические преступления, а не за те, которые он по приказу ЦК и Сталина совершал. Он был обречен уже тогда, когда согласился возглавить органы государственной безопасности. Нисколько не

сомневаюсь, что, убрав опасного свидетеля, партийная верхушка лишила историю очень многих признаний, которые мог бы сделать Абакумов. Думаю, о многом мы до сих пор не догадываемся…

«Совершенно секретно. Совет Министров СССР 21 мая 1947 года

Товарищу Сталину И. В. Товарищу Молотову В. М.

Докладываю Вам о следующем:

В апреле 1942 года американское посольство в СССР нотой в адрес Министерства иностранных дел СССР сообщило о том, что, по имеющимся у посольства сведениям, американский гражданин Оггинс Исай находится в заключении в лагере в Норильске. Посольство по поручению Государственного департамента просило сообщить причину его ареста, срок, на какой осужден Оггинс, и состояние его здоровья.

В связи с настояниями американского посольства по указанию товарища Молотова 8 декабря 1942 года и 9 января 1943 года состоялось два свидания представителей посольства с осужденным Оггинсом. Во время этих свиданий Оггинс сообщил представителям американского посольства, что он арестован как троцкист, нелегально въехавший в Советский Союз по чужому паспорту для связи с троцкистским подпольем в СССР.

Несмотря на такое заявление, американское посольство в Москве неоднократно возбуждало вопрос перед МИД СССР о пересмотре дела и досрочном освобождении Оггинса. Пересылало письма и телеграммы Оггинса его жене, проживающей в США, а также сообщило МИД СССР, что признает Оггинса американским гражданином и готово репатриировать его на родину.

9 мая 1943 года американскому посольству было сообщено, что «соответствующие советские органы не считают возможным пересматривать дело Оггинса».

20 февраля 1939 года Оггинс был действительно арестован по обвинению в шпионаже и предательстве. В процессе следствия эти подозрения не нашли своего подтверждения, и Оггинс виновным себя не признал. Однако Особое Совещание НКВД СССР приговорило Оггинса к 8 годам ИТЛ, считая срок заключения с 20 февраля 1939 года…

Появление Оггинса в США может быть использовано враждебными Советскому Союзу лицами для активной пропаганды против СССР.

Исходя из этого, МГБ СССР считает необходимым Оггинса Исая ликвидировать, сообщив американцам, что Оггинс после свидания с представителями американского посольства в июне

1943 года был возвращен к месту отбытия срока наказания в Норильск и там в 1946 году умер в больнице в результате обострения туберкулеза легких.

В архивах Норильского лагеря нами будет отражен процесс заболевания Оггинса, оказанной ему медицинской и другой помощи. Смерть Оггинса будет оформлена историей болезни, актом вскрытия трупа и актом погребения.

Ввиду того что жена Оггинса находится в Нью-Йорке, неоднократно обращалась в наше консульство за справками о муже, знает, что он арестован, — считаем полезным вызвать ее в консульство, сообщить о смерти мужа. Прошу ваших указаний.

Абакумов».

Соответствующие указания поступили… А теперь процитируем еще один, рассекреченный лишь недавно документ, связанный с бывшим министром государственной безопасности Виктором Абакумовым.

«В Президиум ЦК КПСС. Тов. Маленкову Г. М.

…В процессе проверки материалов на Михоэлса выяснилось, что в феврале 1948 г. в г. Минске бывшим заместителем МГБ СССР Огольцовым совместно с бывшим министром ГБ Белорусской ССР Цанава по поручению министра госбезопасности Абакумова была проведена незаконная операция по физической ликвидации Михоэлса.

В связи с этим в МВД СССР был допрошен Абакумов и получены объяснения Огольцова и Цанава. Об обстоятельствах проведения этой преступной операции Абакумов показал: «Насколько я помню, в 1948 г. глава советского правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание — быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилии которого я не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И. В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию…

Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено И. В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано» (попутно ликвидировали и агента МГБ СССР Голубова В. И., сопровождавшего Михоэлса). Было несколько вариантов устранения Михоэлса: а) автомобильная катастрофа, б) путем наезда грузовой машины на малолюдной улице, в) так как оба не давали гарантий, было принято следующее решение — через агентуру пригласить Михоэлса в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он

проживал, привезти его на территорию загородной дачи Цанава Л. Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машины… Так и было сделано. Во имя тайны убрали и Голубова, который поехал с Михоэлсом в гости… (на даче они были раздавлены грузовой машиной). МВД считает необходимым: а) арестовать и привлечь к уголовной ответственности зам. МГБ СССР Огольцова С. И. и бывшего министра ГБ Белорусской ССР Цанава Л. Ф.

б) Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников убийства Михоэлса и Голубова отменить.

Л. Берия.

2. IV.1953 г.».

Будем надеяться, что процитированный документ несколько охладит пыл историков, успевших приписать гибель великого еврейского артиста С. М. Михоэлса человеку, потребовавшему наказания истинных виновников преступления. Можно только догадываться, какие неожиданные открытия ожидают нас после рассекречивания всей группы дел, связанных с моим отцом.

Мало кто знает, что именно отец предложил привлечь к партийной ответственности С. Д. Игнатьева, возглавлявшего МГБ в последние годы жизни Сталина. Предложение члены Президиума ЦК поддержали, КПК при ЦК КПСС было поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности бывшего главы карательного ведомства. Еще раньше, 5 апреля 1953 года, было принято решение «ввиду допущенных т. Игнатьевым С. Д. серьезных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР» освободить его от обязанностей секретаря ЦК. Игнатьева вывели из состава ЦК и отправили на работу первым секретарем Башкирского обкома КПСС. «Суровое» наказание. Правда, решилась спустить дело на тормозах партийная верхушка, лишь «убрав» предварительно отца. Факт, как видим, весьма красноречивый.

Нет, не зря все же несколько поколений советских чекистов настойчиво убеждали, что КГБ, как и его предшественники (ЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, МВД), — вооруженный отряд партии. А когда чекисты сами восставали против произвола и не спешили выполнять явно противозаконные приказы, им умели напомнить, кто есть кто. Одни тут же брали под козырек, другие, их было, к сожалению, куда меньше, сопротивлялись.

Но и «вооруженного отряда партии», тюрем и лагерей ГУЛАГа советской партократии, как выяснилось, уже было мало. И тогда ЦК решил создать еще одну, «партийную» тюрьму. Сам факт ее

существования в СССР тщательно скрывался многие десятилетия.

23 июня 1956 года министр внутренних дел СССР Николай Дудоров доложил специальной запиской Президиуму ЦК КПСС, что при аресте Д. Н. Суханова, работавшего длительное время заведующим секретариатом Маленкова (Д. Суханов арестован 14 мая 1956 года), был вскрыт его сейф, в котором обнаружили написанные Маленковым документы по организации в Москве «особой тюрьмы», датированная 4 марта 1950 года рукопись о формировании состава нового Советского правительства, справка о наличии агентурных дел на руководящий состав Советской Армии. 16 июня 1956 года арестованный заведующий секретариатом Маленкова показал, что «особую тюрьму» предполагалось организовать в Москве, и, как впоследствии стало мне известно, по адресу Матросская тишина. (Ирония судьбы: там, где находилась созданная партийной верхушкой «особая тюрьма» для вчерашних товарищей по партии, содержались после неудавшегося путча члены ГКЧП.) Суханов дал такие показания:

«Мне было сказано Г. М. Маленковым, чтобы я из аппарата ЦК и КПК назвал людей, которым можно было бы доверить ведение следственной работы в «особой тюрьме». В соответствии с этим мною были названы две кандидатуры ответственных контролеров КПК при ЦК КПСС — Захарова и Никифорова. В ходе организации «особой тюрьмы» мне стало известно, что к работе в ней привлечены работавший в то время в Административном отделе ЦК КПСС Шестаков и работник МВД СССР Клейменов. За работу по организации «особой тюрьмы» Клейменов и Шестаков отчитывались перед Г. М. Маленковым».

Нет у меня оснований не доверять и другому источнику. Так, доктор исторических наук, профессор генерал-майор В. Некрасов, ссылаясь на неопубликованную рукопись Николая Дудорова, министра внутренних дел СССР в 1956–1960 годах, «50 лет борьбы и побед», еще в 1990 году в журнале «Советская милиция»? 6 утверждал:

«Г. М. Маленков, будучи секретарем Центрального Комитета партии, лично в 1950 году занялся организацией в Москве «особой тюрьмы» для ведения в ней следственных политических дел. К делу организации «особой тюрьмы» были привлечены работники отдела административных органов ЦК КПСС, а для следственной работы были привлечены работники КПК при ЦК КПСС. О ходе организации «особой тюрьмы» и ее деятельности докладывали непосредственно Маленкову, в тюрьме был установлен правительственный телефон-вертушка. Тюрьма рассчитана на 30–40 человек, с особыми условиями режима, ускоренной оборачиваемостью. В ней было 35 кабинетов для

следователей, специальной охраны и специальных следователей во главе с начальником тюрьмы Клейменовым, которого инструктировал лично Маленков. Осуществлял шефство и наблюдение за тюрьмой И. Серов, бывший тогда заместитель министра внутренних дел.

Были случаи, когда по выходе из кабинета Маленкова в здании ЦК КПСС арестовывались руководящие работники. Например, бывший секретарь ЦК КПСС А. А. Кузнецов, бывший Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов, бывший секретарь Ленинградского обкома партии П. С.

Попков и другие — все они арестованы в приемной Маленкова и отправлены в «особую тюрьму», где подвергались пыткам, истязаниям, а затем физически уничтожались.

Допросы политзаключенных производились не только в тюрьме, но и часто политзаключенных доставляли из «особой тюрьмы» в специальных автомашинах в здание ЦК КПСС, как правило, к 12 часам ночи, где Маленков допрашивал их поодиночке».

Из письма бывшего министра внутренних дел С. Н. Круглова в ЦК КПСС от 19 января 1960 года: «В 1950 году по указанию Маленкова, который давал их от имени ЦК партии и со ссылкой на тов. Сталина, МВД было предложено освободить отдельное тюремное помещение, назвать начальника этой тюрьмы, укомплектовать тюрьму надзирателями и вахтерами и в дальнейшем этой тюрьмой не заниматься, так как она будет подчинена ЦК и КПК. МВД СССР и я как министр выполнили это указание. В этой тюрьме я ни разу не был, ни одного человека из заключенных не видел, не допрашивал. Эта тюрьма просуществовала очень короткое время. Помню со слов начальника тюрьмы т. Клейменова, что в одно время туда был доставлен из тюрьмы МГБ арестованный в то время Кузнецов А. А. Через некоторое время он снова работниками МГБ переведен в тюрьму МГБ. Министерству было разрешено использовать тюремное помещение на общих основаниях по своему усмотрению. Все это могут подтвердить бывшие зам. министра тт. Серов, Обручников, быв. начальник тюремного управления т. Кузнецов и другие».

Это ли не свидетельство? Десятки источников по-прежнему обвиняют в создании специальной тюрьмы моего отца. В январе 1960 года это же обвинение было предъявлено Сергею Круглову. И кем? Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС. Тем самым КПК, которому и была подчинена специальная тюрьма. «Запамятовал», впрочем, как всегда, о своей постыдной роли и ЦК

КПСС.

С. Круглов однозначно указал на человека, поручившего МВД от имени ЦК подготовить новую тюрьму, — Маленкова.

Довольно любопытны и другие пункты обвинения, предъявленного при исключении из партии бывшему министру внутренних дел. Например, участие в выселении жителей Чечено-Ингушетии в 1944 году. И здесь КПСС и ее «боевой штаб» вроде бы ни при чем. Приехали злодеи из НКВД и велели собираться невинным людям в дальний путь. А приказ о выселении кто отдал? Впрочем, вопрос риторический…

Трудно сказать, читали или нет письмо С. Круглова секретари ЦК КПСС Л. Брежнев, М. Суслов и Н. Игнатов, к которым он обращался, но в партии отставного генерала не восстановили. «Я готов понести любое наказание от партии», — писал бывший министр внутренних дел, но партии эта жертва была уже ни к чему — на Круглова и ему подобных давно списали все преступления, совершенные Системой.

Речь, разумеется, не идет о том, виновен в чем-то человек, возглавлявший МВД семь лет при Сталине и три года после смерти диктатора, или нет. Виновен, конечно, как и абсолютно все руководители ведомств, в чьих стенах творилось беззаконие. И не суть важно, где именно — в центральном аппарате, областном центре или захудалом районе. Но задумаемся вновь над тем, кто поручал организовывать тому же Круглову специальную партийную тюрьму, выселять репрессированные народы и т. п.

В последние годы много говорилось о том, что самую неблаговидную роль в репрессивной политике ВКП(б) сыграл Вышинский.

Из официальных источников:

Андрей (Анджей) Вышинский. С 1935 до 1939 года — Прокурор СССР.

Родился в Одессе в 1883 году. Учился на юридическом факультете Киевского университета. По направлению Московского комитета партии работал председателем коллегии защитников, но в адвокатах проходил всего несколько месяцев. Дальнейшая карьера: прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР, Председатель Специального Судебного Присутствия на так называемом Шахтинском процессе (государственный обвинитель — Николай Крыленко), член коллегии Наркомпроса, с июня 1933 года — заместитель Прокурора СССР, с 1935 года — Прокурор СССР.

Участник всех известных политических процессов 30-х годов. Профессор, ректор Московского университета по совместительству. Автор известного труда «Теория судебных доказательств в уголовном праве».

Из выступлений А. Вышинского на процессах: «Взбесившихся собак я требую расстрелять всех до одной», «Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются», «Законы надо отложить в сторону». Научная деятельность известного ученого-юриста отмечена Сталинской премией 1 степени…

С января 1939 года — академик, с июня — заместитель Председателя Совнаркома, впоследствии — заместитель министра иностранных дел СССР.

Награжден шестью орденами Ленина.

Скончался в ноябре 1954 года. Прах захоронен в Кремлевской стене.

Вышинского я видел, конечно, но знакомы мы не были. Как прокурора отец его не признавал. Когда он стал наркомом, Вышинского из Прокуратуры Союза убрали. Сопоставьте даты. Он уже не нужен был Политбюро и Сталину, как Ягода, Ежов… У отца были совершенно иные представления о прокурорском надзоре. При Вышинском органы прокуратуры, по сути, были таким же карающим мечом, как и органы безопасности. Отец же перед назначением на должность предложил усилить прокурорский надзор. Словом, если бы Вышинского оставили в прежней должности, они бы работать не смогли. Это однозначно. Совершенно разные люди! Вышинский ведь выдвинул в свое время страшную теорию: «Признание — царица доказательств». А как «выбивались» из арестованных эти признания, было хорошо известно…

И дипломатом Вышинского отец никогда не считал. Называл помесью дипломата с прокурором. А чаще — мерзавцем. Так что ни о какой взаимной симпатии, разумеется, речь не идет. Думаю, и Вышинский видел, что отец его просто-напросто игнорирует. Дело в том, что у него к Вышинскому была давняя неприязнь, еще с Грузии. Отец не мог и ему, и Ульриху простить гибель людей, которых он пытался спасти.

Вспоминаю такой случай. Как-то мы с отцом были на даче, а маму «Кремлевка» отправила на лечение в Карповы Вары в Чехословакию. Мама звонит и говорит, что там же семья Вышинского находится.

Отец — таким я его видел крайне редко — в лице изменился и довольно резко сказал:

— Никаких контактов с этими мерзавцами!

Я потом спросил: а в чем дело?

— Ты себе не представляешь, — ответил отец, — сколько этот мерзавец хороших людей погубил.

То, что Вышинский — перевертыш, был меньшевиком, сотрудничал с царской охранкой, было известно. И Сталин об этом, естественно, знал. Но удобно было такого человека под рукой иметь.

А в то, что Вышинский в свое время подписал ордер на арест Ленина, не поверю. Этого ему бы не простили. О нем много выдумок ходит. Утверждают даже, что он имел какое-то влияние на Сталина. На Сталина никто особого влияния не имел… А Вышинский тем более. Был ли он пешкой в руках Сталина? Пешкой — да, но пешкой инициативной, той, что и ферзя может взять. Он не только проводил линию, удобную Сталину, но и активно ее развивал. Когда я смотрел старую кинохронику, запечатлевшую его выступления на политических процессах, был потрясен. Страшный человек!

Мешик, Мильштейн… Имена этих руководителей МВД Украины тоже нередко связывают с моим отцом.

Мешика я никогда не видел, но знал, что он назначен министром внутренних дел Украины по предложению моего отца. Человек он в органах государственной безопасности был неслучайный — многие годы проработал в ЧК, НКВД, МГБ. Генерал-лейтенант. Это был руководитель уровня Круглова. Думаю, в его порядочности и компетентности, деловых качествах отец не сомневался, иначе такое назначение не состоялось бы. В декабре 1953 года его расстреляли вместе с Меркуловым, Деканозовым, Кобуловым и другими.

Мильштейна знал, знал и его жену, сына, он был моим ровесником. Самого Мильштейна я знал по спортивному обществу «Динамо». В свое время он был хорошим спортсменом. Биография его довольно типична: с двадцатых на разных должностях в ЧК, в НКВД работал начальником одного из управлений и был одним из руководителей спортобщества «Динамо». К разведке Мильштейн отношения не имел, но через его брата, который жил в Америке, был выход на широкую агентурную сеть.

С приходом Абакумова в МГБ Мильштейна перевели заместителем министра лесной промышленности. Когда отец возвратился в МВД, порекомендовал его заместителем к Мешику, на Украину. ЦК КПСС и ЦК компартии Украины дали согласие.

Знаю, что его даже не арестовали, хотя министра расстреляли. Объяснение простое: его не смогли взять живым. Когда Мильштейн увидел, что его хотят арестовать, предупредил,

что этого не допустит. В перестрелке, как мне рассказывали, он застрелил человек восемь. Такой конец…

Выступая на республиканской партийной конференции органов внутренних дел весной пятьдесят третьего, новый руководитель МВД С. А. Мешик скажет, обращаясь к собравшимся:

«Прежде всего я хочу поздравить вас с тем, что руководство Министерством внутренних дел поручено сейчас товарищу Лаврентию Павловичу Берия, что кончился наконец мрачный период, когда органы государственной безопасности находились в руках авантюристов типа Абакумова, Рюмина и политических банкротов типа Игнатьева. Мне хочется напомнить вам, товарищи, мрачную страницу в истории органов, относящуюся к 1937–1938 годам, когда заговорщик Ежов широко развернул свою предательскую деятельность, которая заключалась, в частности, в том, что, следуя своим вражеским целям, Ежов уничтожил огромное количество преданных Родине и партии людей. Вторичный приход товарища Берия к руководству чекистскими органами вновь ознаменовался разоблачением преступников, стоящих у руководства МВД, и исправлением искривлений в работе органов…»

Мешик ошибся. Не пройдет и полугода, как отец будет убит, как будут расстреляны после шитого белыми нитками следствия и сам Мешик, и другие генералы, поверившие, что «мрачный период» действительно кончился. Органы безопасности, работающие в рамках закона, правящей партии были не нужны. Карающий меч большевизма не должен думать…

Если верить стенограмме судебного процесса, тот же подсудимый Мешик произнесет в декабре все того же пятьдесят третьего совершенно другие слова:

«Я считаю, что подлым и мерзким преступлением Берия в этой части является то, что он убедил следователей в том, что избиения арестованных дозволены и санкционированы инстанцией. Преступлением является и то, что он создал вокруг избиений и истязаний атмосферу безнаказанности, на что суд и прокуратура должным образом не реагировали. Он растлил следственный аппарат НКВД. Следователи, в том числе и я, применяли избиения и истязания арестованных, считая, что так нужно. Я говорю об этом не с целью смягчения вины…»

Когда же был искренен бывший министр внутренних дел Украины? Попробуем, читатель, немного порассуждать с позиций элементарной логики.

Итак, отец вновь возглавил печально известное ведомство. Возглавил, нетрудно догадаться, поддавшись уговорам

ближайших соратников — Хрущева, Маленкова и других. Для первого заместителя главы правительства и члена Президиума ЦК кресло министра — отнюдь не логическое продолжение карьеры. Но он на это идет, надеясь, что, как и тогда, до войны, прекратит репрессии, проводившиеся при Абакумове и Игнатьеве.

Обратите внимание: на республиканской конференции в Киеве Мешик говорит об этом перед большой аудиторией совершенно открыто, как о вещах общеизвестных. До разоблачительного XX съезда еще несколько лет, а тут министр называет вещи своими именами. Чего стоят одни фразы о массовых репрессиях тридцатых годов, остановленных при активном участии отца, о «разоблачении преступников, стоящих у руководства МВД» в послевоенные годы. Выходит, не было никакого прорыва к гласности ни на XX съезде, ни много лет спустя на апрельском Пленуме восемьдесят пятого. Правда была сказана гораздо раньше!

А почему Мешик на процессе говорил совершенно противоположное, догадаться нетрудно — костоломов у партии всегда хватало…

Судьба действительно обошлась с моим отцом жестоко. Полгода для реализации интересных замыслов, превращения карательного ведомства в действительно правоохранительный орган — не срок. Но и этого времени хватило энергичному и последовательному политику, чтобы успеть сделать немало. Уже 17 марта 1953 года он подписывает записку Председателю Совета Министров СССР с проектом постановления Совмина по реорганизации МВД. Предлагает, в частности, оставить в МВД только оперативный аппарат, передав все строительные главки и стройки МВД соответствующим министерствам, а ГУЛАГ передать в министерство юстиции. На следующий день постановлением Совета Министров СССР исправительно-трудовые лагеря и колонии со всеми службами, органами и подразделениями были переданы в Минюст, а стройки МВД — в ведение строительных министерств.

24 марта 1953 года отец направляет записку в Президиум ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. Одновременно записка рассылается членам Президиума ЦК Г. М. Маленкову, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Н. А. Булганину, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, М. З. Сабурову, М. Г. Первухину. Речь идет о том, что, по мнению отца, содержание большого количества заключенных, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, не вызывается государственной необходимостью. Смысл документа сводился к тому, что необходима широкая

амнистия. Проектом Указа, предложенного новым министром внутренних дел, предлагалось освободить из мест заключения до миллиона людей — едва ли не каждого второго. 27 марта Президиум Верховного Совета такой Указ принял.

Как вспоминают ветераны органов государственной безопасности и внутренних дел, изменилась сама атмосфера, царившая в кабинетах карательных ведомств. Но перемены, как мы уже знаем, были обречены, как и те люди, которые их начинали. И Хрущев, и Маленков уже рвались к безраздельной власти…

Говорят, нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Отец попытался. Наверняка ему казалось, что ситуация, сложившаяся к середине марта пятьдесят третьего, близка к той, когда он возглавил это ведомство впервые. Но теперь — проще. Он давно не новичок на кремлевском Олимпе, как это было в конце тридцать восьмого, над страной не нависает угроза большой войны, в конце концов нет Сталина, нет Жданова. Да и окружают люди, искренне разделяющие его взгляды. Коллеги! Так ему по крайней мере казалось.

Тогда, до войны, он начинал с этого же, с восстановления законности. К счастью, документы, подтверждающие самое активное участие отца в борьбе с произволом, сохранились.

Из официальных источников:

В феврале 1939 года была арестована и привлечена к ответственности группа работников Особого отдела Краснознаменного Балтийского флота за массовые необоснованные аресты и применение незаконных методов ведения следствия. Приказ о привлечении виновных к уголовной ответственности подписан наркомом внутренних дел Лаврентием Берия.

9 ноября 1939 года НКВД СССР издает приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», предписывающий освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране, установить строгий контроль за соблюдением всех уголовно-процессуальных норм. Ранее, 26 ноября 1938 года, новый нарком Л. П. Берия подписывает приказ о порядке осуществления требований постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Этот документ осуждал массовые аресты, укоренившийся в органах НКВД упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивался получением от обвиняемого признания своей вины и нисколько не заботился о подкреплении этого признания показаниями свидетелей, актами экспертизы, вещественными

доказательствами.

Было запрещено производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора, ликвидировались судебные «тройки», повышалась требовательность к лицам, нарушающим законность. Вскоре были преданы суду многие работники НКВД, занимавшиеся фальсификацией следственных документов, подлогами, арестами невиновных.

Но одного из главных виновников того дела новому наркому тронуть не позволят. И Ворошилов, как всегда, уйдет от ответственности. Но ненависть к нему «первый наш маршал» сохранит надолго. Когда партийная верхушка соберет в пятьдесят третьем Пленум ЦК, чтобы заклеймить «заговорщика», Климент Ефремович, на чьей совести десятки тысяч погубленных жизней, цвет Красной Армии, вдохновенно будет поддерживать самые несуразные и лживые утверждения. Столь же рьяно будут лгать Маленков, Хрущев, Каганович, все те, чьи руки обагрены кровью миллионов. Лгут о бывшем министре внутренних дел и сегодня. В 1993 году сразу несколько украинских газет опубликовали с соответствующими комментариями «секретный приказ, найденный в Государственном архиве общественных организаций». Приведем его с несущественными сокращениями.

«Совершенно секретно Приказ № 0078/42 22 июня 1944 г.

г. Москва

По народному комиссариату внутренних дел Союза ССР и народному комиссариату обороны Союза ССР.

Содержание: О ликвидации саботажа на Украине и контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобожденных областей Украины.

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти.

В отдельных районах областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов в сдаче хлеба для нужд Красной Армии…

Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины ПРИКАЗЫВАЮ 1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под

властью немецких оккупантов.

Выселение производить: а) в первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев; б) во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации; в) выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии.

2. Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться другим и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль: а) завести в особых отделах специальные дела на каждого; б) все письма проверять не через цензуру, а через особый отдел; в) прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и красноармейцев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12-ю и 25-ю карательную дивизии НКВД. Приказ объявить до командира полка включительно.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР *Берия.*
Зам. народного комиссара обороны Союза ССР,
Маршал Советского Союза *Жуков.*
Верно:
начальник 4-го отделения полковник *Федоров».*

Напомню: в свое время о том, что всех украинцев предполагалось «загнать в Сибирь», говорил и Хрущев. В детали, правда, не вдавался. Не этот ли секретный приказ имел в виду бывший Первый секретарь ЦК КПСС?

Сенсация, в отличие от многих подобных, лопнула, как мыльный пузырь. Вскоре та же центральная украинская печать и информационные агентства сообщили: фальсификация! Ложь по поручению ветеранов Великой Отечественной войны разоблачили председатель Киевского городского совета ветеранов генерал-лейтенант А. Шарыгин и председатель Украинского комитета Героев Советского Союза, почетный гражданин г. Киева генерал-лейтенант М. Пилипенко:

«Как содержание, так и форма этого «документа» сразу же при прочтении вызвали у нас, ветеранов Великой Отечественной войны (а многие из нас занимали в действующей армии командные должности), серьезные сомнения в его подлинности. И действительно, проведенная проверка по архивам упомянутых ведомств показала, что такого «приказа» в природе не

существовало. Под одним из названных номеров приказ НКВД был, но совершенно иного содержания.

И самым поразительным оказалось ознакомление с документами, хранящимися в Государственном архиве общественных организаций Украины. Упомянутый в газете документ там действительно хранится. Но это — немецкая листовка, которую фашисты разбрасывали в 1944 году вдоль линии фронта. Изготовлена эта листовка была ведомством Геббельса, о чем на ней сделана соответствующая отметка. Хранится она вместе с другими подобными листовками лживого провокационного содержания. При проверке также выяснилось, что в 1992 году с этой листовкой действительно знакомился В. Марочкин, научный сотрудник Института археологии Академии наук Украины.

Именно он и дал «новую жизнь» геббельсовской фальшивке и подал ее как подлинный документ. Эту грязную фальшивку затем использовал в своих целях известный лидер «Руха» Иван Драч в одной из своих публикаций, назвав ее «бомбой, взорвавшейся среди читателей». Нам хорошо понятна провокационная цель…»

Цель действительно видна, как говорится, невооруженным глазом: политика… Но сама история, связанная с фальсификацией, показалась нам достаточно типичной. Сколько их, таких же «документальных свидетельств», гуляет еще по свету!

В лабиринтах разведки

Рихард Зорге, Лев Маневич, Ким Филби, Джордж Блейк, Леопольд Треппер…. Даже спустя десятилетия эти громкие имена почти исчерпывают знания общества о людях, работавших в советской разведке. Впрочем, ничего удивительного в этом, разумеется, нет — разведка умеет хранить свои тайны. До сих пор, к примеру, замалчивается такой факт: на советскую разведку работала подруга Евы Браун, киноактриса Ольга Чехова. Кстати, родственница Антона Павловича… Дневала и ночевала в семье Гитлера.

Из официальных источников: Ольга Чехова. Родилась в 1896 году в пригороде Петербурга в семье инженера путей сообщения Константина Леонардовича Книппера. В 1916 году вышла замуж за артиста Московского художественного театра Михаила Чехова, эмигрировавшего в 20-х годах за границу. После развода до 1922 года жила в Москве у своей тетки — актрисы МХАТ, народной артистки СССР Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. В 1922 году выехала за границу.

Заметим, что имя советской разведчицы мною было названо еще в 1992 году. Год спустя российская печать предала гласности некоторые документы, связанные с таинственной судьбой Ольги Чеховой, подчеркнув, что она никогда не была советской разведчицей. Так, во всяком случае, заявили органы государственной безопасности.

Из справки, подписанной в ноябре 1945 года начальником 4 отдела Главного управления «СМЕРШ» генерал-майором Утехиным:

«В 1922 году Чехова Ольга с целью получения образования в области кинематографии выехала за границу и до последнего времени проживала в Германии — Берлин, Гросс-Глинике в собственном доме. Проживая за границей, получила известность как киноактриса и снималась в кинофильмах в Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, на Балканах и в Голливуде (США). Одновременно с этим со дня капитуляции Германии играла в частных театрах Берлина. В 1936 году получила звание «государственной актрисы Германии».

По агентурным материалам, а также по показаниям арестованного Управлением «СМЕРШ» Группы советских оккупационных войск в Германии агента германской разведки Глазунова Б. Ф., знающего Чехову О. К. с детских лет и поддерживающего с ней знакомство до последнего времени, Чехова Ольга как известная актриса неоднократно бывала на

официальных приемах, устраиваемых главарями фашистской Германии, и была близка к Гитлеру, Геббельсу и другим крупным нацистам.

После занятия Красной Армией Берлина Чехова О. К. была доставлена в Москву и помещена на конспиративной квартире Главного управления «СМЕРШ». Будучи в Москве, Чехова подробно опрашивалась о ее связях с фашистскими руководителями Германии. В своем объяснении Чехова подтвердила, что неоднократно бывала в качестве гостьи на приемах в министерстве пропаганды Германии и встречалась с Гитлером, Геббельсом, Герингом, Риббентропом и другими. Однако, как указала Чехова, приемы носили только официальный характер, на них бывали дипломаты, ученые, литераторы, актеры. Чехова объяснила, что в Германии многие из зависти к ней как знаменитости или из желания скомпрометировать ее в глазах русских могут сделать заявление о наличии у нее близких отношений с Гитлером или кем-либо другим из его окружения, однако таких связей у нее с этими лицами не было…

Оперативному работнику Главного управления «СМЕРШ», проживавшему вместе с Чеховой в квартире под видом сотрудницы «Интуриста», Чехова также заявила, что в Германии ее будут стараться оклеветать. При этом Чехова в качестве примера рассказала, что в 1945 году радиостанция «Атлантик» однажды передала сообщение, что Чехова вышла замуж за афганского посла в Германии и перешла в магометанскую веру. В другом случае «Атлантик» сообщила, что она вместе с германскими руководителями бежала из Берлина в другой город и занимается политической деятельностью. Будучи в Москве, Чехова вела дневник на немецком языке, который тщательно прятала. Секретным изъятием и просмотром дневника было установлено, что в дневнике Чехова записывает свои впечатления от пребывания в Москве. По поводу вопросов к ней об ее отношениях с нацистским руководителем Чехова записала следующее:

«Сообщения, которые обо мне распространяются достойны романа. Видимо, получены сведения, что я была близка с Гитлером. Боже мой, я много над этим смеялась. Каким образом и почему ведутся эти интриги? Невероятная и подлая клевета! Когда совесть чиста, то ничего не трогает. А как прекрасно, что можешь говорить правду. Захотят ли мне верить — покажет время.»

Есть все основания утверждать, что тогда, в Москве, талантливая актриса просто играла и с военной контрразведкой «СМЕРШ», и с органами безопасности. История с дневником и его

«секретным изъятием» лишнее тому подтверждение. Все, что писала Ольга Чехова, явно было рассчитано на людей из ведомства Абакумова. Похоже, смершевцы действительно уверовали в наивность женщины, которая в конспиративной квартире военной контрразведки (!) ведет дневник и свято верит в то, что это может остаться тайной… Не была и не могла быть Ольга Константиновна наивным человеком.

На допросах она вела себя молодцом. Во всяком случае, даже Абакумов, начальник Главного управления контрразведки — заместитель наркома обороны, о том, что задержанная в зоне советских оккупационных войск гражданка Германии Ольга Чехова является советской разведчицей, так никогда и не узнал. Что уж говорить об остальных…

Меня нисколько не удивляет, что органы государственной безопасности бывшего Союза, а ныне России не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец ни тогда, в сорок пятом, ни позднее решил ее не раскрывать. Случай, должен сказать, довольно типичный. По картотекам органов государственной безопасности не проходили — знаю это совершенно точно — сотни фамилий. Отец считал, что «настоящего налегала через аппарат пускать нельзя».

Это была общепринятая система советской стратегической разведки, которую в течение 15 лет возглавлял отец. В ГРУ, НКГБ-МГБ-КГБ всегда было иначе: там — «бухгалтерия», что нередко вело к провалам очень ценных агентов. Достаточно было оказаться в одной из зарубежных резидентур предателю — и вся агентурная сеть оказывалась в руках противника. Примеров подобных в истории советских спецслужб немало, к сожалению…

У англичан, кстати, тоже подобная система существовала: одни агенты проходили через «бухгалтерию», другие — нет. Нетрудно догадаться, кто из разведчиков ближе к провалу…

У отца, знаю, был целый ряд людей, которым он абсолютно доверял. Они-то и поддерживали связь с такими разведчиками, как Ольга Чехова. Утечка информации, даже проникни агентура противника в ГРУ или НКГБ-МГБ, была абсолютно исключена.

Некоторые люди, работавшие на советскую разведку и занимавшие очень высокое положение в Германии, Великобритании и других странах, «выходили» непосредственно на моего отца. Таких тоже было, знаю, немало. Кого-то, думаю, из них Сталин знал, но члены Политбюро однозначно — нет. Исключений тут не было. Да и Сталин, насколько могу судить, особого интереса к источникам информации не проявлял. Детали его обычно не интересовали. Он ставил задачу, а уж каким путем

она будет достигнута, его волновало мало. Сталина интересовал, как правило, лишь конечный, а не промежуточный результат. Заключения отца по тем или иным разведданным было для него вполне достаточно.

Хотя беспредельно Сталин никому не доверял. Он получал информацию по каналам стратегической разведки, разведки НКГБ, ГРУ, «СМЕРШа». Хорош или плох такой параллелизм, судить не берусь, но он был. Видимо, руководство страны это вполне устраивало.

Существовал, вполне понятно, и обмен информацией между спецслужбами, но стратегическая разведка благодаря настойчивости моего отца была исключением. Исходил он, насколько я понимаю, из режима особой секретности — «выход» на свою агентуру отец никогда и никому не давал, во всяком случае так было после 1942 года, когда органы государственной безопасности, а вместе с ними и разведка НКВД вышли из его подчинения.

В этой книге я рассказываю и о так называемых «атомных» разведчиках. Успех был колоссальный, но были ведь и провалы, которых, считал отец, вполне можно было бы избежать. Всему виной вмешательство различных служб. Грубо говоря, влезли и «засветили». Пострадало дело. «Социалистическое соревнование» в разведке всегда заканчивалось плачевно. Каждая группа, каждая резидентура стремится первой дать результат, вот и накладки, приводящие к провалу. Так ведь и с Ольгой Чеховой получилось. «СМЕРШ» просто влез туда, куда не следовало…

Когда отец узнал, что задержана немецкая актриса Ольга Чехова, поинтересовался, что Абакумов собирается с нею делать и какие компрометирующие эту женщину материалы есть у военной контрразведки. «СМЕРШ» какими-либо данными для ареста Чеховой не располагал.

— В таком случае, — сказал отец, — ее следует отпустить, пусть уезжает в Германию…

И Чехова действительно уехала в Германию. Насколько знаю, и она сама, и ее дочь были неплохо обеспечены и в Союз не возвратились.

Ольга Чехова была связана сотрудничеством с моим отцом много лет. Я знаю, кто ее вербовал и на каких основаниях это делалось, но не считаю себя вправе говорить о таких деталях из биографии разведчицы. Могу сказать лишь, что в отношении Ольги Чеховой не было допущено никаких провокаций и работала она на советскую стратегическую разведку отнюдь не из материальных соображений.

Ее вклад в успехи нашей разведки переоценить трудно. Ольга

Константиновна была поистине бесценным источником информации, которым не зря так дорожил Берия. Даже в своих мемуарах, изданных в ФРГ, она ни словом не обмолвилась о своей другой (главной) жизни. А ведь еще осенью сорок пятого в западной печати ее называли «русской шпионкой, которая овладела Гитлером», «королевой нацистского рейха» и даже писали, что в Москве ее принимал Сталин и наградил орденом Ленина.

Это не совсем так. За работу в разведке Ольгу Чехову действительно отблагодарили, обеспечив ее материальное благополучие, но орденом не награждали. А подозрения, что она работала на Советский Союз, так и остались на Западе всего лишь подозрениями, не больше.

Не так давно судьбой племянницы вдовы классика русской литературы заинтересовался Владимир Книппер. Ольга Чехова — его двоюродная сестра. Именно он обратился в свое время к Леониду Шебаршину, последнему руководителю Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) с просьбой уточнить некоторые детали, связанные с биографией родственницы.

Спецслужбы, как уже знает читатель, располагают информацией лишь о приезде Чеховой в победном сорок пятом в Москву и протоколами допросов, которые велись в конце апреля — осенью того же 1945 года. Куда больший интерес представляет один эпизод, рассказанный двоюродным братом Ольги Чеховой:

«Однажды в смутное послевоенное время Ольге Леонардовне позвонил незнакомый военный и сообщил, что привез из Берлина посылку. Книппер попросила доброго друга семьи актрису Софью Станиславовну Пилявскую съездить за посылкой. В ней оказались роскошные туалеты, короче — все необходимое для вечерних приемов. К посылке прилагалось письмо Олечки Чеховой, дочери Ольги Чеховой, с просьбой сообщить, как идут гастроли мамы в Художественном театре, играет ли она в «Трех сестрах»? Ольга Леонардовна была потрясена. Она попросила Качалова узнать подробнее о гастролях в нашей стране Ольги Чеховой. Тот связался по телефону со знакомым генералом в берлинской комендатуре и неожиданно услышал ответ, который поверг всех в еще большее смятение: «Об Ольге Чеховой я ничего не знаю, и больше не звоните, забудьте об этом».

«А может быть, нам и не следует ничего разгадывать, и пусть тайна так и остается тайной?» — задается вопросом брат известной актрисы. Похоже, что завеса над тайной, которая не дает покоя близким Ольги Константиновны уже много лет, все же приоткрылась. Сегодня ясно одно: «королева нацистского рейха»

Ольга Чехова была среди тех, кто мужественно боролся с фашизмом на незримом фронте.

Работала на Советский Союз и другая известная актриса, венгерка по национальности, Марика Рокк. Если Ольга Чехова была человеком, близким к семье Гитлера, то Марика Рокк была своим человеком в доме Геббельса, рейхсминистра пропаганды. Магда Геббельс была в быту довольно суровой женщиной, но знаменитой актрисе симпатизировала. С такой же симпатией относился к подруге жены и сам Геббельс. Впрочем, Марика не была особым исключением — рейхсминистр вообще увлекался женщинами. Гитлер долгое время не принимал его, скажем, из-за любовной интрижки с одной чешской кинозвездой. Но как бы там ни было, Марика Рокк имела доступ, без преувеличения, к ценнейшей разведывательной информации, которая и шла по линии советской стратегической разведки в Москву. Когда наши части вошли в Германию, она перебралась в Австрию, где ей помогли создать кинофирму. Позднее, насколько знаю, Марика Рокк уехала в Венгрию.

Когда читаю, что советская разведка не имела серьезных результатов в Германии, меня это, по меньшей мере, удивляет. Скорей всего, такие утверждения идут от незнания реальных фактов. А между тем — уж не знаю, какой смысл скрывать все это почти полвека — советская разведка имела несколько человек в германском генеральном штабе, которые регулярно передавали в Центр ценнейшие документы, вплоть до планов фронтовых операций.

На советскую разведку работали люди, занимавшие очень высокие должности в партийной канцелярии, руководстве гестапо, других государственных структурах Германии, входили в окружение Гитлера и высших должностных лиц фашистского рейха. Я назвал лишь Ольгу Чехову, но таких людей даже в ближайшем окружении Гитлера было немало. Почему я не считаю возможным назвать их имена? А кого обрадует сегодня на Западе, что его дед, отец были ценнейшими агентами советской разведки и лично Лаврентия Берия?

«На протяжении всей войны советская разведка была лучше информирована о союзниках СССР, чем о гитлеровской Германии…» «Победа под Сталинградом была достигнута не благодаря, а вопреки качеству советской разведки…» Эти «откровения» некоторых историков или, по крайней мере, людей, считающих себя таковыми, буквально потрясают. И это при таком количестве ценнейших источников в Берлине? Смешно… Смею утверждать, что на территории Германии и до войны, и в течение

всей войны действовала, причем очень эффективно, разветвленная разведсеть. Серьезные потери — это широко известно — понесла армейская разведка, но провалы ряда военных разведчиков вызваны не чьим-то предательством, а более прозаическими причинами: немцы стали использовать радиопеленгаторы. Наши же разведчики продолжительное время работали на одной частоте. Несколько радистов было арестовано, но больших перебоев в работе разведки не последовало — тут же была задействована внешняя радиосеть в Голландии, Люксембурге и других странах. Для передачи данных, полученных советской разведкой на территории нацистской Германии, активно использовалась и внешняя резидентура во Франции, Скандинавских странах.

Блестяще работала советская разведка и в других странах. Глава французской разведки, второе лицо в английской разведке… А ведь на Советский Союз работали не только они…

То, что мой отец на протяжении многих лет возглавлял советскую стратегическую разведку, в СССР тщательно скрывалось. Зато широко публиковались документы, в которых он требует «стереть в лагерную пыль» разведчиков, докладывавших в Центр о подготовке Германии к войне…

Из документальной повести Овидия Горчакова «Накануне, или Трагедия Кассандры»: «Из докладной записки Л. П. Берия И. В. Сталину: «21 июня 1941 года… Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра… То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией… Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранцева, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе… Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет»

Утверждаю с полным основанием, что процитированная Горчаковым записка отца Сталину — заурядная фальсификация. Кого собирался «стереть в лагерную пыль» Берия? Ольгу Чехову или десятки других людей, задолго до войны сообщавших о ее начале? Полагаю, Горчаков просто выполнил социальный заказ —

в очередной раз оболгать моего отца.

Из документальной повести Овидия Горчакова: «На старой папке, где хранятся эти донесения, выцветшими фиолетовыми чернилами пронумерован фонд, опись, дело. Когда открываешь папку, в глаза бросается резолюция, написанная с нажимом вечным пером: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Алмаза», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить». Подпись: «Л. Берия. 21 июня 1941 года».

Впечатляет, верно? «Старая папка» из секретного архива, резолюция, «написанная с нажимом вечным пером», угроза «стереть в лагерную пыль»… А был ли мальчик?.. Опус сей, пусть простит читатель за резкость, официально советскими официальными органами никогда и нигде не публиковался, хотя и цитируется уже не первый год. В чем же дело? Не было, разумеется, никогда ни этой дурацкой записки, ни столь же дурацкой резолюции, которую приписывают человеку, как никто другой знавшему и день и час немецкого вторжения. Лишь по этой банальной причине (не было и этой записки!) не мог Сталин наложить на одной из разведсводок даже красными чернилами, как утверждал Горчаков, резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». По Горчакову, Сталин не поверил радиограмме советского военного атташе из давно оккупированной немцами Франции… «Документ» якобы датирован 21 июня. И таких «документов» в «документальной» повести хоть пруд пруди…

Проще всего опубликовать все документы, связанные и с отцом, и с деятельностью советской разведки накануне войны. Но документы, а не образчики прямой фальсификации, как это сделал Горчаков. Да и он ли один… Столь же недобросовестных исследователей истории советской разведки хватало во все времена. Именно они насаждали в отечественной историографии ложный тезис о внезапном нападении Гитлера на Советский Союз. Неудачи и трагедия начального периода войны, мол, на совести тех, кто недостаточно информировал военно-политическое руководство СССР. Если бы не Берия, Деканозов (кадровый разведчик!), не было бы ни отступления до Волги, ни колоссальных потерь. Снова, как мы убеждаемся, партия «была не в курсе»…

Старый, избитый прием. Не случайно ведь Горчаков не привел ни единой ссылки на принадлежность цитируемых им

«документов» к конкретным фондам. А все подобные публикации, как известно, их содержат.

Подлинной сенсацией и у нас, и на Западе могло бы, скажем, стать рассекречивание материалов, связанных с деятельностью советской стратегической разведки в предвоенные годы, когда мой отец возглавил эту засекреченную структуру. Сколько написано о работе военной разведки, разведки КГБ, о стратегической ни слова. Полагаю, основная причина в том, что вся ее история так или иначе связана с именем моего отца.

Уже не секрет, что Советский Союз располагал планом гитлеровского нападения на СССР еще до войны, причем с полным оперативным развертыванием. И в ходе самой войны особых неожиданностей, насколько я знаю, для нас не было. Заблаговременно узнала советская разведка о перенацеливании вермахта на Украину, о прорыве в направлении Сталинграда, Кавказа. Мы знали о том, что происходит в ставке Гитлера, в Генеральном штабе вермахта, в штабах родов войск.

Самого доброго слова заслуживает деятельность военной разведки, фронтовой разведки. Даже в самые критические периоды нашего хаотичного отступления армейские разведчики мужественно исполняли свой долг, обеспечивая военное руководство необходимой информацией. Проблема была в другом — и Генеральный штаб, к сожалению, и руководители фронтов, армейских группировок не всегда эффективно использовали полученные разведданные. Но это не вина разведки. Считаю, что и у нас, и на Западе роль советской разведки принижалась нередко сознательно. Имею в виду все наши разведслужбы независимо от их ведомственной принадлежности. Не зря ведь все военачальники высоко оценивали деятельность людей, о которых никогда не сообщалось во фронтовых сводках. Лишь один пример, взятый из опубликованной еще почти четверть века назад статьи Георгия Константиновича Жукова «Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории»:

«Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 года мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением. Проанализировав их и обсудив с командующими Воронежским и Центральным фронтами, с начальником Генерального штаба А. М. Василевским, мы смогли о вероятных планах врага сделать выводы, которые впоследствии оказались верными. В соответствии с этими выводами и был построен наш замысел битвы под Курском, также оказавшийся вполне целесообразным. Вначале советские войска измотали противника в оборонительном сражении, а затем перешли в контрнаступление

и разгромили вражеские группировки».

Актуальность статьи маршала Жукова не вызывает сомнений и сегодня, когда фальсифицируется история Второй мировой войны с еще большим усердием, нежели это делалось в шестидесятые и семидесятые годы. Читаю как-то в одной из книг, изданных не так давно на Западе, что октябрьское наступление под Москвой в 1941 году явилось полнейшей неожиданностью для Ставки Верховного Главнокомандования. Еще один миф. Разведке были отлично известны планируемые броски Гудериана, а так как там у нас ни танковых, ни противотанковых соединений не было, в этот район тут же были брошены части, имевшие на вооружении противотанковые орудия и противотанковые ружья. Стоит ли говорить, какую высокую оценку получили разведданные у Ставки Верховного Главнокомандования…

Разумеется, нельзя серьезно говорить и о возможном блокировании разведывательной информации накануне войны. Как я уже говорил, план «Барбаросса» был доложен Сталину еще до войны. Вопреки досужим вымыслам, должен заявить, что никаких сомнений о возможном нападении немцев на СССР у Сталина не было. К разведке он всегда относился достаточно серьезно и неоднократно, в том числе и в узком кругу, подчеркивал, что разведка имеет колоссальное значение в борьбе с фашизмом. Знаю, что некоторые очень крупные разведчики получили ордена из рук Верховного Главнокомандующего. Знаю также совершенно точно, что во время войны он дважды принимал разведчиков, находившихся в те дни на территории СССР не для доклада, а просто хотел их поблагодарить. Немногие посвященные знали, что Сталин встречался и с некоторыми семьями разведчиков, работавших за границей. Полагаю, об этих фактах должно быть известно и людям, многие годы находившимся в руководстве разведслужбами и после войны.

При всех своих минусах значение разведки он хорошо понимал. Сталин, который не позволял транжирить деньги даже военным, никогда не отказывал в валюте, средствах для разработки специальной техники разведке. Тоже факт, считаю, довольно показательный. Могу судить даже по личным впечатлениям: когда я участвовал в обеспечении секретных мероприятий на Тегеранской и Ялтинской конференциях в 1943 и 1945 годах, не раз убеждался, сколь высок уровень технической оснащенности советских спецслужб. Мы ведь прослушивали и в Иране, и позднее в Крыму не только Рузвельта и Черчилля, но и все их ближайшее окружение.

Столь же надежной и современной отечественной аппаратурой были оснащены и наши разведчики, работавшие в

глубоком тылу врага. Когда немецкие пеленгаторщики начали засекать наших радистов, работавших на территории Германии, что привело к целой серии провалов советской агентуры, в спецлабораториях НКВД за считанные месяцы была изготовлена аппаратура, позволявшая за полсекунды выпускать в эфир до нескольких тысяч знаков. Это были многочастотные станции, которые автоматически в течение короткого промежутка времени передавали информацию на разных частотах, и запеленговать их ни одна немецкая, английская, да и наша пеленгационная станция до самого конца войны не могла. Аналогов такой радиотехники в мире не было. Радиостанция, предназначенная для разведчиков, была довольно интересно устроена. Сперва вся информация записывалась на металлическую ленту или кодировалась на диске, а затем все это мгновенно прокручивалось и шло в эфир. Считывающие устройства были сделаны таким образом, что превращали эту информацию в высокочастотные колебания. И если раньше радист вынужден был порой работать в эфире часами, что было только на руку пеленгаторщикам, то теперь засечь радиостанцию, работавшую, скажем, в Берлине, немцы не могли. По тем временам техника была уникальная.

Мало того, все эти радиостанции были малогабаритными и, что очень важно, работали от портативных аккумуляторов, не требующих подключения радиостанции в сеть. Дело в том, что немцы, прочесывая район, откуда предположительно могла вестись передача, практиковали отключение электроэнергии по определенной системе и могли довольно точно устанавливать место, где находился радист. С появлением новых советских радиостанций и эти меры утратили эффективность. Нередко наши разведчики вели передачу с ходу, в движении, если под рукой оказывались мотоцикл или автомашина.

Досадные промахи, которые просто невозможно предусмотреть, конечно, случались и в дальнейшем, бывали и провалы, но ни одна новая советская радиостанция радиопеленгаторщиками не была раскрыта. Так было не только в Германии, но и в Дании, Голландии, других странах.

Но какой бы совершенной ни была техника, успех дела в разведке всегда решали люди. Не первый год гуляет по свету байка о том, что накануне войны начальник ГРУ генерал Ф. Голиков приказал зарубежной агентуре отслеживать конъюнктуру цен на шерсть и мясо в странах Западной Европы. Якобы он исходил из того, что для ведения боевых действий на территории СССР — страны с суровым климатом — немцы непременно заготовят не менее шести миллионов тулупов. И как только

начнется массовый забой баранов, следует ожидать немецкого вторжения. Якобы с такими доводами согласился и Сталин… А между тем советское руководство не нуждалось в таком косвенном подтверждении планов вермахта. Источники, повторяю, у нашей разведки были совершенно иные и куда более надежные.

Одним из тех, кто поддерживал связь с моим отцом, был Рихард Зорге, которому много лет спустя было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны на территории СССР среди военнопленных оказался родной брат разведчика. По указанию отца его перевели из лагеря военнопленных в одну из специальных лабораторий, где он и работал впоследствии.

Нередко утверждают, что известный разведчик был предан советским правительством, которое не сумело или не захотело спасти Зорге от казни. Но отбросим эмоции и задумаемся вот над чем. Кто назовет хотя бы один случай в истории разведки, когда разведчик-нелегал попадает в тюрьму и признается каким-либо правительством? А Зорге ведь не признал себя советским разведчиком…

Тогда, во время войны с Германией, обмен был невозможен и по другой причине. В таком случае Советскому Союзу пришлось бы признать сам факт существования в Японии широкой разведывательной сети. Как бы любое правительство ни ценило своего разведчика, на такой шаг нигде и никогда оно не шло. Советское правительство не исключение…

Вне всяких сомнений, Рихард Зорге — выдающийся разведчик, но он лишь один из сотен, что нисколько, убежден, не умаляет ни его личного мужества, ни высочайшего профессионализма.

Об этом тоже никогда и нигде не писали, но с арестом Зорге и его ближайших помощников советская разведывательная сеть в Японии практически не пострадала. Зорге ведь в основном специализировался по Германии, а в Японии на Советский Союз работали и люди из русской эмиграции, и другие агенты, а главное, с нами активно сотрудничали японские чиновники самого высокого ранга… Назову лишь имя человека, который не был советским агентом, но был, скажем так, человеком нашего влияния. Речь о видном японском государственном деятеле, министре иностранных дел Мацуоки. В личной беседе со Сталиным он заявил, что Германия готовит нападение на СССР, и сообщил точную дату немецкого вторжения, добавив, что одновременного выступления его страны вместе с германской армией не последует. Разумеется, министр не мог дать гарантии советскому руководству, что, скажем, через год Япония не

ввяжется в войну, но и этой информации было вполне достаточно. А если учесть, что на советскую разведку работали высокопоставленные японцы, нетрудно догадаться, что соответствующая информация поступала в Центр из Японии на протяжении всей Второй мировой войны.

Столь же сильны были позиции советской разведки и во Франции. Летом 1993 года западная печать сообщила, что рассекреченные в Вашингтоне документы свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты следили за частной перепиской французского лидера генерала Шарля де Голля, раскрывали шифры французского союзника, перехватывали секретные дипломатические послания. А на Советский Союз работал, например, полный французский генерал Зиновий Пешков. Сейчас его имя мало кому о чем говорит, но это была фигура!

Из воспоминаний помощника Сталина Бориса Бажанова: «Я знакомлюсь с семейством Свердловых. Это очень интересное семейство. Старик Свердлов уже умер. Жил в Нижнем Новгороде и был гравером. Он был очень революционно настроен, связан со всякими революционными организациями, и его работа гравера заключалась главным образом в изготовлении фальшивых печатей, при помощи которых революционные подпольщики фабриковали себе подложные документы. Атмосфера в доме была революционная. Но старший сын Зиновий в результате каких-то сложных душевных процессов пришел к глубокому внутреннему кризису, порвал и с революционными кругами, и с семьей, и с иудаизмом. Отец проклял его торжественным еврейским ритуальным проклятием. Его усыновил Максим Горький, и Зиновий стал Зиновием Пешковым. Но, продолжая свой душевный путь, он отошел и от революционного окружения Горького, уехал во Францию и поступил в Иностранный легион для полного разрыва с прошлой жизнью. Когда через некоторое время пришло известие, что он потерял в боях руку, старик Свердлов страшно разволновался: «Какую руку?» — и когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку. Зиновий Пешков стал французским гражданином, продолжал служить в армии и дошел до чина полного генерала. От семьи он отрекся полностью. Когда я, приехав во Францию, хотел сообщить ему новости о его двух братьях и сестре, живших в России, он ответил, что это не его семья и что он о них ничего знать не хочет».

Судьба брата Якова Свердлова действительно загадочна. На

советскую разведку работали сотни эмигрантов. Знаю, что боевыми орденами СССР отмечена деятельность на этом поприще представителей известнейших княжеских фамилий, крупнейших дворянских гнезд. Сотрудничали они с нами отнюдь не за деньги, принципиально отказываясь от любого вознаграждения. Ими двигали совершенно иные мотивы. Я, например, не знаю ни одной страны, ни одной разведгруппы, где бы не работали бывшие наши соотечественники, волею судьбы оказавшиеся вне пределов Отечества.

Всегда помнил о Родине и Зиновий Пешков. Мне не раз приходилось слышать это имя. И отец, и люди, близкие к нему, отзывались о Пешкове как об очень умном и способном человеке. Тогда же я и узнал, что Зиновий Пешков, брат Якова Свердлова, глава французской разведки…

В свое время я слышал, что Зиновий участвовал в какой-то степени в революционном движении, был связан с Алексеем Максимовичем Горьким — тот был его крестным отцом в православии. Брат первого Председателя ВЦИК — крещеный еврей.

Я читал его воспоминания, но там, разумеется, даже намека нет на связь Пешкова с советской разведкой. Ни слова и о том, что полный французский генерал руководил когда-либо разведывательной службой. И это тоже понятно. Он и умер, не признав свою связь с советской разведкой. Но для меня нет никаких сомнений по поводу того, как относился генерал к своей Родине. Конечно же с симпатией. Думаю, не совсем безразличен он все же был и к идеям коммунизма.

Вообще, очень много граждан Франции, в том числе русских, грузин, евреев, людей других национальностей, работали на советскую разведку. Так было и до назначения моего отца на должность наркома внутренних дел, и позднее — в военные и послевоенные годы. А сколько было французов, которые не являлись советскими агентами, но сочувствовали Советскому Союзу, идеям социализма и коммунизма. Можно, безусловно, объяснить это обстоятельство в какой-то мере тем, что Запад не имел полной информации о том, что происходит внутри СССР. Пусть так, но факт остается фактом: сторонников Советский Союз имел очень много и во Франции, и в других европейских странах. Я, скажем, абсолютно уверен, что Жолио-Кюри, например, не только не препятствовал передаче совершенно секретной информации, связанной с ядерным проектом, советской разведке, но, скорее всего, и в значительной степени содействовал этому…

Прочные связи с французской интеллигенцией и грузинской эмиграцией во Франции отец имел еще с двадцатых годов. Все

началось, насколько знаю, с его прихода в советские спецслужбы, а точнее, в контрразведку 11-й армии. Среди людей, направивших отца на эту работу, были Киров и видные грузинские большевики — братья Стуруа и Джапаридзе. Примерно тогда же стали налаживаться первые контакты с грузинскими меньшевиками, многие из которых оказались во Франции. Так что сильные корни у советской разведки появились во Франции задолго до войны с Германией. А надо учесть, что тамошние резидентуры поставляли в Центр информацию не только о Франции, но и о вероятном противнике — нацистской Германии. Сама французская разведслужба, впрочем, как и английская, полностью была под нашим контролем в течение многих лет.

Непосредственно был связан с моим отцом и один из руководителей английской разведки, легендарный советский разведчик Ким Филби. Родился, он в 1912 году в семье чиновника английской колониальной администрации в Индии. После окончания Кембриджского университета сделал карьеру в правительственном аппарате. Выдавая себя за сторонника сближения между Англией и Германией, вступил в англо-германское общество, неоднократно выезжал в Берлин как корреспондент одной из ведущих английских газет. В британскую секретную службу он поступил еще до войны и в 1944 году даже возглавил центральный отдел по борьбе с СССР и международным коммунистическим движением. Позднее работал в Вашингтоне, на Ближнем Востоке. По оценке ряда специалистов, в перспективе вполне мог стать руководителем Интеллидженс Сервис, но, опасаясь провала, вынужден был бежать в Советский Союз. Кстати, именно Филби перед войной информировал Центр о подробностях бесед офицеров английской разведки с Рудольфом Гессом…

Из официальных источников:

Рудольф Гесс. Родился в 1894 году. В годы Первой мировой войны — летчик. Был осужден за участие в путче 1923 года в Мюнхене. Тюремное наказание отбывал вместе с Гитлером, помогал ему в написании книги «Майн кампф». С 1925 года — личный секретарь Гитлера, обергруппенфюрер СС. В сентябре 1939 года Гитлер назначил его своим преемником (после Геринга).

Член фашистской партии с 1920 года. Активно участвовал в подготовке и развязывании Второй мировой войны.

В мае 1941 года Гесс совершил полет в Великобританию с целью заключить соглашение о перемирии и склонить

политических деятелей страны к совместной борьбе против СССР, потерпел неудачу в своей миссии и был интернирован как военнопленный. Нюрнбергским трибуналом приговорен к пожизненному заключению. Содержался в тюрьме Шпандау. В августе 1987 года совершил самоубийство. До сих пор не ясен ряд вопросов, связанных с миссией Гесса. Материалы английских архивов, касающиеся Гесса, будут рассекречены лишь в 2002 году.

Из воспоминаний Уинстона Черчилля:

«Я счел, что это фантастика. Однако сообщение оказалось верным. Ночью поступили дополнительные сообщения, подтверждающие это известие. Не подлежало сомнению, что Гесс, заместитель фюрера, рейхсминистр без портфеля, член министерского совета обороны Германской империи, член тайного германского совета кабинета министров и лидер нацистской партии, приземлился один на парашюте близ поместья герцога Гамильтонского на западе Шотландии. Управляя своим самолетом, он, в форме капитана германской авиации, вылетел из Аугсбурга и выбросился с парашютом. Вначале он назвался Хорном, и лишь в военном госпитале около Глазго, куда его доставили по поводу легких ранений, полученных им при приземлении, было установлено, кто он такой. Вскоре его перевезли сначала в Тауэр, а затем в другие места заключения в Англии, где он оставался до 6 октября 1945 года, когда присоединился в Нюрнбергской тюрьме к своим уцелевшим коллегам, представшим перед судом победителей.

Я никогда не придавал сколько-нибудь серьезного значения этой проделке Гесса. Я знал, что она не имеет никакого отношения к ходу событий… Советское правительство было чрезвычайно заинтриговано эпизодом с Гессом, и оно создало вокруг него много неправильных версий. Три года спустя, когда я вторично приехал в Москву, я убедился, насколько Сталин интересовался этим вопросом. За обедом он спросил меня, что скрывалось за миссией Гесса. Я кратко сообщил ему то, что изложил здесь. У меня создалось впечатление, что, по его мнению, здесь имели место какие-то тайные переговоры или заговор о совместных действиях Англии и Германии при вторжении в Россию, которые закончились провалом. Зная, какой он умный человек, я был поражен его неразумностью в этом вопросе. Когда переводчик дал мне понять, что Сталин не верит моим объяснениям, я ответил через своего переводчика: «Когда я излагаю известные мне факты, то ожидаю, что мне поверят». Сталин ответил на мои резковатые слова добродушной улыбкой: «Даже у нас, в России, случается многое, о чем наша разведка не считает необходимым сообщать мне». Я не стал продолжать этот

разговор».

В Советском Союзе благодаря разведке было совершенно точно известно, что Гесс прибыл в Англию с прямыми предложениями о заключении мира на определенных условиях, приемлемых для Англии. Если бы не долговременные интересы, которые все же взяли верх, английская правящая верхушка вполне готова была пойти на союз с Германией. Иными словами, полет этот не был спонтанным, остальное — не больше чем инсценировка, которая призвана была ввести в заблуждение мировое сообщество. Нисколько не сомневаюсь, что и сама смерть Гесса отнюдь не случайна. Для меня абсолютно ясно, что видного в прошлом нациста просто убрали. Он ведь был в том возрасте, что уже мог не бояться за свое будущее и заговорить о том, что и в наши дни нанесло бы серьезный ущерб Западу…

«Совершенно секретно Справка

Вадим сообщил из Лондона, что:

1) по данным «Зенхена», Гесс, прибыв в Англию, заявил, что он намереваются прежде всего обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года. Гамильтон принадлежит к так называемой кливденской клике. Гесс сделал свою посадку около имения Гамильтона.

2) Кирк Патрику, первому опознавшему Гесса чиновнику «Закоулка», Гесс заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока неизвестна (Кирк Патрик — бывший советник английского посольства в Берлине).

№ 376.

14/V—1941 г.».

«Зенхеном» был советский разведчик Ким Филби, непосредственно связанный с моим отцом — главой советской стратегической разведки, «Вадимом» — резидент НКВД в Лондоне в 1941–1943 годах Иван Андреевич Чичаев…

Из сообщения Кима Филби в Центр от 18 мая 1941 года: «Гесс до вечера 14 мая какой-либо полной информации англичанам не дал.

Во время бесед офицеров английской военной разведки с Гессом он утверждал, что прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи как стабилизирующей силы.

По заявлению Гесса, он продолжает оставаться лояльным Гитлеру.

Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергнуто.

В беседе с Кирк Патриком Гесс заявил, что война между двумя северными народами является преступлением… «Зенхен» считает, что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны Гесс, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера».

Заметим, что о ходе переговоров Гесса с англичанами советская разведка имела полную информацию не только от Филби. В 1991 году КГБ СССР передал известному американскому историку и публицисту Джону Костелло ряд секретных ранее документов, полученных весной 1941 года от советских резидентур в Берлине и Вашингтоне. Информация, полученная из Германии и Соединенных Штатов, полностью подтвердила сообщения Филби:

«(Из Вашингтона.) Гесс прибыл в Британию с полного согласия Гитлера с целью начать переговоры, так как Гитлер не мог открыто предложить мир, не нанеся ущерба немецкому престижу. Поэтому он избрал Гесса в качестве своего секретного эмиссара.

(Из Берлина.) Действия Гесса — это не бегство, а акция с ведома Гитлера с целью предложить мир Британии. Начальник американского отдела в министерстве иностранной пропаганды Эйцендорф сообщил, что Гесс в наилучшем здравии и полетел в Британию с определенным поручением и предложениями от германского правительства».

Конечно же это лишь ничтожно малая часть той колоссальной информации, которая поступила тогда в Центр. И из Англии, и из Германии мы получали материалы о содержании всех бесед, которые английская разведка вела с Гессом. Могу с полным основанием утверждать, что большая их часть в СССР никогда не предавалась гласности, а в самой Великобритании на эту информацию наложен полный запрет. Уверен, что мировой общественности еще предстоит узнать немало любопытного о людях, непосредственно связанных с историей таинственного перелета высокопоставленного германского чиновника в Англию. Имею в виду в первую очередь сэра Черчилля и постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Кадогана, возглавлявшего, к слову, всю стратегическую разведку Ее Величества…

Вряд ли мог пойти на самоубийство 93-летний старик. Вольф Рюдигер Гесс, сын человека, перелетевшего в мае сорок первого на «Мессершмитте-110» в Шотландию, не без оснований считает, что его отец был готов нарушить обет молчания и рассказать всю правду об истории полувековой давности. По его утверждению, Рудольф Гесс был убит 17 августа 1987 года по заданию британского министерства внутренних дел двумя военнослужащими 22-го воздушно-десантного полка, подчиненного министерству внутренних дел. Руководство операцией осуществляли люди из британской контрразведки. Не исключено, считают на Западе, что акция была проведена в связи с тем, что советское руководство готово было дать согласие на освобождение Гесса осенью того же 1987 года — охрану тюрьмы Шпандау периодически несла рота Группы советских войск в Германии. Если учесть явную незаинтересованность английской стороны в разглашении государственной тайны, вся эта история весьма похожа на правду. Во всяком случае, убежден, англичанам есть что скрывать. Тогда, в сорок первом, английское руководство этими сепаратными переговорами однозначно подталкивало Германию на войну с Советским Союзом.

Те же западные источники, видимо тоже не без оснований, настаивают на существовании плана? 0274 В, предложенного Гитлером:

«1. Нужно документально доказать английскому правительству, что после краха Франции продолжение войны бесполезно.

2. Обещать Англии, что она сохранит полную независимость и все колонии. Однако она должна отказаться от всякого вмешательства в дела какой-либо страны Европы.

3. Предложить Великобритании заключить на 25 лет соглашение с Германией.

4. Великобритания должна сохранять благожелательный нейтралитет в отношении Германии во время русско-германской войны».

Надо полагать, эти указания Гитлера и были положены в основу переговоров Гесса с англичанами.

А в заключение — лишь один документ, хранящийся в архивах бывшего КГБ СССР:

«Снятие копий без разрешения Секретариата НКВД Союза ССР запрещается.

Копия. Совершенно секретно.

Экз.№ 4, октября 2. Государственный Комитет Обороны Союза ССР.

Товарищу Сталину Товарищу Молотову

Начальник чешской военной разведки полковник Моравец сообщил резиденту НКВД в Лондоне следующее:

Распространенное мнение о том, что Гесс прилетел в Англию неожиданно, является неверным. Задолго до совершения перелета Гесс имел переписку по этому вопросу с лордом Гамильтоном. В этой переписке подробно обсуждались все вопросы организации перелета. Однако сам Гамильтон в переписке участия не принимал. Все письма Гесса на имя Гамильтона адресату не попадали, а получались Интеллидженс Сервис, где составлялись также ответы Гессу от имени Гамильтона. Таким путем англичанам удалось заманить Гесса в Англию.

Полковник Моравец заявил также, что он лично видел переписку между Гессом и Гамильтоном. По заявлению Моравца, в письмах Гесса достаточно ясно излагались планы германского правительства, связанные с нападением на Советский Союз.

В этих письмах содержались аргументированные предложения о необходимости прекращения войны между Англией и Германией.

В заключение полковник Моравец заявил, что англичане, таким образом, располагают письменными доказательствами виновности Гесса и других нацистских главарей в подготовке нападения на СССР.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР *Л. Берия* ».

Не буду скрывать, что среди выдающихся советских разведчиков, кроме Кима Филби, было немало других подданных ее величества. Достаточно назвать, например, имена Дональда Маклина, Гая Берджеса… На Советский Союз работали даже люди, довольно близкие к королевской семье. Я имею в виду кузена Елизаветы II, крупного британского искусствоведа Энтони Бланта. Говорили, что вместе с Маклином, Берджесом, Кимом Филби и Джоном Кэрнкроссом он входил в знаменитую «кембриджскую пятерку»…

Считаю, что лишь российская разведка вправе делать определенные заявления. Насколько же мне известно, ни Энтони Блант, ни Джон Кэрнкросс советскими разведчиками себя не признали, а многочисленные публикации, действительно широко известные на Западе, не дают и мне основания определенно говорить на эту тему.

«Пятого» из «кембриджской пятерки», Джона Кэрнкросса, служившего в годы Второй мировой войны в центре дешифровки, на Западе считают одним из лучших агентов, когда-либо работавшим на советские органы безопасности. С его именем

часто связывают доступ нашей разведки к шифрам «Энигмы»… Некоторые источники, видимо, вполне обоснованно считают, что Кэрнкросс передал в Москву тонны совершенно секретных документов. Нередко его сравнивают с не менее работоспособным агентом советской разведки в США Гарри Гопкинсом…

О Гопкинсе могу сказать лишь одно: этот человек относился к тем высокопоставленным государственным чиновникам стран Запада, которые считали, что лучше иметь дело с более прогрессивным, несмотря на все минусы, Советским Союзом, нежели с нацистской Германией. А история с «Энигмой» действительно любопытна. Несколько лет назад, по сообщениям западной прессы, эта немецкая шифровальная машинка была продана на одном из аукционов в Лондоне. А в годы Второй мировой войны англичане с ее помощью действительно читали совершенно секретную информацию командования германских вооруженных сил, передаваемую таким же аппаратом. В Англии была создана целая система расшифровки «Ультра», обрабатывавшая всю секретную информацию, поступавшую из Германии, Италии и Японии. Это действительно был колоссальный успех наших союзников. Тем не менее делиться этими секретами с Советским Союзом западные державы не пожелали. Могу сказать, что все эти шифры советская разведка получила, как говорят, неофициальным путем. У англичан не было секретов, которые им удалось бы скрыть от Советского Союза.

Вспоминаю одну историю, связанную с расшифровкой перехваченных немецких сообщений самими же англичанами. Речь шла о массированном налете германской авиации на Ковентри. Черчилль знал, что сотни бомбардировщиков не оставят от города камня на камне, но запретил передавать эту информацию противовоздушной обороне. Ни один полк ПВО, ни одна батарея не были переброшены в район будущей трагедии. Черчилль понимал, что, поступи он иначе, станет ясно, что англичане владеют немецкими шифрами. А премьер-министр считал, что тайну надо сохранить хотя бы до высадки союзников в Европе…

Я не берусь судить, прав был тогда Черчилль или нет, но законы разведки действительно жестоки.

Есть, кстати, прямые доказательства, что именно сэр Уинстон Черчилль долгое время стоял во главе английской разведки.

Об этом сегодня предпочитают не вспоминать, но английская разведка работала на территории СССР и в войну Да и не только английская. Американскую разведку на территории союзника возглавлял Гарриман и этого факта, кстати, не скрывал. Когда

была захвачена очень крупная американская разведчица и было принято решение обменять ее на нашего разведчика, Гарриман лично приехал ее забирать.

Во время войны и позднее на разведку Соединенных Штатов работали и советские граждане, но в основном, конечно, иностранцы. Нелегалы были чистокровными американцами, прекрасно владевшими языком и знавшими наши обычаи.

Но, по мнению отца, в тот период и английская, и тем более американская разведки резко уступали разведслужбам Германии. Вместе с тем, говорил отец, основные акции, которые планировали германские спецслужбы, были нам хорошо известны, так как почти во главе их стояли люди, работавшие на Советский Союз. Имелись в виду, насколько знаю, как политическая разведка Германии, так и абвер…

Я, конечно, интересовался работой советских и зарубежных разведслужб. Как объяснял отец, успех советской разведки в значительной степени был обусловлен тем, что с нами активно сотрудничали студенчество, молодежь, техническая интеллигенция Запада, рассматривающие Советский Союз как первенца романтических идей социализма. Но не только они, а даже представители аристократии, которые видели в СССР реальную силу, способную сокрушить фашизм. Это, по сути, была та база, на которой строилась советская разведка.

В США позиции советских разведслужб в этом плане были несколько слабее. Видимо, сказывался известный практицизм американцев. Но и там благодаря усилиям отца и людей, которые с ним трудились, а это были, должен подчеркнуть, профессионалы высочайшего класса, из года в год росло число наших сторонников, которые очень помогли разведке Советского Союза.

Сама американская разведка, по сути, лишь зарождалась. Имею в виду стратегическую разведку. Армейские же разведслужбы США действовали, знаю, довольно эффективно. Но, безусловно, среди разведок союзников лидировала английская. Отец рассказывал мне о нелегалах на территории СССР. Некоторые из них, говорил он, внедрены в Россию еще до революции, но продолжают работать. Часть из них удалось выявить благодаря архивам российской разведки, но арестовывать, как правило, не спешили…

Когда рассекретят архивы бывшего КГБ, ГРУ, общественность наверняка узнает и об агентах-двойниках — а такие были всегда — и о нашей агентуре, работавшей многие годы в странах Запада. Я, скажем, знаю, что еще до Второй мировой войны советская разведка была довольно тесно связана с польской церковью,

особенно с католической. Как-то у нас в доме появился новый гость. Накануне отец предупредил, что ждет епископа из Польши. Позднее сказал, что человек, который у нас гостил, «держит в своих руках едва ли не всю европейскую разведку».

Подробностей не знаю, но отец рассказывал, что благодаря клерикальным кругам в Польше мы налаживаем связи с католиками Германии, которые находятся в оппозиции к Гитлеру. Какие-то услуги оказывали польскому костелу и наши спецслужбы. Например, в освобождении каких-то людей…

Так уж вышло, что разведка стала делом всей жизни моего отца. Чем он ни занимался впоследствии — ядерным проектом, баллистическими ракетами и комплексами ПВО, стратегическими отраслями промышленности, — от обязанностей руководителя советской стратегической разведки его никогда не освобождали.

Что представляла собой стратегическая разведка? В отличие от военной разведки, разведки НКВД-НКГБ-МГБ, это была засекреченная структура. Сразу после революции советское правительство начало создавать самостоятельное направление разведки, связанное с акциями воздействия на противника на территории Германии, Франции, других стран. Когда НКВД разделили и создали НКГБ, за моим отцом оставили стратегическую, техническую разведку и общую координацию работы советских разведслужб. Как правило, непосредственно с отцом были связаны люди, рядом с которыми даже легендарный Ким Филби со своими уникальными возможностями в английской разведке всего лишь второй эшелон… Точно так же и с Рихардом Зорге, и со многими другими известными разведчиками. Речь шла, в основном, как я говорил, о гражданах других стран, занимавших подчас самые высокие должности в государственном и партийном аппарате.

К сожалению, советское руководство далеко не всегда эффективно использовало разведданные, которые докладывал мой отец. Знаю совершенно точно, что до самой его смерти советскому правительству были известны все действия, планируемые английским и американским руководством. И тем не менее такие колоссальные возможности не использовались в должной мере.

Такой пример. В начале пятидесятых наша разведка в Иране фактически отстранила шаха от власти. Во главе правительства был поставлен просоветски настроенный видный политический деятель Мохаммед Мосаддык. Действия разведки были вызваны огромным значением, которое имело сопредельное государство для Советского Союза. Отнюдь не меньший интерес представлял Иран и для американцев. Отец уже после смерти Сталина на

одном из заседаний Президиума ЦК доложил, что имеет подробные сведения о подготовке спецслужбами США государственного переворота с целью возвращения шаха.

С отцом согласились, что информация тревожная и требует оперативного реагирования, но никаких активных мер принято не было. Вскоре после гибели моего отца все произошло именно так, как и предупреждала советская разведка: американские спецслужбы устроили государственный переворот и вернули шаха на престол. Причем ни американское правительство, ни ЦРУ даже не скрывали, чьих это рук дело.

Случай, к сожалению, если и не типичный, то уж, во всяком случае, не редкий в советской истории… Так не раз бывало и во время войны. При всем уважении к нашим полководцам должен признать, что лишь неумение воспользоваться без преувеличения бесценной информацией, добытой разведкой (какой была эта цена, рассказывать, видимо, не стоит), не раз приводило к самым трагическим последствиям — окружению армейских группировок, прорыву немецких соединений и т. п. Но и каждая успешная боевая операция Великой Отечественной непосредственно связана с титаническими усилиями разведки. Свидетельством тому — многие тысячи документов, которые до сих пор хранятся в секретных архивах.

Тем не менее на Западе ряд исследователей утверждают, что, «несмотря на героизм и мастерство агентов ГРУ, их информация не оказала сколько-нибудь существенного влияния на боевые операции советских войск». Налицо еще одна попытка принизить роль советской разведки в разгроме фашизма, в данном случае разведки Генерального штаба.

ГРУ — Главное разведуправление Генерального штаба — имеет непростую историю. Война с Финляндией со всей очевидностью показала, что необходима перестройка всех обеспечивающих управлений Генерального штаба, в том числе и разведывательного. К тому времени в разведке НКВД многие структурные изменения произошли, а в военной разведке реорганизация была необходима не меньше. Отец, курировавший разведслужбы СССР, между тем считал, что коренным образом ничего в ГРУ ломать не следует. Напротив, все здоровые ветви, дающие результат, говорил он, надо во что бы то ни стало сохранить. Здесь у отца был очень надежный союзник — генерал армии Георгий Константинович Жуков. Вместе с ним, другими военными отец и решал все эти наболевшие вопросы.

Довольно быстро прошло переподчинение разведгрупп, направлений, ГРУ было укомплектовано молодыми энергичными людьми. Впоследствии военная разведка работала довольно

эффективно, так что все упреки в ее адрес — заурядная ложь.

Но трудные периоды в истории ГРУ, конечно же, были. Почитайте, что написано в акте о приеме Наркомата обороны С. К. Тимошенко от маршала Ворошилова в мае 1940 года. Сравнительно недавно этот документ наконец рассекречен:

«Вопросы организации разведки являются наиболее слабым участком в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Отрыв разведработы от Генерального штаба и непосредственное подчинение ее наркому обороны привели к слабому руководству разведывательной службой. Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке и развертывании иностранных армий. К моменту приема Наркомат обороны такими разведданными не располагает. Театры военных действий не изучены…»

Это наряду с недостатками, отмеченными в укомплектовании и устройстве войск, мобилизационной подготовке, состоянии кадров, родов войск, боевой подготовке войск, ПВО Документ подписали Ворошилов, Тимошенко. До войны оставался год, и если бы не эффективная работа стратегической разведки, разведки НКВД, то ситуация была бы патовой. Едва ли в таком же состоянии принимал отец в тридцать восьмом и разведку Наркомата внутренних дел, но уже к началу Второй мировой войны эта разведслужба была серьезным противником стран Запада, включая, естественно, Германию. Когда ГРУ подчинили моему отцу, начались серьезные изменения и здесь. Это, разумеется, мое личное мнение, но в тот период сосредоточение разведслужб в одних руках позволило сделать тот серьезный задел, который обеспечил успешную работу советской разведки и в годы войны, и позднее.

Ян Берзин, Проскуров, Голиков, Кузнецов, Серов, Ивашутин… Все эти люди были начальниками ГРУ в разное время, но, пожалуй, чаще всего вспоминают генерала Голикова. И, как правило, не с лучшей стороны… Одна из разведчиц, подполковник Мария Полякова, начинавшая службу в 4-м Управлении РККА еще в начале тридцатых, так, например, рассказывала о руководителях ГРУ:

«Я по-настоящему поняла, кем был Берзин для нашей военной разведки. Хорошую агентурную сеть быстро создать нельзя, для этого требуются годы. Изобретательность, настойчивость, умение работать с людьми помогали Берзину быть не просто начальником, а настоящим творцом. Он сам подбирал и

готовил кадры, способные выполнять его замыслы. Дела резидентур, созданных до 1937 года, как правило, несут следы его пристального внимания к их жизни и работе. Организации под руководством Рихарда Зорге, Шандора Радо, Ильзы Штебе и ряд других являются классическими в истории разведок. Деятельность военной разведки во время войны показала, что стабильно работали ее фундаментальные организации, созданные под руководством Берзина. Некоторые из них продержались всю войну и добывали ценную информацию.

После ареста Берзина долго не было руководителя. Затем был Проскуров — человек еще молодой, прошедший Испанию, не имевший понятия о нашей работе, но умный, способный и серьезно относящийся к делу. Перед войной Проскурова неожиданно убрали и пришел генерал Голиков. Особенностей нашей работы он не знал и не понимал. Он никогда не отстаивал интересы разведки ни у Сталина, ни в Генштабе. Работать с ним было нелегко…»

Тут много правды. Я знал Голикова как доброго, хорошего человека, но как руководителя разведки его не ценили и в «верхах». Не случайно ведь отправляли его то на какие-то переговоры, то членом Военного совета на фронт. Настоящим профессионалом в разведке он так и не стал.

А судьба Яна Берзина трагична. По национальности он латыш. До революции отбывал тюремное заключение, находился в ссылке, был приговорен военно-полевым судом к смертной казни. Правда, позже этот приговор заменили тюремным заключением.

В Красную Армию он пришел в 1919-м из ВЧК и спустя несколько лет стал руководителем военной разведки. Арестован и расстрелян в бытность Ежова наркомом внутренних дел, в период «ворошиловских чисток» Красной Армии.

Хочу сказать и еще об одном больном для меня вопросе. Ряд источников обвиняют моего отца и советские разведывательные службы в убийстве главы Временного польского правительства в Лондоне Владислава Сикорского и чешского министра иностранных дел Яна Масарика. Якобы люди Берия использовали какой-то новый яд…

Тогда уж логичней обвинить моего отца в том, что он не отравил, а выбросил министра Масарика из окна… Ян Масарик покончил жизнь самоубийством именно таким способом, а не был кем-то отравлен. Да и не было необходимости советской разведке «убирать» сына первого президента Чехословакии хотя бы по одной причине — Ян Масарик работал на Советский Союз… Теперь о Сикорском. «Убрала» его не советская, а английская

разведка. Знаю это совершенно точно.

Из официальных источников: Владислав Сикорский (20.5.1881 — 4.7.1943 гг.) — польский военный и политический деятель, генерал. По образованию инженер. В 1914–1917 гг. полковник легионов польских, противник Ю. Пилсудского. Во время польско-советской войны 1920 г. командующий 5-й, а затем 3-й армией. В 1921–1922 гг. начальник Генерального штаба. В 1939–1943 гг. премьер-министр польского эмигрантского правительства, военный министр и верховный главнокомандующий польскими вооруженными силами. 30 июля 1941 года подписал договор с СССР о возобновлении дипломатических отношений. Погиб в авиационной катастрофе около Гибралтара.

Причина трагической гибели генерала Сикорского в том, что он шел на сближение с СССР. Самолет, в котором Сикорский летел вместе со своим окружением, разбился, а экипаж выбросился на парашютах, получив впоследствии 20-летние сроки тюрьмы. И было объявлено о несчастном случае. Но те же западные источники утверждают, что злополучный рейс начался в Гибралтаре, где главным представителем британской военной разведки был Ким Филби, завербованный в свое время отцом… Случайное стечение обстоятельств?

Нет. Когда погиб Сикорский, Филби в Гибралтаре не было, он выполнял задание советской разведки в Британии. А по поводу самой гибели Сикорского есть любопытные воспоминания. Скажем, адъютант генерала Андерса писал уже после войны, что «правительственное сообщение о смерти Сикорского было очень смутным, путаным и неубедительным. Расследования по происшедшему фактически не было. Для видимости создали комиссию по установлению причины катастрофы, но она приняла ту версию, которую ей сообщили… Даже не утруждали себя выяснением, почему не действовали рули управления, как об этом говорилось в официальном извещении. В случайность никто не верил. Не удалось выловить ни одной целой части, ни тел пассажиров, поскольку при разрыве самолета в воздухе они были изуродованы. Почему так спешили с ликвидацией Сикорского? Сильно опасались англичане соглашения Сикорского с властями Советского Союза. Когда Сикорский объявил о своей поездке в Каир для встречи с Вышинским, направлявшимся из Лондона в Москву, англичане, не желая допустить этой встречи и переговоров, вызвали Сикорского телеграммой в Лондон. Вызвали, сначала подготовив все, чтобы этот полет был для него последним». Предположение адъютанта генерала Андерса ротмистра Климковского полностью подтверждается и данными,

полученными советской разведкой. Ее выводы однозначны: это была диверсия, организованная английской разведкой.

Среди «белых пятен» истории спецслужб и загадочная судьба Рауля Валленберга. Несколько лет назад один из бывших резидентов КГБ в Индии, а впоследствии заместитель директора Института США и Канады АН СССР, заместитель председателя Советского комитета защиты мира заявил, что Валленберг являлся посредником на тайных переговорах между Лаврентием Берия и главой СС Генрихом Гиммлером в 1944 году. Другие источники, в отличие от бывшего резидента Р. Богданова, утверждают, что советские органы безопасности пытались завербовать Валленберга, а когда это не удалось, расстреляли. Якобы шведский дипломат погиб вскоре после Второй мировой войны…

Из официальных источников:

Рауль Валленберг. Шведский дипломат. Единственный человек после Уинстона Черчилля, которому в XX веке присвоен официальный статус почетного гражданина США.

Родился в 1912 году в Стокгольме. Дед — дипломат, работал в Японии, Китае, Турции. Отец, морской офицер, умер до рождения сына. Воспитывался в семье деда. По образованию архитектор. Занимался бизнесом, возглавлял экспортно-импортную контору в Стокгольме. В начале 1944 года с миссией спасения отбыл в Будапешт. Секретарь королевского шведского посольства в Венгрии. Спас от гибели тысячи венгерских евреев.

Арестован органами советской военной контрразведки «СМЕРШ» 17 января 1945 года. Дальнейшая судьба шведского дипломата неизвестна.

Валленберг, знаю, был связан с американцами, и все его действия в Будапеште проводились по указанию и с ведома США. Он действительно очень много сделал для спасения людей. Но никакого отношения к советской разведке он никогда не имел, не говоря уже о том, что никакие переговоры между Гиммлером и моим отцом или кем-либо другим из представителей СССР никогда не велись. Это утверждение абсолютно абсурдно, хотя, знаю, в советской печати о мифических переговорах в последние годы написано много.

Захватил Рауля Валленберга «СМЕРШ», который возглавлял тогда Абакумов. Затем арестованного дипломата передали органам безопасности. Мой отец никакого отношения к судьбе Валленберга никогда не имел, и я, естественно, не знаю, что произошло с этим человеком на территории СССР. Впрочем,

вполне допускаю, что он не был расстрелян и в 50—70-е годы жил в Советском Союзе. Такие примеры, знаю, были…

Это была очень известная фигура и полвека назад. Отец, как и другие члены высшего советского руководства, получал специальные издания с обзорами зарубежной печати, и я не раз читал в те годы и о самом Валленберге, и о том интересе, который вызывают его розыски на Западе. Но о том, что Рауль Валленберг находится в СССР, я узнал гораздо позже.

Чем объясняется необычайный всплеск сегодняшнего интереса к судьбе полковника ГРУ Олега Пеньковского, расстрелянного в мае 1963 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за измену Родине? Одна версия, а нередко их публично выдвигают недавние сотрудники КГБ и ГРУ, сменяет другую, но однозначности в деле Пеньковского, как и прежде, нет. Известно, что полковник работал на скандинавском направлении, в резидентуре ГРУ в Турции, в последние годы перед арестом занимался военно-технической разведкой…

Однозначности здесь ждать не приходится, пока российские спецслужбы не признают, что Пеньковский установил связи с британской и американской разведками гораздо раньше, а не тогда, как принято считать. И сделал он это, знаю из документов, отнюдь не по собственной инициативе, а по заданию своего руководства. Ему изначально была отведена роль агента-двойника.

В разведке такие вещи практикуются.

Во время войны Пеньковский работал в Турции. Насколько известно, претензий к нему не было. Недовольство приближенный Главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения маршала Митрофана Ивановича Неделина, погибшего в октябре 1960 года на испытаниях на Байконуре, вызвал тем, что позволял себе давать англичанам и американцам характеристики людей, стоявших тогда у власти. Видимо, они были не очень лестными…

Это запутанное дело послужило для Хрущева и его ближайшего окружения поводом убрать с должности начальника ГРУ генерала Ивана Серова.

Полагаю, интерес к судьбе полковника Пеньковского спустя тридцать лет после его расстрела вызван тем, что обвинения, выдвинутые в адрес разведчика, сегодня не звучат убедительно.

Мне не только в годы войны довелось служить в разведке, участвовать в ряде разведмероприятий за границей, но и впоследствии я не раз сталкивался с результатами работы, скажем, технической разведки как Генеральный, Главный конструктор ракетно-космических систем. Охота советских

спецслужб за научно-техническими разработками Запада велась не только в послевоенные годы. Этим советские спецслужбы, впрочем, как и все другие разведки мира, занимались всегда и достаточно результативно. Мне довольно часто приходилось бывать в спецлабораториях МВД. За шесть месяцев на отечественной элементной базе под руководством Павла Николаевича Куксенко по чертежам, полученным разведкой, был изготовлен, например, так называемый прибор ночного видения.

Бортовую радиолокацию мы «позаимствовали» у англичан. Во время обороны Москвы бортовой радиолокацией были оснащены две или три авиаэскадрильи. Так было и с морскими локационными системами. Вообще советская разведка здорово помогла конструкторам военной техники.

Из официальных источников: По данным зарубежной печати, все сколько-нибудь совершенные системы оружия, созданные в СССР в восьмидесятых годах, включая знаменитые МиГ-29 и Су-27, некоторые ракеты, танки, подводные лодки, появились на свет во многом благодаря компьютерным комплексам, нелегально полученным за границей. Грандиозная операция КГБ и ГРУ, обошедшаяся в сотни миллионов долларов, позволила взломать ограничения, установленные странами-участницами НАТО на продажу такой техники и технологии социалистическим странам. За несколько лет в СССР попали десятки тысяч компьютеров разного класса, сотни тысяч периферийных устройств, программных средств, запасных частей. С их помощью были созданы совершенные образцы оружия. На их базе построены вычислительные комплексы, моделирующие конструкцию будущих самолетов, ракет, танков и другого оружия. Лишь с применением такой электронной техники можно было рассчитать на прочность гигантскую «Мрию», до предела использовав возможности материалов и сегодняшние знания в аэродинамике и аэроупругости.

Российская печать приводит и другие весьма показательные примеры: «Итальянский мотороллер «Весна» въехал на советский рынок под названием «Вятка». Благодаря спецслужбам, у нас появились новые пылесосы, холодильники, бритвы и прочие товары широкого потребления. Но главная задача разведки — военные разработки.

До сих пор не знаю, был ли завербован советской разведкой американский летчик, посадивший на нашем Дальнем Востоке В-29. А дело было так. Во время Второй мировой войны, отбомбившись над Японией, американец не стал возвращаться на базу, а сел на нашей территории. Советский бомбардировщик

Ту-4 — точная копия того самого угнанного «Боинга»… Знакомство с оборудованием «американца» позволило тогда заметно поднять уровень нашей авиационной техники.

Подобных случаев в те годы было немало. Когда американцы бомбили Японию и средства ПВО подбивали эти машины, экипажам разрешалось ставить самолеты на автопилот и пускать их в сторону Арктики. Сами летчики старались не попадать на японскую территорию и выбрасывались с парашютами на территории Советского Союза или Китая. Если не ошибаюсь, до пяти процентов подбитых машин ушли таким образом в сторону Арктики. Часть из них, естественно, разбились в ледовых просторах, но некоторые — большинство без экипажей — в более-менее нормальном виде попали на территорию СССР. Помню случай, когда самолет без экипажа приземлился неповрежденным и перегонял его с Дальнего Востока летчик Моргунов. Эти машины попали в ОКБ авиаконструктора Туполева, и в очень сжатые сроки его коллектив с помощью нашей промышленности воспроизвел все агрегаты американского самолета. Это очень помогло нашим специалистам, занимавшимся двигателями, радиоэлектроникой, пилотным хозяйством, электроавтоматикой, приборостроением. Американская технология тут же была внедрена в отечественную промышленность.

Сами чертежи двигателей, приборов американских машин наша разведка добыла несколько раньше. Все больше склоняюсь к мысли, что и экипаж В-29, посадивший свой самолет на дальневосточном аэродроме, сделал это не случайно. Видимо, без разведки не обошлось и здесь…

Вот что, к примеру, пишет майор ВВС США в отставке Г. Роберт Бессет из Калифорнии: 18 апреля 1942 года 16 бомбардировщиков В-25, стартовав с авианосца ВМС США «Хорнет», начали первый бомбовый налет на Японию после атаки на Перл-Харбор. Пятнадцать из этих машин либо затонули у берегов Китая, либо потерпели крушение на суше, после того как их экипажи выбросились с парашютами. Только один самолет приземлился в исправном состоянии близ Владивостока, после того как вынужден был свернуть с боевого курса из-за пережега горючего. Пять членов экипажа были интернированы советскими властями, пока в 1943 году им не удалось совершить побег в Иран. История звучит не совсем убедительно, но Г. Роберт Бессет утверждает, что два члена экипажа до сих пор живы и последний раз видели свой самолет стоявшим на взлетно-посадочной полосе в Приморской.

По мнению американских историков, бомбардировщик «вошел в состав советских ВВС и затерялся в пучине времени».

Тайна исчезнувшего В-25 заинтересовала, судя по откликам в печати, многих и в России, и на Украине. Н. Марков из г. Энгельса Саратовской области сообщил, что в июне 1956 года был направлен на учебу по специальности воздушного стрелка в войсковую часть 40971. Школа младших авиаспециалистов дислоцировалась в поселке Мензовка Приморского края. На ее территории, утверждает бывший солдат, в качестве учебного пособия стоял В-25. Ту же роль выполнял и наш Ту-2, стоявший рядом. Самолеты привезли из другой части. Когда школу перевели в Амурскую область, обе машины остались в Мензовке.

Не меньший интерес, как нам кажется, представляет и свидетельство В. Мельникова из Полтавы. Вот что пишет он в «Известия»: «10 послевоенных лет я летал на транспортном самолете в пределах Дальнего Востока, от Уэлена до Пекина. Все приморские аэродромы трех государств (СССР, Корея, Китай) были мне хорошо знакомы. И, принимая во внимание, что нечасто сбивали там «крепости» (авторы писем ошибаются — речь идет о В-29), одна похожая история осталась в памяти. Был ноябрь 1945 года, в Мукдене (Китай) заканчивался карантин в лагере американских военнопленных (которых освободил наш десант). Туда часто летали оборудованные под транспортные самолеты бомбардировщики В-24, В-29. Вылетали они из Японии или Кореи. Маршрут их проходил через Северную Корею, и на их пути лежал город Канко (теперь Хамхын), а у этого города расположилась наша крупная база ВВС. Самолеты перебазировались сюда из Приморья. Часто пролетающие над Канко американские самолеты за два месяца уже примелькались местному люду, но не для приезжих». Если верить читателю, один из высоких военных чинов, увидевший над головой следовавший своим курсом В-29, приказал истребителям посадить «нарушителя». На предупредительную стрельбу из пулеметов и пушек самолет не отреагировал. Дело закончилось тем, что одна из наших «кобр» открыла огонь по мотору «американца». Пройдя береговую черту, самолет внезапно резко развернулся в сторону моря и, отойдя немного от берега, выбросил какой-то предмет, а затем совершил посадку на советском аэродроме.

В. Мельников утверждает, что экипаж сбросил в море секретный прицел. Впоследствии В-29 попал в распоряжение большой группы специалистов. Еще одна версия появления отечественного Ту-4? Возможно, и так.

Еще один вариант вынужденного приземления американского самолета на территории СССР излагают бывшие военнослужащие 33-го полка 10-й дивизии ВВС Тихоокеанского флота Ю. Павлов и

М. Хенкин из Перми, служившие там в 1941–1947 годах. Как-то весной, рассказывают бывший старший авиамеханик и старший техник по вооружению, звено летчиков 19-го истребительного полка их авиадивизии посадили американскую «летающую крепость». Речь, по их утверждению, идет о В-25, который вот уже много лет пытаются разыскать американцы. Прежде чем солдаты успели добежать до приземлившейся машины, экипаж успел уничтожить новейшие секретные приборы для бомбометания и средства связи. Позднее американский самолет перегнали на один из военных аэродромов центральной России.

В 1993 году в украинской печати промелькнуло сообщение об угоне советскими военнослужащими боевой американской машины с южнокорейского аэродрома. Дело происходило в период корейской войны. Угнанную «кобру» посадили во Владивостоке. Как видим, речь идет, по меньшей мере, о нескольких случаях.

Но угоняли, как известно, не только мы… Широко известен случай предательства старшего лейтенанта Виктора Беленко, приземлившегося 6 сентября 1976 года на аэродроме на острове Хоккайдо. Тогда японцы, а точнее, американцы получили новейший советский истребитель-перехватчик МиГ-25.

Куда менее известна у нас история, связанная с угоном другого советского МиГа. В августе 1966 года иракский летчик, заместитель командира авиаэскадрильи Мунир Редфа приземлился на одном из аэродромов Израиля. И по сей день этот случай воспринимается в Израиле как свидетельство эффективной работы тамошних спецслужб — эта задача была поставлена перед израильской военной разведкой и Моссад вскоре после того, как Советский Союз начал поставлять Египту, Ираку и Сирии новые истребители…

Словом, советская разведка, как видим, не исключение. Но возвратимся к судьбе человека, многие годы стоявшего во главе лучшей стратегической разведки мира.

По крайней мере, так оценивают ее деятельность в тот, пожалуй, самый сложный в истории Советского государства период сами специалисты спецслужб.

Каким же он был, мой отец, Лаврентий Павлович Берия? В силу известных причин объективной оценки многолетней работы главы советской стратегической разведки сегодня практически невозможно найти ни в одном из официальных источников. А все, что хранится в секретных архивах бывших советских спецслужб и так или иначе связано с именем «английского шпиона», как и прежде, тщательно оберегается частоколом столь же секретных инструкций сорокалетней давности. Причины все те же…

И тем не менее кое-что в печати проскользнуло. В октябре 1992 года, например, бывший начальник 4-го отдела внешней разведки КГБ СССР Виталий Чернявский публично признал:

«Ум у Берия был острый, расчет точный, он хорошо разбирался в искусстве разведки и контршпионаже. После прихода в МВД в 1953-м Берия подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и энергично начал заниматься ее перестройкой. Он обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе их молодых и энергичных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и государства без переводчиков. Он считал, что отношения с нашими союзниками должны быть более уважительными и доверительными, чтобы советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, особенно по тем, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящей верхушке, чтобы избежать малейшего повода для ссылки на то, что они заведены и реализованы, мол, по указанию «советских товарищей». Это были вполне разумные указания. Об этом я подробно пишу в мемуарах, над которыми сейчас работаю, «На Балканах и в Центральной Европе. 1944–1956».

Сравним эту характеристику с той, которую дали отцу в том же 1953 году организаторы пленума ЦК КПСС. Цитируем стенограмму:

«*Хрущев:* Разведывательная и контрразведывательная работа оказалась второстепенной, заброшенной… Необходимо все поставить на свое место и обязать органы МВД вести работу в полном соответствии с решением ЦК по активной разведке против наших внешних врагов. Настоятельно необходимо, как совершенно правильно говорил товарищ Маленков, укрепить руководство партии во всех звеньях и покончить навсегда с нарушением норм отношения партии и МВД, повысить идейное воспитание чекистских кадров, поднять ответственность партийных органов за осуществление повседневного и конкретного руководства органами, постоянно добиваясь повышения революционной бдительности.

Товарищи, мне думается, нет никакой нужды преувеличивать личность этого злодея. Партийная масса и народ его не знают, он нигде не был, не знал жизни партийных организаций. Руководящие кадры его знали как человека дерзкого и грубого, а теперь узнали как провокатора и изменника.

Круглов: Нет сомнения, что если бы его не остановила тюрьма, то он в своих вражеских целях пошел бы далеко в борьбе

против нашей партии и, как теперь стало совершенно ясно, мог попытаться использовать и аппарат МВД. Но этот прохвост просчитался бы и на этот раз. В огромном своем большинстве, за исключением небольшой кучки особо приближенных людей к Берия, коллектив МВД предан нашей партии, ее ленинско-сталинскому ЦК, и никаким Берия не удастся использовать его в своих гнусных целях. (Аплодисменты.) Однако в настоящее время надо критически осмыслить все поведение Берия в течение последних 3-х месяцев в МВД… Многое выступает в ином, истинном смысле, и становится понятным его антипартийное и враждебное лицо. Становится понятным, что он хотел и учитывал в своих гнусных планах использовать систему МВД. С этой целью, под знаком особой конспирации, все вопросы разведки и контрразведки решались им и Кобуловым… Наша задача сейчас — помочь полностью, до конца разоблачить этого проходимца, трижды предателя, жулика, провокатора, нагло и самодовольно стоявшего среди нашего руководства, а наше руководство является гордостью народа и гордостью партии. Этот интриган, клеветник, провокатор по призванию, аморальный подлец до мозга костей соединял в себе величайшую подлость и величайшую наглость. Следствие выявит всю враждебную деятельность Берия, но и сейчас некоторые его меры, по нашему мнению, являются вредительскими и антигосударственными. Особенно по вопросам разведки. Сейчас известно нам, что в апреле и мае месяцах этого года Берия одновременно вызвал в Москву около половины работников резидентур МВД. Большая часть вызванных работников находится в Москве 2–3 месяца.

Молотов: Откуда вызваны?

Круглов: Вячеслав Михайлович, из-за границы, из капиталистических стран.

Маленков: Таких работников было вызвано несколько сот человек.

Круглов : В настоящее время находится около 200 человек, которые в течение 2–3 месяцев живут в Москве, о которых вопрос не решается. За это время работа резидентур МВД ослабла. Потеряны связи со многими ценными агентами. Резидентуры советской разведки в капиталистических странах оказались оголенными и были оставлены без руководства в течение длительного времени.

Голос: Это сознательно делалось.

Круглов: Совершенно верно. Далее. В Москве три месяца сидел уполномоченный МВД по Германии и его заместители, и в момент подготовки мятежа в Германии Берия принял решение о сокращении аппарата уполномоченного МВД в ГДР в семь раз.

Решили упразднить инструкторский аппарат в Германии, оставив только советнические функции. Таким образом, чекистский аппарат в Германии за это время был также резко ослаблен.

Сомнительным кажется и огульное охаивание Берия всего, что есть в закордонной разведке. Он неоднократно заявлял, что разведки нет, что нет никакой агентуры, никакой ценной информации, нет никаких кадров и все надо начинать на голом месте. В то же время, как сейчас стало известно, Берия и Кобулов ориентировались на отказ от целого ряда агентурных мероприятий и многие материалы по иностранной разведке не были доложены Центральному Комитету партии.

Ряд фактов с назначением руководящих работников МВД наводит на мысль, что Берия преследовал цель иметь на участках верных себе людей, без учета политической преданности партии. Ряд назначений таких людей, как Райхман, Эйтингон, Судоплагов, Мешик, Мильштейн и других, которые абсолютно не пользуются политическим доверием коллектива и были до его прихода изгнаны из органов МВД, как в настоящее время стало ясно, надо рассматривать как желание иметь у себя до конца преданных ему людей.

Берия подверг резкому сокращению и чистке разведывательное управление. За короткий срок было уволено большое количество людей, взятых в органы по партийной мобилизации.

Особое внимание привлекает создание в последнее время Берия, в обход утвержденной Центральным Комитетом структуры министерства, нового отдела, лично подчиненного ему и неизвестно чем занимающегося. Даже кадры в этот отдел подбирались помимо Управления кадров министерства. В этот отдел берется тот же Эйтингон, только что освобожденный из тюрьмы, некто Василевский, пользующийся сомнительной репутацией, близкий человек к Берия, некто Правдин, по национальности француз, и так далее.

Последнее время вновь назначенный резидентом в Финляндии тов. Котов сообщил, что, в бытность свою на приеме у Берия, последний предложил ему посетить бывшего министра внутренних дел Финляндии ренегата Лейно, которого якобы неправильно оттолкнули финские коммунисты. Берия дал понять товарищу Котову, что с Лейно надо встречаться. Это указание Берия выглядит крайне подозрительно, так как нельзя считать нормальным встречу наших советских работников за границей с лицами, которые являются ренегатами и предателями рабочего движения.

Товарищи! В системе Министерства внутренних дел, вернее

бывшего МГБ, за последнее время сложилось тяжелое положение. В течение последних трех лет там идет непрестанная ломка и реорганизация. Это сильно расшатало аппарат. Но коммунисты, работающие в системе Министерства внутренних дел, куда их партия послала, хорошо знают, что под руководством своей родной коммунистической партии, ее Центрального Комитета, учтя все уроки, примут все меры к укреплению органов с тем, чтобы повернуть их против наших классовых врагов, повысят в своей работе революционную бдительность и приложат все силы к тому, чтобы оправдать великое доверие, которое оказывает нам Родина, которое оказывает нам ленинско-сталинский Центральный Комитет партии. (Аплодисменты.) Председательствующий тов. ХРУЩЕВ. Товарищи, есть предложение сейчас сделать обеденный перерыв до 8 часов вечера. Нет возражений?

Голоса: Нет.

Председательствующий тов. Хрущев. Объявляется перерыв до 8 часов вечера…»

«Есть предложение… Нет возражений…» Любопытно, о чем думал тов. Хрущев, отправляясь с ближайшими соратниками на обед. Восхищался спектаклем, разыгранным только что по его сценарию? Анализировал выступления участников Пленума, бойко читавших весь этот бред, написанный клерками из партийного аппарата? К сожалению, никто и никогда об этом уже не узнает. Впрочем, как и о том, почему ни один из участников Пленума ЦК не рискнул даже поставить под сомнение мифические грехи моего отца. Неужели по-прежнему витал в зале призрак политических процессов тридцатых? Или сковывал страх за карьеру? Это, наверное, ближе к правде.

Но никто еще не рассказал и доли правды о том, какой колоссальный вред нанесла партийная верхушка советской разведке в послевоенный период. В просторечии бытует такое выражение — довели до ручки. В 1946-м году разведка органов государственной безопасности оказалась в руках нового министра Абакумова, после его ареста МГБ возглавил партийный аппаратчик Игнатьев. Отсюда и так называемые партийные наборы, засилье в разведке МГБ непрофессионалов. В марте 1953 года, когда отец пришел в МВД после десятилетнего перерыва, состояние разведки было удручающим.

Массовые провалы, разоблачение агентуры, появление перебежчиков, что раньше не наблюдалось. И полное отсутствие серьезной информации, подобной той, которой располагала стратегическая разведка страны. Все это, конечно, возмутило

отца. Между тем аппарат спецслужб давно превысил все разумные пределы.

Разумеется, отец откровенно доложил и на Президиуме ЦК, и на заседании Совета Министров о реальном положении дел. Одной из главных причин случившегося отец назвал низкий профессионализм сотрудников Управления внешней разведки.

— Поймите, — убеждал отец, — нельзя направлять в разведку людей, не имеющих малейшего представления об этой работе, не знающих языков. Это в другом месте можно перебрасывать человека с клуба на баню, а из райкома на стройку. Здесь совершенно определенная специфика, требующая столь же определенных данных. Мне возражают: но они — члены партии. Я не против того, чтобы члены партии работали в разведке, но как можно направлять людей на руководящую работу в разведку, если они не знают азов этой профессии?

Отец начал именно с решения наболевших кадровых вопросов, избавляясь от случайных людей. А на их место сразу же стали подбирать профессионалов. Часть людей перешла в разведуправление МВД из ГРУ. В основном это были люди, которые прошли войну и хорошо проявили себя в армейской разведке. Было немало и таких, кто в совершенстве владел иностранными языками и стремился овладеть азами профессии.

До смешного ведь доходило. Человек не знает ни одного иностранного языка и назначается резидентом, скажем, в Токио… Но — партийный выдвиженец! При Игнатьеве этого было вполне достаточно даже для такой карьеры.

Никакого массового отзыва советских разведчиков из-за рубежа не было и никто никого не «засвечивал», как иногда пишут. Как правило, историки и публицисты повторяют ложь, звучавшую на партийном Пленуме, а нередко и развивая высказанные там выводы… Шла замена дилетантов профессионалами, шла реорганизация, вопрос о необходимости которой сами сотрудники внешней разведки никогда не ставили. Разумеется, все это делалось с согласия ЦК, принявшего предложения моего отца.

Кроме вымыслов, никаких реальных обвинений в адрес нового министра внутренних дел тогда так и не прозвучало. Сами ведь организаторы Пленума отлично понимали, что отец стремился поправить то, что было развалено другими…

Теперь о людях, чьи назначения ставились отцу в упрек. Эйтингон, кадровый разведчик, действительно был освобожден после смерти Сталина. До этого и Абакумов, и Игнатьев выбивали из него показания на отца. Насколько известно, и по сей день он считается одним из профессионалов в среде разведчиков.

Слышал и о Василевском. До прихода в разведку он был летчиком, воевал в Испании. Довольно долго работал во Франции. Познакомились мы на одном из эллингов в Подмосковье незадолго до его отъезда в Испанию — он умел строить отличные яхты. Тоже профессиональный разведчик. С согласия партийных органов — обычная практика в СССР — были назначены на новые должности и Л. Ф. Райхман, ставший начальником контрольной инспекции при МВД СССР, бывший заместитель начальника 2-го Главного управления МГБ П. А. Судоплатов, возглавивший один из отделов МВД, в прошлом начальник бюро МГБ, заместитель начальника 1-го Главного управления МВД. Профессионалами были и все остальные. Никакого анализа перестройки внешней разведки на Пленуме никто не собирался делать. Его устроителям это было ни к чему. Стенограмму этого мероприятия опубликовали лишь сорок лет спустя, а сами участники Пленума быстро разобрались, что произошло на кремлевском Олимпе, и старались держаться от этой темной истории подальше. А тема разведки была использована с той же целью, как и остальные — скомпрометировать имя моего отца и здесь.